

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра археологии, этнографии и источниковедения
Музей археологии и этнографии Алтая

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков

**КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-1
И КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ
В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ**

Монография

Издательство Алтайского
университета

Барнаул — 2002

УДК 63.4(2)3
ББК 930.26
Т 473

Ответственный редактор
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**

Рецензенты:

доктор исторических наук **А.П. Уманский**;
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;
доктор исторических наук **Л.А. Чиндина**

Т 473 **Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курган-
ный могильник Телеутский Взвоз-І и культура населе-
ния Лесостепного Алтая в монгольское время: Моногра-
фия / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина. — Барнаул: Изд-во Алт.
ун-та, 2002. 276 с.**

ISBN 5-7904-0285-2

В монографии представлены полные результаты раскопок курганов монгольского времени, исследованных на разновременном археологическом комплексе Телеутский Взвоз-І, который находится на территории лесостепной зоны Алтайского края. В работе подробно рассматриваются особенности погребального обряда, характеристика найденных вещей, хронология и культурная принадлежность изученных объектов. Полученные материалы, а также обзор ранее обнаруженных в Верхнем Приобье памятников XIII—XIV вв. позволили авторам решать ряд важных культурно-исторических проблем эпохи развитого средневековья. В приложениях к монографии приводятся иллюстрации археологических данных и описания антропологического типа изучаемого населения.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, антропологии, этнографии, культурологии, а также на широкий круг лиц, интересующихся историей Алтая.

Р § И

*Монография подготовлена и издана при частичной финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект №00-06-80393 «Этнокультурная история Алтая в эпоху средневековья»)*

ISBN 5-7904-0285-2

© А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков, 2002
© Алтайский государственный университет, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Монгольский период (XIII–XIV вв.) в истории Азии всегда привлекал внимание исследователей. В научной литературе нашли отражение многие вопросы общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни кочевых народов эпохи развитого средневековья. Однако еще существует значительное число проблем, решение которых возможно только при наличии определенного количества источников. В этом плане перспективными являются исследования различных археологических объектов. Такие материалы особенно важны для регионов, где отсутствуют письменные свидетельства (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а).

До недавнего времени главной проблемой в изучении культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая являлось незначительное количество археологических данных, которые к тому же в большинстве своем не были опубликованы, а порой представляли разрозненные или случайные находки. Это, впрочем, касается и соседних регионов, в частности Горного Алтая. Отсутствие существенного количества памятников монгольского времени связывалось с запустением многих земель. Однако, на наш взгляд, данное предположение не является основной причиной. Значительным препятствием для получения полноценных археологических материалов стал ряд других объективных обстоятельств. Среди них следует назвать проблему методики поиска необходимых объектов. Имевшиеся данные существенно затрудняли такую разработку. Выходом из сложившейся ситуации могли бы стать исследования одного или нескольких «эталонных» объектов с последующим анализом уже добытых ранее материалов. После выявления закономерностей стоит проводить целенаправленные мероприятия научно-исследовательского характера.

Положительная тенденция в археологическом изучении культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая

наметилась лишь в последние годы, когда, наряду с имевшимися немногочисленными данными, появились новые материалы из раскопок погребальных комплексов. Это позволило провести анализ результатов предыдущих исследований и разведок. Таким образом были выявлены объекты и отдельные свидетельства, относящиеся к монгольскому времени. Собранная и приведенная в монографии информация о памятниках и случайных находках создает основу для реконструкции многих сторон культуры населения эпохи развитого средневековья, а также для разработки методики поиска и исследования необходимых объектов.

Главная цель монографии — полная публикация данных о курганах монгольского времени, раскопанных на разновременном археологическом комплексе Телеутский Взвоз-І в Павловском районе Алтайского края, и определение их места среди известных погребальных объектов эпохи развитого и позднего средневековья. Рассматривается история изучения памятников Алтая монгольского времени. Отдельно дается краткое описание физико-географических особенностей рассматриваемой территории. Большая часть Алтайского края, на которой обнаружены захоронения монгольского времени, представляет собой пойменные, степные и лесостепные участки, а также ленточный бор. Для представления этих территориальных рамок исследователи уже на протяжении многих лет используют такой термин историко-культурного наполнения, как Лесостепной Алтай (по аналогии с Горным Алтаем. — *Авт.*). Данный регион включает в себя Предалтайскую равнину, Бийско-Барнаульскую впадину, Приобское плато с прилегающими участками Кулундинской равнины, а также и Обь-Чумышское плато (Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С. и др., 1988, с. 4—5; Малолетко А.М., 1972, с. 21—24; и др.).

Основное место в монографии занимают результаты раскопок курганной группы Телеутский Взвоз-І и их анализ. Следует указать, что материалы, полученные при исследованиях указанного археоло-

гического комплекса, регулярно демонстрировались на конференциях разного уровня и отражены в серии предварительных публикаций (Казаков А.А., 1995; Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В., 1997; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2000; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000; Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001; и др.).

Исследования курганов на памятнике Телеутский Взвоз-1 осуществлялись по традиционной методике с учетом имевших место определенных особенностей. Все средневековые объекты раскапывались в основном прямоугольными участками согласно системе, выработанной в течение ряда лет. Раскопы размечались на бóльшей площади, чем визуально фиксируемые размеры земляной насыпи кургана. Они ориентировались стенками по сторонам света. Оставлялось, как правило, по две бровки шириной 0,2 м: по линии Ю—С и З—В, проходивших через предполагаемый центр каждого кургана. Нивелировка поверхности проводилась при помощи уровня или теодолита через каждые 0,5 м. За нулевую отметку принималась точка в центре кургана в месте пересечения бровок (на планах данный показатель помечен буквой Ц). В некоторых раскопах были пронивелированы и их внешние границы. Это делалось для успешного проведения дальнейших работ на памятнике, чтобы все вскрытые участки можно было отразить в единой координатной сетке и «привязаться» к ним в любом месте исследуемой территории. Дело в том, что под курганами были найдены не только могилы монгольского времени, но и зафиксированы многочисленные археологические данные более ранних эпох.

Перед началом раскопок объекты фотографировались. В дальнейшем все основные этапы работ и многочисленные уточняющие моменты снимались на пленку несколькими фотоаппаратами. Отдельные результаты фиксировались на видеокамеру. Для графиче-

ческого отражения процесса исследований составлялись нивелировочные, ситуационные, общие и отдельные планы. Разрезы бровок демонстрировались в масштабе 1:50 см. Большие раскопы для удобства фиксации находок и всех попадающихся объектов были разбиты на квадраты. Работы на выбранных участках производились путем снятия каждого слоя на глубину штыка (по 20–25 см) и так до материка. При этом все находки наносились на планы. Объекты, обнаруженные выше уровня материка, зачищались и там, где это было необходимо, оставались на приступках. После фотографирования и зарисовки они разбирались. Площадь раскопов, выбранная до материка, также снималась на фото пленку, а все объекты, обнаруженные на ее фоне, графически отражались на планах. После зачистки, фотофиксации и составления плана стратиграфической ситуации бровки разбирались до материка. Объекты, обнаруженные на материковом фоне (ямы, рвы, могилы), выбирались при помощи мелкого инструмента послойно до дна. Кости, вещи и конструкции, найденные в них, зачищались по мере обнаружения, затем фотографировались и наносились на миллиметровку. Ямы и рвы зарисовывались на общем плане в масштабе 1:50 см, а их разрезы размещались на том же листе. Контурные могильных пятен отражались на общем плане. Для могил составлялись отдельные чертежи в масштабе 1:10 см с разрезами и соответствующими обозначениями. В случае необходимости получения дополнительных данных для проведения дальнейших достоверных реконструкций предпринимались меры всесторонней графической, описательной и другой фиксации. В условиях изучения сильно разрушенных погребений этот подход стал обязательным звеном полевой исследовательской практики.

После полной выборки и должной фиксации объектов все найденное в них разбиралось и, пройдя предварительную очистку, упаковывалось и шифровалось. Остатки внутримогильных конструкций убирались, а по дну могилы делался контрольный перекоп

на глубину штыка лопаты. После окончания работ все объекты засыпались до уровня материка, в углах раскопов устанавливались сигнальные репера, а затем с помощью бульдозера вскрытые площади заравнивались выбранным грунтом.

За время раскопок курганов в экспедициях приняли участие студенты-практиканты 1 курса ИФ АГУ (1996 г.), учащиеся школы-лицея при АГУ №86 (1997–1998 гг.), а также сотрудники кафедры археологии, этнографии и источниковедения, Музея археологии и этнографии Алтая АГУ, НПЦ «Наследие», Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭ СО РАН и НИИ ГИ при АГУ.

После проведения камеральных работ и составления научных отчетов для Отдела полевых исследований Института археологии РАН и Музея археологии и этнографии Алтая АГУ дальнейшие мероприятия были связаны с консервацией, частичной реставрацией и реконструкцией обнаруженных материалов. Благодаря этому удалось получить существенные результаты, нашедшие отражения в предлагаемом издании. Отметим важность антропологических определений, проведенных Д.В. Поздняковым (приложение I).

Часть вещей и реконструкции надмогильных и внутримогильных сооружений изображены А. Кунгуровым, который принимал непосредственное участие в работе Елунинской археологической экспедиции в 1997 и 1998 гг. Рисунки предметного комплекса, представленные в приложении II, выполнены в основном художником И. Чудилиным. Приводимые определения костей животных сделаны к.б.н. П.А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных УрО РАН). Перевод краткого содержания монографии на английский язык осуществила О. Казакова.

Методологической базой нашего исследования послужили рациональные положения и разработки исторического материализма, позитивизма, эволюционизма и диффузионизма.

При написании монографии и в ходе работы с полученными материалами использовались общеисторические и традиционные

археологические методы: описательно-сравнительный, аналитический, дедуктивный, классификационный, типологический, метод датированных аналогий, верификация и корреляция имеющихся данных, реконструктивный, статистический и др. Основными реализованными подходами стали материалистический, этногенетический, культурологический, пространственно-временной, комбинированный и др. Классификация (демонстрационная) отдельных категорий погребального инвентаря проводилась на самом общем уровне, поскольку изучаемые серии не так велики. Хронология вещевого комплекса определялась путем привлечения широкого круга аналогий и с использованием метода перекрестных датировок. Там, где это было возможно, рассматривались типологические особенности изделий, т.е. представлялось развитие признаков во времени и пространстве.

Авторы выражают признательность всем, кто принимал участие в полевых работах на памятнике Телеутский Взвоз-I, а также в подготовке и издании данной книги. Слова благодарности выражаем научному руководителю наших кандидатских диссертаций и ответственному редактору монографии доктору исторических наук, профессору, ректору АлтГУ Юрию Федоровичу Кирюшину за поддержку и понимание.

Глава I

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

1.1. Результаты исследований на Алтае археологических объектов эпохи развитого средневековья в 1920–1980-е гг.

Археологические исследования, проводимые в разные годы на территории предгорно-равнинной зоны и горных районов Алтая, определенным образом были связаны между собой. Открытия в одном регионе существенно влияли на процесс осмысления материалов, обнаруженных в другом месте изучаемой историко-культурной области. Это обстоятельство следует обязательно учитывать при рассмотрении многих аспектов эпохи средневековья.

Период накопления массовых археологических сведений о культурах населения монгольского времени на Алтае еще продолжается. Однако полученные за последние десятилетия материалы позволяют приступить не только к сравнительному анализу и реконструкциям отдельных видов памятников, но и к обобщению максимального количества имеющихся источников, зафиксированных в рамках обозначенной территории. Для эффективной реализации последнего направления научной деятельности необходимо не только назвать сами археологические объекты, но и представить краткую историю их изучения.

В 1924 г. в долине Чулышмана А.Н. Глуховым (псевдоним Л.Н. Глушкова. — *Авт.*) был открыт памятник Кудыргэ, который тогда же начал исследоваться экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством С.И. Руденко. В следующем полевом сезоне раскопки продолжились. Предварительное сообщение о результатах работ на территории Горного Алтая опубликовано

ликовано в 1927 г. Полученный материал привлек внимание широкого круга археологов (Гаврилова А.А., 1965, с. 3). В частности, М.П. Грязнов в основополагающей для того времени работе «Древние культуры Алтая» (1930), опираясь на статью С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927, с. 37–52), отнес предметы, найденные на могильнике Кудыргэ и датированные авторами VII в. н.э., ко второй стадии железной культуры. При этом было указано, что «...пока нет ни одного сколько-нибудь характерного памятника на Алтае, который мог бы быть датирован временем после X в. н.э.». Основываясь на данном заключении, исследователь формулирует задачу дальнейших работ: «...заполнить пробел, существующий между культурой сроткинских курганов и культурами современными...» (Грязнов М.П., 1930, с. 9). Процесс изучения данного периода истории затянулся на многие десятилетия (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1996).

Позднее А.А. Гаврилова (1965, с. 5, 44–45, 73), проанализировав материалы из Кудыргэ, правомерно выделила среди них более поздние могилы «часовенногорского типа», относящиеся к монгольскому времени. При этом она отметила, что некоторые вещи, опубликованные ранее С.И. Руденко и А.Н. Глуховым (1927, рис. 3), относятся к периоду монгольского господства (XIII–XIV вв.).

Частичному решению обозначенной М.П. Грязновым задачи могли способствовать материалы, добытые Алтайской экспедицией Эрмитажа при раскопках в 1939 г. на могильном поле у пос. Яконур (ныне Усть-Канский район Республики Алтай). В публикации, где кратко изложены результаты этих исследований, М.П. Грязнов лишь обратил внимание на важность обнаружения впускного погребения, датированного им XIV–XVII вв., «...в связи с тем, что археологические памятники этого времени для Алтая почти совершенно неизвестны, а письменные источники крайне недостаточны» (Грязнов М.П., 1940, с. 21). Кроме этого, в тексте и на представленных фотографиях отражены неполные сведения еще о двух

захоронениях интересующего нас времени (Там же, с. 20, рис. 6–7). Коллекция обнаруженного предметного комплекса в настоящее время находится в ГЭ и значится под №1554. Материалы из Яконура частично использовались в некоторых публикациях по эпохе средневековья.

В 1948 г. на упомянутом уже памятнике Кудыргэ археологические изыскания продолжила А.А. Гаврилова, которая позже в монографии обобщила весь имевшийся комплекс данных, справедливо выделив группу погребений периода «монгольского господства» (Гаврилова А.А., 1965, с. 5, 13, 44–45). Кроме пяти позднекудыргинских могил (14, 17, 19–21) к «часовенногорскому» типу исследовательницей были отнесены погребальные объекты следующих памятников: Яконур (курганы 1 (впуск. мог. А и Д) и 2; раскопки М.П. Грязнова в 1939 г.), Пазырык (курган 5, впуск. мог.; раскопки С.И. Руденко при участии А.А. Гавриловой в 1949 г.) и Красноярское-I (курган 3, могила 2; раскопки С.М. Сергеева в 1930 г.). В книге также приведены аналогии со Среднего Енисея. Таким образом, впервые были обобщены немногочисленные материалы памятников из горных и предгорных районов Алтая, относимые А.А. Гавриловой к монгольскому времени, в основу которых легли главным образом сведения о погребальном обряде и вещевом комплексе нескольких могил из Кудыргэ.

Что касается характеристики других перечисленных выше объектов, то с ними дела обстояли посложнее. Дело в том, что интересующие нас погребения из Яконура полностью М.П. Грязновым не были опубликованы. Поэтому в монографии А.А. Гавриловой использованы лишь некоторые вещи для сводной таблицы, характеризующей периодизацию могил поздних кочевников Горного Алтая (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXXI.-78, 79, 81 — ср.: Грязнов М.П., 1940), а также отмечены место хранения и номер коллекции изученного предметного комплекса (Гаврилова А.А., 1965, с. 6). Материалы из Яконура до сих пор остаются пока

неизданными, хотя некоторые из них использовались в ряде специальных и обобщающих работ по эпохе средневековья (Могильников В.А., 1981, с. 194; Худяков Ю.С., 1997, с. 58–70, рис. 36–44; и др.). Одним из авторов монографии в настоящее время по согласованию с руководством ГЭ подготовлены к публикации имеющиеся данные о погребениях монгольского времени. Результаты исследований С.М. Сергеева, на которые опиралась А.А. Гаврилова, подробно рассмотрены С.В. Неверовым только в 1982 г. На основе анализа обнаруженного предметного комплекса этот исследователь склонен относить указанную могилу к предмонгольскому времени (Неверов С.В., 1982, с. 115–118). Опубликованные А.А. Гавриловой (1965, с. 73, рис. 12) данные о впускной могиле из Пятого Пазырыкского кургана с сегодняшних позиций также не отражают возможность идентифицировать их с материалами монгольского времени. Они, вероятнее всего, свидетельствуют о другом периоде эпохи развитого средневековья.

Следует указать на то, что А.А. Гаврилова среди могил и находок, близких к «часовенногорским», отметила некоторые материалы с археологического комплекса Ближние Елбаны (Гаврилова А.А., 1965, с. 76: Грязнов М.П., 1956, табл. LIX, LXII), о котором пойдет речь ниже.

В 1946–1947, 1949 гг. Северо-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры проводила раскопки на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны (БЕ), которое находится в пойме Оби на дюнах правого берега, неподалеку от с. Чаузово (Топчихинский район Алтайского края). Задача этих работ заключалась в выявлении и исследовании разных археологических объектов, чтобы полученный материал отражал «...все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби» и «...представлял надежную опору для хронологической классификации памятников...» (Грязнов М.П., 1956, с. 6–7). Кратко итоги такой деятельности были опубликова-

ны (Грязнов М.П., 1949, с. 110—119; 1950, 1951, с. 105—113; 1952; и др.), а позже состоялось и монографическое издание их с привлечением других доступных материалов (Грязнов М.П., 1956).

В опубликованной лекции, которую М.П. Грязнов прочитал в 1949 г. на семинаре, организованном в Барнауле отделом культурно-просветительной работы Алтайского крайисполкома, по поводу памятников второго тысячелетия было отмечено, что они слабо представлены не только в Алтайском крае, но и во всей Южной Сибири. Поэтому исследованные на БЕ погребения этого времени представляют особый интерес. Лектором они были разделены на три последовательные хронологические группы. Наиболее поздние захоронения датированы XVI—XVII вв. Кроме этого, установлена их определенная этническая принадлежность и продемонстрированы рисунки некоторых вещей интересующего нас времени (Грязнов М.П., 1950, с. 15—17, табл. VIII).

В статье, вышедшей в 1951 г., М.П. Грязнов представил основательную таблицу обозначенных в районе Верхней Оби культур от эпохи бронзы до телеутов XVI—XVII вв. Там уже даны названия 11 последовательных этапов, имелись конкретные датировки, а вместе с комплексами вещей приведены примеры погребальной обрядности. По сравнению с подобной работой 1930 г. это был существенный прогресс в обосновании культурно-хронологической концепции. М.П. Грязнову удалось «ориентировочно» выделить памятники монгольского времени (XII—XV вв.), в которых, по мнению исследователя, не улавливается «непосредственная преемственность» с предшествующими сроткинскими, датируемыми IX—XI вв. Кроме того, отмечено, что население было, видимо, оседлым, а этническую принадлежность его установить трудно, так как «...археологически Южная Сибирь этого времени слишком мало изучена» (Грязнов М.П., 1951, с. 112). Памятники последнего выделенного этапа М.П. Грязнов предлагал связывать с телеутами на основании материалов нескольких погребений, раскопан-

ных в пункте БЕ-VI. Видя существенный пробел в изучении Сибири, он посоветовал участвовавшему в раскопках на БЕ преподавателю Барнаульского пединститута, известному сейчас ученому А.П. Уманскому, в качестве темы диссертации избрать историю алтайских телеутов (Демин М.А., 1998, с. 60). Эта идея позднее была успешно реализована (Уманский А.П., 1983; 1995).

Стоит еще отметить, что в указанных выше публикациях 1950 и 1951 гг. представлены отдельные рисунки вещей из погребений монгольского времени, их нет среди иллюстративных материалов монографии 1956 г., в которой результаты исследований на БЕ М.П. Грязновым были некоторым образом переосмыслены. Это особенно касается интересующей нас эпохи. Археологические данные по ней были сведены в отдельную главу «Второе тысячелетие н.э. (первая половина)» и рассматривались все вместе (Грязнов М.П., 1956, с. 153–157). При этом автор признавал принадлежность памятников к разным историческим периодам, но затруднялся определить их хронологическую последовательность. Свою позицию известный исследователь обосновывает тем, что «...близкие к нам периоды истории сибирских племен и народов в археологическом отношении слабо изучены», «число исследованных памятников невелико» и они относительно бедны, «не разработана их хронологическая систематизация», а в связи с этим «не дано еще историко-культурной периодизации для... XI–XVII вв.» (Там же, с. 153). В результате культура населения монгольского времени уже отдельно не рассматривалась, а могильник БЕ-VI обозначен как погребальный комплекс сrostкинской культуры и М.П. Грязнов указывает на ошибочность отнесения его к телеутам (Там же, с. 151). Таким образом, проблемы изучения средневековой истории племен Верхней Оби остались нерешенными, что, на наш взгляд, являлось отражением объективной ситуации (Тишкин А.А., 2000, с. 109–110).

После работ М.П. Грязнова знаменитый археологический комплекс БЕ, открытый и частично исследованный еще в конце

XIX в. известным краеведом Н.С. Гуляевым (Демин М.А., 1989, с. 74; Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1998, с. 127–128), редко посещался специалистами. Однако в школу с Чаузово поступали древние предметы, случайно обнаруженные около деревни. Учитывая это, в мае 1981 г. на памятниках БЕ побывала группа археологов АГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Основной целью посещения комплекса являлось обследование уже известных археологических памятников и сбор подъемного материала на разрушающихся участках (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, с. 124–125). При осмотре месторасположения зафиксированного М.П. Грязновым (1956, с. 11) пункта БЕ-VI А.Л. Кунгуровым обнаружена и исследована могила монгольского времени, которой с учетом результатов предыдущих раскопок был присвоен порядковый номер «7». В августе-сентябре того же года работы на указанном памятнике осуществлял В.Б. Бородаев. Он нашел еще одно интересующее нас погребение (могила 8). Таким образом, на археологическом комплексе Ближние Елбаны зафиксированы захоронения монгольского времени на территории следующих пунктов: **БЕ-VI**, мог. 3, 4 (Грязнов М.П., 1956, с. 147–148) и мог. 7, 8 (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000); **БЕ-XIV**, мог. 5, 6, 8 (Грязнов М.П., 1956, с. 155–156) и, вероятно, **БЕ-II**, мог. 1 (Там же, с. 154). Хотя эти материалы введены в научный оборот, все же требуется их более качественное представление и тщательное изучение.

После выхода двух обобщающих монографий М.П. Грязнова (1956) и А.А. Гавриловой (1965), в которых были отражены имевшиеся сведения об эпохе развитого средневековья Лесостепного и Горного Алтая, наступил следующий период накопления материалов. При этом исследователи уже имели определенные ориентиры, обозначенные в указанных работах. Однако именно для монгольского времени необходимый процесс затянулся уже на длительный отрезок времени. Ниже мы перечислим основные ар-

хеологические объекты, обнаруженные и раскопанные на Алтае в разных местах начиная с 1960-х гг.

Исследование памятников в урочище Раздумье, расположенном на правом берегу Оби в 5 км ниже с. Дресвянка (Каменский район Алтайского края), также имеет свою историю изучения (Уманский А.П., 1987, с. 81–99). В ходе работ с 1960 по 1966 г. получены археологические материалы, среди которых можно отметить сведения о погребениях монгольского времени. Наиболее конкретным объектом является могила 8 разновременного памятника Раздумье-1, о чем и указал в своей публикации автор раскопок А.П. Уманский (1987, с. 89, 91, 93, рис. 2 и 5), основываясь на анализе обнаруженного там предметного комплекса. Тем не менее, на наш взгляд, имеются данные и о других захоронениях эпохи развитого средневековья, в которых отсутствовал инвентарь. Это заключение основано на схожести внутримогильных конструкций, а также на отмеченной ориентации погребенных (Адамов А.А., 2000, с. 21–22). Особенно важным является последний показатель, на что в свое время указал Д.Г. Савинов (1994, с. 165–166). В данном контексте следует указать, что в описании могилы 8 и на опубликованном плане имеется расхождение ориентации погребенного человека: в первом случае говорится о северо-востоке, а во втором — показано северо-западное направление. Кроме того, на памятнике Раздумье-1 зафиксированы две традиции в ориентации умерших: северная и западная (с разными отклонениями). Данные показатели характерны для эпохи развитого и позднего средневековья. Однако отсутствие инвентаря не дает возможности более точно определить время сооружения таких могил.

В 1960-е гг. в Бийский краеведческий музей поступили материалы интересующей нас эпохи. Происходили они из разрушенных погребений на памятнике, получившем позже название АБ по обозначению жилищного микрорайона на плане застройки г. Бийска. По всей видимости, сначала в музей попали два железных

предмета: вильчатый наконечник стрелы и фрагмент панцирной пластины, которые составили коллекцию №179. Эти находки тогда связывались с одним из Бийских городищ, так как известный сейчас могильник АБ еще не был каким-либо образом зафиксирован. В книге описи коллекций они отмечены как относящиеся к погребению монгольского времени, обнаруженному «под вышкой». В конце 1960-х гг. Б.Х. Кадиков в квартале АБ расчистил нарушенное захоронение, находившиеся в нескольких десятках метров северо-восточнее Бийского Городища-4 (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 15). Погребение располагалось в районе опоры ЛЭП и, вероятно, пострадало при сооружении такой конструкции. На плане показано, что череп отсутствовал, но остальные кости скелета и зафиксированные предметы лежали *in situ*. Умерший человек был уложен в могилу вытянуто на спину, головой на ЮЗ. При нем находился «стандартный» набор рядового кочевника. В ногах располагалось седло, от которого остались лишь железные стремена. Неподалеку, у левой ноги, лежал несохранившийся колчан. Судя по местонахождению обнаруженных в могиле костяных и железных наконечников, стрелы в колчане располагались оперением вверх. Кроме указанных предметов, в районе пояса находились железный черешковый нож со сточенным клинком, небольшой каменный оселок с отверстием, а также фрагмент панцирной пластины и часть, вероятно, от пряжки (Тишкин А.А., 2002б, с. 144, рис. 1). Все эти вещи составили коллекцию №181 БКМа.

Таким образом, на памятнике АБ, который находится на территории одноименного микрорайона Бийска, на третьей надпойменной террасе левого берега Бии, неподалеку от Бийского городища-4, около ЛЭП были найдены два погребения монгольского времени. Было бы логично дать им следующие обозначения: могила 1 (кол. №179) и могила 2 (кол. №181). Тем более, что обследование памятника АБ показало наличие и других погребальных сооружений, возможно, также эпохи развитого средневековья, так как

в 100 м северо-западнее надбереговой опоры ЛЭП в лощине, прорезающей третью надпойменную террасу, зафиксированы две земляные курганные насыпи диаметром 5–7 м, высотой до 0,5 м (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 15). Возможно, эти объекты связаны с предыдущими могилами. Ответ на это могут дать только археологические раскопки, хотя проведение их в парковой зоне Бийска весьма проблематично. Обычно археологам приходится иметь дело с неполноценными материалами из разрушенных объектов, что существенным образом затрудняет процесс восстановления облика материальной и духовной культуры населения Лесостепного Алтая монгольского времени.

В 1969 г. в пойме Оби на дюне урочища Сухие Гривы, находящемся почти напротив с. Вяткино (Усть-Пристанский район Алтайского края), Б.Х. Кадиковым, А.П. Марковым и Н.Л. Членовой зафиксировано разрушенное погребение монгольского времени. Предметный комплекс ныне находится в Бийском краеведческом музее (БКМ, коллекция №197). Сохранившийся погребальный инвентарь из могилы, обнаруженной на памятнике Сухие Гривы, представлен бронзовыми серьгами, железными наконечниками стрел (не менее шести), ножом с наборной ручкой и ножнами из дерева, стремянами и кольцами от седла. Сведения о найденной могиле с описанным выше предметным комплексом были кратко отражены Н.Л. Членовой в «Археологических открытиях 1969 года». В небольшой заметке говорилось о том, что «...Алтайский отряд Западно-Сибирской экспедиции проводил раскопки в лесной и предгорной зонах Алтая, ...на правом берегу Оби, против дер. Вяткино (Усть-Пристанский р-н) обнаружен грунтовый могильник тюркской эпохи. Расчищено одно погребение с бронзовыми серьгами, железным ножом и обломками железных стремян и других предметов» (Членова Н.Л., 1970, с. 200–201). В том же 1969 г. Б.Х. Кадиков указал местонахождение открытого памятника Д.Г. Савинову, который раскопал там еще две грунтовые могилы.

Результаты этих исследований и вещи частично опубликованы (Савинов Д.Г., 1979, с. 69–71). Д.Г. Савинов, без учета выявленного ранее объекта, дал собственную нумерацию погребений.

Таким образом, на грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы, было найдено и исследовано три могилы монгольского времени. В связи с тем, что Д.Г. Савинов уже опубликовал описание исследованных погребений и дал им обозначение под номерами «1» и «2», то следует закрепить за обнаруженной ранее Б.Х. Кадиковым, Н.Л. Членовой и А.П. Марковым могилой номер «3», чтобы не было путаницы с уже введенной в научный оборот информацией. В настоящее время материалы коллекции №197 БКМа полностью опубликованы одним из авторов монографии (Тишкин А.А., 2001в).

Интерес к памятнику Сухие Гривы в свое время проявил бывший сотрудник АГУ В.Б. Бородаев. В 1982 г. он вместе с Б.Х. Кадиковым и П.И. Шульгой раскопал одно погребение (Фролов Я.В., 1999, с. 14–15). В работе экспедиции принимал участие А.А. Казаков. Однако результаты этих исследований до сих пор остаются недоступными. Следует указать, что место расположения могильника во всех известных нам случаях точно не указано. Повторяющиеся данные весьма приблизительны, и по ним в условиях поименной местности сложно сориентироваться. Небольшое дополнение в приводимые выше описания сделал Я.В. Фролов (1999, с. 14), уточнив, что памятник располагается «...на правом берегу р. Оби напротив (к востоку) от с. Вяткино на раздуваемой дюне...». Им же проводилась картография археологических объектов Усть-Пристанского района, составлена сводка и представлена схема расположения памятников, на которой под №61 обозначен могильник Сухие Гривы (Там же, рис. 1.-61).

Археологические исследования в пойме Оби Д.Г. Савиновым были продолжены. На песчаном мысу при слиянии р. Камышенки и оз. Шibaева в урочище Осинки им раскопан большой

грунтовый могильник. Памятник располагался в 7 км от пос. Камышенки Усть-Пристанского района Алтайского края. Среди исследованных 76 погребений имелась компактная группа объектов (около 20), которые можно датировать монгольским временем (Савинов Д.Г., 1971, с. 219–220). Однако этот материал до сих пор не введен в научный оборот. Сведения лишь об отдельных категориях находок или некоторые данные о погребальном обряде нашли отражение в публикациях Д.Г. Савинова (1971, 1979, 1981, 1994 и др.). Следует указать, что работы на памятнике Осинки были начаты Н.Л. Членовой (1970, с. 201) в 1969 г. во время разведки на Северном Алтае.

В 1972 г. экспедицией под руководством А.П. Уманского (1992) проведены аварийные раскопки в окрестностях с. Ильинка Шелаболихинского района Алтайского края. Территория работ представляла собой обширную луговину в пойме Оби. В древности река проходила у самого левого берега, крутого и обрывистого, высотой до 40 м. Потом она пробилла себе русло восточнее, отойдя на расстояние до 3–4 км. В результате большой участок низкой стороны превратился в обширный луг с озерами и лягами. Кустарником поросли песчаные дюны бывшего правобережья Оби, а многие из них оказались развееваемыми ветром. Однако ниже Ильинки (по течению Оби), близ с. Селезнево и еще далее у с. Киприно, такие дюны хорошо сохранились. Они достаточно высоки. В древности на таких местах, называемых на Алтае елбанами, люди селились, устраивали могильники и т.п. Это хорошо зафиксировано работами Новосибирской экспедиции под руководством М.П. Грязнова (1952–1954 гг.), когда отряд М.Н. Комаровой произвел сборы и первые раскопки у с. Киприно, а также разведками А.П. Уманского там же в 1959 г. и у с. Селезнево в 1972 г. Некоторые случайные археологические находки с Кипринского Борка опубликованы позднее П.Л. Рудометовым (1991).

Вдоль кромки бывшего правого берега Оби, на развееванных и срезанных бульдозерами песчаных елбанах обнаружены древние

поселения и могильники, обследованные в 1972 г. около с. Ильинки. Полоса развеиваемых песков протянулась на 2,0–2,5 км, шириной до 100–150 м. Общая площадь обследования и проведенных аварийных работ составила около 4 кв. км. На этих местах прежде всего осматривались выдувы. В объекте №11, на втором елбане, была обнаружена яма овальной формы, в которой найдены остатки поперечных жердей и железное кресало. На первом и втором елбанах зафиксировано и исследовано пять погребений, судя по обряду и инвентарю относящихся к 1-й половине II тыс. н.э.

Предварительная информация о работах археологической экспедиции Барнаульского пединститута в 1972 г. была уже опубликована (Уманский А.П., Караваев А.В., 1992). Материалы, полученные из раскопок, а также соответствующая документация и научный отчет (Уманский А.П., 1992) хранятся в историко-краеведческом музее БГПУ (коллекция №59). Антропологические определения обнаруженных человеческих останков проводились В.А. Дремовым (ТГУ). Лишь недавно состоялась полная публикация результатов указанных исследований (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001).

Инвентарь, обнаруженный в раскопанных погребениях, позволяет определить их относительную хронологию. Вещи, зафиксированные в могилах 4 и 5, надежно датируют их периодом XIII–XIV вв. н.э. Это прежде всего стремена с отверстием для путлица в дужке, крюковые удила с большими кольчатыми псалями, наконечники стрел, серьга в виде знака вопроса, а также металлические детали седла. Данные предметы хорошо представлены в памятниках Лесостепного Алтая монгольского времени (Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-9, 11; 2.-3; 3.-4–5; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, 3.-1; 4.-2–13; 6.-12; 7.-3–10). Внутримогильные конструкции, положение и ориентация умерших также характерны для погребальной обрядности населения указанного периода. Одинокое захоронение человека, ориентированного на ССЗ, в могиле 1

вполне сопоставимо с погребениями в объектах №4 и 5 этого памятника. На грунтовом могильнике Ильинка исследованы могилы двух смежных хронологических периодов, относящиеся к сменяющим друг друга археологическим культурам: сrostкинской и культуре монгольского времени. Данная ситуация фиксируется еще на одном грунтовом могильнике Лесостепного Алтая — Осинках (Савинов Д.Г., 1994, с. 156—157; Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177). Вещи, собранные на выдувах, также в основном происходят из разрушенных средневековых погребений. Наконечник копья относится к сrostкинским типам изделий, наконечники стрел — к предметному комплексу монгольского времени. Остальные вещи могли присутствовать как в первой, так и во второй группе захоронений (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, с. 160).

В 1975 г. тогдашние барнаульские студенты Н.Д. Брусник, С.В. Цыб и В.М. Топычканова предприняли попытку отыскать местонахождение Белоярской крепости. Однако в ходе обследования был найден археологический памятник, получивший название Кармацкий. Земляные курганы располагались в бору на мысу надпойменной террасы правого берега Оби неподалеку от пос. Кармацкий в Первомайском районе Алтайского края. Студенты попробовали самостоятельно раскопать один из погребальных объектов, но до конца это сделать не смогли. Опираясь на их сведения, в том же 1975 г. на памятнике побывал В.А. Могильников. Он исследовал там один курган с нетронутым погребением монгольского времени. Результаты обследования памятника и полученные материалы раскопок были опубликованы лишь через 17 лет (Могильников В.А., 1992б, с. 92—94). Следует обратить внимание на следующее указание в этой статье: «Кости скелета и инвентарь под мощным перекрытием из бересты сохранились очень плохо, фрагментарно» (Там же, с. 93). Примечательно, что наряду с курганами на Кармацком был зафиксирован поселенческий слой. Опубликовано

ванный В.А. Могильниковым глазомерный план курганной группы из 28 погребальных объектов и 9 сомнительных возвышений лишь частично соответствует реальной ситуации. В 70-е гг. исследования на памятнике проводили члены археологического кружка исторического факультета АГУ. Полученные тогда материалы не изданы, и судьба их пока нам неизвестна. Отдельные данные о четырех раскопанных объектах нашли отражение в публикации С.А. Ефремова (2002, с. 102, 104). В Музее археологии и этнографии Алтая АГУ имеются лишь описания коллекции керамики раннего железного века из культурного слоя поселения, найденной во время вскрытия некоторых курганов. В течение многих лет на Кармацком неоднократно бывали археологи Алтайского госуниверситета и Барнаульского пединститута (ныне — БГПУ), но планов и описаний памятника не было сделано. На территории мыса в последние годы располагалась выездная пасаека. Во время осмотра курганной группы в 1999 г. пасечник рассказал участникам экспедиции АГУ о том, что им при рытье ямы на небольшой глубине были обнаружены человеческие кости плохой сохранности, среди которых выделялся фрагмент черепной коробки. Эти «находки» пасечник сразу же закопал. Под руководством А.А. Тишкина (2002в) проведено полноценное обследование археологического комплекса. Главной задачей такой работы являлось получение объективных сведений о состоянии памятника, выявление и описание всех визуально фиксируемых объектов, а также снятие достоверного плана памятника. В результате обнаружено более 70 курганных насыпей, среди которых пять объектов уже были ранее полностью раскопаны, а на 19 имелись западины, свидетельствующие об ограблении захоронений. Стало совершенно ясно, что 14 курганов находятся в серьезном аварийном состоянии по следующим двум причинам: прежнее обрушивание береговой кромки и сооружение глубоких противопожарных рвов как по краю террасы, так и в других местах мыса. Кроме того, через ряд объектов

проходит действующая полевая дорога. Одним из разрушающих памятник факторов являлось произрастание деревьев, которые, находясь на самих курганах и в непосредственной близости с ними, мощными корнями проникали в погребения. Реально таких объектов более десятка. Как уже было сказано, сохранность археологического материала, полученного при раскопках, очень плохая. Это связано с тем, что могилы сооружены в песчаном грунте и располагаются неглубоко от современной поверхности. Данный фактор также оказывает негативное влияние на погребальный комплекс, усугубляя его аварийность. Общая площадь памятника составляет около 7000 кв.м. Высота террасы, на которой располагаются объекты, — 11 м. В настоящее время Кармацкий — один из самых крупных погребальных комплексов монгольского времени на Алтае. Исследования на нем позволят существенным образом решить имеющиеся проблемы изучения эпохи развитого и, возможно, позднего средневековья. Это обеспечит, на наш взгляд, и обозначение названия культуры населения монгольского времени (Тишкин А.А., 2000а, с. 172).

В начале 80-х гг. при строительстве стадиона в с. Усть-Алейке Калманского района Алтайского края было разрушено несколько могил, одну из которых доисследовал В.Б. Бородаев (1987), а другие раскопал А.Л. Кунгуров. Полученные в ходе работ археологические материалы из пяти погребений опубликованы (Кунгуров А.Л., 1991). Могильник, получивший обозначение Усть-Алейка-Клуб, находится в центральной части села на 10-метровой песчаной гриве близ устья Алея (левый приток Оби).

В июне 1981 г. во время проведения строительных работ около въезда в с. Усть-Алейку обнаружилась могила, в которой находилось «богатое женское погребение». Найденные тогда вещи были переданы в Алтайский краевой краеведческий музей (ныне — АГКМ, Барнаул), где они и сейчас хранятся в коллекции №14483. Вместе с предметами находится записка следующего содержания:

«с. Усть-Алейка, 300 м от старого (пересохшего) русла Алей. Курган, высота ~1 м. Женское захоронение, лежала на боку (?). Гроб деревянный, внутри обложен берестой. Найдено рабочими при строительстве цеха по производству гранул (из) трав, муки, середины июня 1981 г.». Обнаруженное средневековое захоронение привлекло внимание археологов. В августе 1981 г. по «горячим следам» место по сути разрушенной могилы обследовал В.Б. Бородаев. Им же были выяснены подробные обстоятельства обнаружения памятника, получившего обозначение Усть-Алейка-5. Собранные тогда сведения кратко и в популярной форме нашли отражение в газетной публикации (Алт. правда. 1982. 18 июня), подготовленной В.Б. Бородаевым, тогдашним сотрудником Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ. Для представления более четкой картины произошедших событий следует продублировать некоторые данные, приводимые в статье, которая называлась «Усть-алейские находки»: «...Копая яму под столб, экскаваторщик совхоза «Ягодный» П.Д. Кириченко задел древнее захоронение. Машинист агрегата витаминной муки В.С. Храпов, остановив дальнейшие работы, сообщил о находке местным краеведам — учителям Усть-Алейской средней школы Д.Т. Юртайкину и С.В. Головину, которые тщательно собрали остатки предметов, положенных в могилу вместе с умершей... Все эти вещи были сданы учительницей истории Усть-Алейской школы Н.П. Частухиной в Алтайский краеведческий музей». В этой же газетной публикации был указан перечень находок и представлены фотографии двух из них: «...уникальное украшение головного убора из двух тонких серебряных пластинок с тисненым орнаментом» и украшенный вышивкой обрывок одежды «...из узорчатой шелковой ткани».

Основываясь на комплексе рассмотренных предметов, В.Б. Бородаев датировал разрушенное погребение из Усть-Алейки-5 XIII—XIV вв., сопоставил его с захоронениями половцев и принял попытку анализа вышивки на уцелевшем фрагменте ткани.

В цитируемой газетной статье в заключение указывалось на «...большую научную ценность усть-алейского могильника» и на то, что «...планируется продолжить его раскопки летом 1982 года» (Бородаев В.Б., 1982). И действительно, такие исследования на памятнике В.Б. Бородаевым производились, однако результаты их уже на протяжении многих лет остаются неизвестными.

В 1994 г. при проведении картографирования археологических объектов Калманского района место нахождения интересующих нас памятников монгольского времени из Усть-Алейки было обследовано В.В. Горбуновым (результаты этой работы находятся в НПЦ «Наследие» и в архиве Музея археологии и этнографии Алтая АГУ).

Сообщенные в газете сведения о памятнике Усть-Алейка-5 и размещение одной из находок в экспозиции АГКМа (стенд «Изделия монгольского времени»: 7. Металлическое украшение головного убора. Могильник Усть-Алейка, Калманский район) были учтены при подготовке пособий по истории Алтая для учащихся и учителей общеобразовательных школ (Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997а, с. 149–150; 1997б, рис. 88.-16). Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 и обстоятельства их находок опубликованы одним из авторов монографии (Тишкин А.А., 2001а).

Прежде чем указать оставшиеся объекты эпохи развитого средневековья, следует остановиться на одной обобщающей работе, в которой В.А. Могильниковым (1981) были представлены характеристики памятников Сибири, Казахстана и Средней Азии XIII–XIV вв. Несмотря на то, что материалы с Алтая рассмотрены в рамках источников, приведенных в свое время еще А.А. Гавриловой (1965), исследователю на основе привлеченного широкого круга данных удалось обозначить ряд важных моментов. Во-первых, отмечено то, что памятники XIII–XIV вв. достаточно обширной территории «...имеют ряд общих элементов культуры, особенно в

области вещевого инвентаря, большое единообразие которого... обусловлено монгольскими завоеваниями...». Во-вторых, указывается на имеющуюся специфику погребального обряда у населения разных районов, отражающую отличия этнических групп. Кроме этого, В.А. Могильников отдельно остановился на термине «памятники часоленогорского типа», введенном А.А. Гавриловой, определив это понятие условным и равнозначным словосочетанию «памятники монгольского времени», так как на территории Саяно-Алтая погребальные объекты принадлежат «...различным этническим группам с местным локальным своеобразием культуры» (Могильников В.А., 1981, с. 194). О том, что термин «часоленогорский тип» могил «не вполне удачен», также позднее указал и Д.Г. Савинов (1994, с. 165–166), который в общем подтвердил и другие представленные выкладки В.А. Могильникова, отметив при этом, что с XIII в. ориентация погребенных «...является важным хронологическим и культурно-дифференцирующим признаком».

В 1980-е гг. при строительстве автодороги в Тальменском районе Алтайского края был разрушен курган предположительно монгольского времени. Обследовать место находки выезжал В.Б. Бородаев. Результаты исследований полностью не опубликованы. Некоторые упоминания отмечены в статьях С.А. Ефремова (1998, табл. 1–2; 2002, с. 104, 108), из которых можно узнать, что на могильнике Кашкарагаиха изучен курган №1 с зафиксированными чертами кыпчакского влияния (отдельное захоронение черепа коня, железные удила, характерные особенности погребального обряда). Однако эти отрывочные сведения не позволяют включить их в сравнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении данных.

В 1993 г. в музей районного центра с. Советского (Алтайский край) поступила веслообразная накладка от сложносоставного лука, характерная для монгольского времени. Оказалось, что она была найдена в карьере для добычи глины у пос. Рубцовского на

правом берегу Каменки (левый приток Катуня), в 2,5 км к ССВ от окраины с. Советского. В том же году обнаруженный археологический памятник обследовали М.Т. Абдулганеев и местный краевед П.А. Пименов. При осмотре карьера были зафиксированы остатки двух могил, а также найдено железное тесло, обломки железных удил (?), кости, отмечено применение при захоронениях дерева и бересты, установлена глубина могил и их ориентация (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 172–174).

Летом 1997 г. при осмотре поселения Островное-3 (Мамонтовский район Алтайского края), расположенного на высокой дюне в пойме оз. Большого Островного, Г.Е. Ивановым (1999) обнаружено разрушающееся женское погребение, которое по найденным в могиле вещам (металлическое зеркало, серьга, железный нож) датировано 2-й половиной XIII — 1-й половиной XIV в., «...то есть монгольском или золотоордынским временем». Умершая была захоронена вытянуто на спине, головой на СЗ, правая рука согнута в локте (кисть ее находилась в области таза), а левая лежала вдоль тела. Это погребение, по мнению Г.Е. Иванова (1999, с. 151), было не единственным. Неподалеку от него обнаружены другие средневековые вещи. Кроме того, в Мамонтовском районе зафиксирован ряд находок интересующего нас времени: золотоордынская монета, наконечники стрел, подвеска (Иванов Г.Е., 1982; 1999; 2000). Следует еще отметить разрушенное погребение с поселения Крестьянское-3, содержащее серьгу в виде знака вопроса и плоские наконечники стрел (Иванов Г.Е., Исаев Н.Н., 1996, с. 107–109), которое правильнее датировать XIII–XIV вв. (Иванов Г.Е., 1999, с. 151).

Имеются еще сведения о случайных находках с территории Лесостепного Алтая, среди которых в основном представлены предметы вооружения (Горбунов В.В., Клюкин Г.А., 1997; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998а, б; 2001; Горбунов В.В., Исупов С.Ю., 2002; Тишкин А.А., 2002б; Иванов Г.Е., 2000, 2001; и др.).

Приведенные данные демонстрируют наличие основы для начала решения ряда проблем, касающихся монгольского времени рассмат-

риваемого региона. Следует подчеркнуть наличие как грунтовых, так и курганных могильников. В монографии предусматривается решение таких вопросов, как обозначение названия культуры, возможная ее этническая идентификация, периодизация и более дробная датировка. В перспективе возможна разработка методики поиска погребальных и других объектов монгольского времени, реконструкция социальной структуры общества, хозяйственной деятельности, религиозных и мировоззренческих представлений.

Для сравнения представительности источниковой базы по Лесостепному Алтаю обозначим памятники, найденные и исследованные в горах. Кроме указанных выше пяти могил из Кудыргэ и трех погребений из Яконура, добавились материалы, полученные в последние годы: Бертек-20 (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994, с. 127, 152–156) и Усть-Бийке-III, 4 кургана (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999а, с. 318, рис. 36; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999б, с. 522, 525, рис. 2.-17). Как видно, этих материалов существенно меньше, чем в предгорно-равнинной зоне. Однако выявленные особенности расположения на Алтае погребальных объектов монгольского времени позволяют надеяться на существенное их увеличение (Тишкин А.А., 1998). Следует также отдельно остановиться на впускных погребениях развитого и позднего средневековья. Исследователи указывают, что подобный обычай захоронения широко использовался в XIII–XIV вв. на всей территории Южной Сибири (Могильников В.А., 1981, с. 194). В Горном Алтае к предмонгольскому, монгольскому и послемонгольскому периодам относится серия таких объектов: Яконур, курган 1, погребения А, Д (Грязнов М.П., 1940); Туяхта, курган 7, впускное погребение (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941); Пазырык, курган 5, впускное погребение (Гаврилова А.А., 1965); Ак-Алаха-I, курган 1, впускное погребение (Полосьмак Н.В., 1994, с. 19–22, рис. 10–11), Талдуаир-I, курган 6, впускное погребение, Балык-Соок-1, курган 9, впускное погребение, Ташанта-III, курган 10, впускное погребение (Ку-

барев Г.В., 1995, с. 164–165, 167), Верх-Еланда-1, курганы 1 и 5, впускное погребение (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990); Барбургазы-1, курган 19, впускное погребение (Кубарев Г.В., 1992); Межелик, курган 7, впускное погребение (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996, с. 151–153); Кок-Эдиган, курган 14, погребение А (Худяков Ю.С., 2000, с. 54–60) и др. Свообразную группу составляют так называемые скальные погребения: например, в урочище Тожан (Кочеев В.А., 1983), в ущелье Комей (Худяков Ю.С., 2000) и др. (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., 1996). Наличие таких объектов указывает на необходимость решения целого ряда исследовательских задач.

Приведенный перечень источников позволяет приступить к анализу имеющихся материалов из исследованных памятников монгольского времени, расположенных в Горном и Лесостепном Алтае. Эта работа будет более эффективной при сравнительном сопоставлении данных пока еще не обозначенных археологических культур. Несомненную перспективу имеют разработки отдельных тем и проведение многочисленных реконструкций. Значимым итогом научной деятельности может стать этническая идентификация локальных групп населения эпохи развитого средневековья, а также выявление определенных их компонентов в культурах современных народов Западной Сибири и сопредельных территорий.

Таким образом, в последние годы на Алтае наметилась тенденция к ликвидации серьезного пробела в археологическом изучении культур населения монгольского времени (XIII–XIV вв.). В связи с этим происходит осмысление и оценка ранее исследованных объектов, а также всех данных, относящихся к эпохе развитого и позднего средневековья. Несомненно, определенный вклад в такие исследования внесут материалы, полученные при раскопках памятника Телеутский Взвоз-1.

1.2. История изучения археологического комплекса Телеутский Взвоз-I и краткое физико-географическое описание района его расположения

Памятник был открыт А.П. Уманским в 1956 г. и впервые учтен как курганный комплекс Телеутская-IV, состоящая из 21 погребального сооружения (Уманский А.П., 1993, с. 9). Этот могильник неоднократно обследовался сотрудниками экспедиций Барнаульского пединститута и Алтайского госуниверситета в 1972, 1979, 1982, 1992–1993, 1995–1996 гг. (Шамшин А.Б., 1993а, 1993б, с. 19–20; Уманский А.П., 1993, с. 9; Казаков А.А., 1995, 1997; и др.). В связи с тем, что д. Телеутская, непосредственно к которой делалась в 1956 г. топографическая привязка, оказалась смыта Обью и стало невозможно с полной достоверностью соотнести многие археологические объекты, название, данное А.П. Уманским, поменялось. С учетом обозначения жителями ближайших деревень урочища и спуска в пойму реки рассматриваемый объект стал указываться исследователями как Телеутский Взвоз-I. Это название закрепилось и было перенесено на другие памятники, обнаруженные А.П. Уманским (см.: Казаков А.А., Ведянин С.Д., 1993; Шамшин А.Б., 1993а; Казаков А.А., 1995; Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998; и др.).

Разновременный археологический комплекс Телеутский Взвоз-I находится на высоком, разрушающемся мысу левого коренного берега Оби, в 5 км к СВ от с. Елунино Павловского района Алтайского края и примерно в 40 км к ЗСЗ от Барнаула (рис. 1).

Первоначально в составе зафиксированного курганного могильника насчитывались чуть больше 20 насыпей, четыре из которых были ранее раскопаны (Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 78; Казаков А.А., 1997, рис. 4): два — на снос, а на еще двух остались траншеи (на рисунке 1 в приложении II эти

объекты обозначены под №47, 48, 49, 51). Более тщательное обследование территории мыса летом 1997 г. позволило выявить 52 визуально различимых археологических объекта с учетом уже раскопанных и частично разрушенных курганов. Однако этот показатель после проведения раскопок, естественно, будет откорректирован и уточнен.

Часть территории памятника уничтожена в результате постоянного и интенсивного подмыва Обью левого берега. В ходе этого процесса уже разрушена вторая надпойменная терраса, на которой и находилась деревня Телеутская, свидетельством существования которой осталось заброшенное кладбище (рис. 1 — см. приложение II). Ряд объектов спасти уже не удастся, так как они наполовину обрушились и в бинокль можно увидеть торчащие из обрыва кости. Проводить работы на краю мыса было опасно, потому что в непосредственной близости к обрыву фиксируются трещины разрушений. Опасаясь оползней, которые регулярно случаются в данном районе, исследования на памятнике проводились на безопасном расстоянии. К настоящему времени некоторые раскопы уже поглощены обвалами.

Археологические объекты, расположенные на западной части мыса, пострадали в результате регулярного проделывания бульдозером спуска к Оби и увеличившейся в связи с этим эрозией почвы. От объекта №37 остался только сегмент насыпи, а курган №42 начал разрушаться из-за траншей. Несколько насыпей, по-видимому ирменской культуры, были сдвинуты бульдозером в ходе сооружения вала для защиты взвоза от стока весенних и дождевых вод. Там сохранился только объект №52. Отдельные находки керамики эпохи поздней бронзы фиксировались при обследовании памятника после сооружения этого вала, а также при осмотре участка обрыва (Шамшин А.Б., 1993б, с. 19—20).

Территория мыса также планировалась строителями автодороги Елунино—Черемно-Подгорное использоваться как резерв грунта. Эта работа была уже начата, о чем свидетельствует вырытая

траншея в начале мыса, которая должна была стать началом разработки карьера. Однако вмешательство археологов позволило остановить и заморозить строительство дороги. Тем не менее в ближайшем будущем возможно продолжение запланированных работ. Таким образом, сложившаяся ситуация относительно памятника Телеутский Взвоз-I была охарактеризована как аварийная. Поэтому в течение ряда лет там осуществлялись систематические раскопки.

К настоящему времени на территории мыса уже выявлены и исследовались археологические объекты разных исторических периодов. Курганы ирменской культуры имеют очень низкие, едва различимые округлые насыпи небольшого диаметра, которые трудно обнаружить, особенно когда территория мыса зарастает травой. Не исключено, что некоторые обозначенные нами объекты окажутся естественными всхолмлениями. Подтвердить или опровергнуть это могут лишь сплошные археологические раскопки, тогда возможно будут зафиксированы рвы, характерные для этой категории погребальных сооружений и находящиеся под насыпью или рядом с ней.

Наиболее хорошо выделялись десять схожих курганов монгольского времени, располагавшиеся как бы цепочкой по линии Ю—С отдельно или группами (по порядку: №1, 8, 14, 12, 11, 10, 9, 7, 6, 2).

В начале мыса, на траверзе, обнаруживаются курганы предположительно эпохи раннего железного века (каменная культура), отличающиеся существенными параметрами надмогильного сооружения, наличием от одной до нескольких западин, отражающих ограбление ряда подкурганых могил. Не исключено наличие на памятнике среди отмеченных курганов объектов, относящихся к эпохе развитой бронзы (андроновская культура). Это предположение базируется на проведенных исследованиях пока одного погребения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000), а также на находках фрагментов керамики на раскопанной площади археологического комплекса.

Кроме визуально отмеченных древних сооружений, в ходе раскопок были найдены грунтовые могилы эпохи ранней бронзы (елунинская культура), а также связанные с ними рвы и ямы. Исследовался имеющийся на территории памятника небольшой культурный слой погребально-поминального комплекса указанного времени, образовавшийся, по всей видимости, в ходе функционирования этого древнего объекта (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Казаков А.А., 1997; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., 1998б; Горбунов В.В., 1999; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999, 2000; и др.).

Таким образом, памятник Телеутский Взвоз-I представляет собой конгломерат разновременных погребальных и других сооружений, находящихся в аварийном состоянии и требующих очень внимательных исследований сплошным раскопом. Скопление археологических памятников на небольшой и ограниченной территории мыса, по видимому, обусловлено не только удобным местом расположения, но и религиозно-мировоззренческими представлениями, а также определенным видом хозяйственной деятельности. Указанные выше археологические культуры отражают деятельность племен, занимавшихся в основном скотоводством, используя подсобный характер рыболовства, охоты и других занятий (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000).

Перейдем теперь к изложению последовательности проведенных на памятнике работ экспедициями под руководством авторов монографии, а также представим краткое физико-географическое описание территории расположения памятника.

Весной 1993 г. экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством А.А. Казакова (1995) были продолжены работы в зоне строительства автодороги Елунино—Черемно-Подгорное, начатые осенью 1992 г. (Казаков А.А., Ведянин С.Д., 1993). На памятнике Телеутский Взвоз-I был раскопан курган №1, в котором зафиксировано ограбленное женское захоронение монгольского времени, ошибочно отнесенное автором раскопок к одинцовской куль-

туре и датированное V–VIII вв. (Казаков А.А., 1995, с. 185–186). О причинах данного несоответствия позднее было изложено в ряде научных статей (Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000, с. 242; Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, с. 119). Материалы раскопок кургана №1 частично опубликованы (Казаков А.А., 1995) и использовались для обобщающей характеристики археологических памятников эпохи средневековья, зафиксированных в Павловском районе (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, с. 56–57, рис. 4). Исследования кургана №2, относящегося к монгольскому времени, на памятнике Телеутский Взвоз-I осуществлялись Елунинским археологическим отрядом АГУ под руководством А.А. Казакова летом 1994 г. В предварительной публикации данный объект ошибочно датирован V–VIII вв. н.э. и отнесен к одиновской археологической культуре, главным образом на основе сомнительной реконструкции железных удил из найденных обломков (Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 78–81, рис. 1).

Летом 1996 г. совместной археологической экспедицией НПЦ «Наследие» и Алтайского госуниверситета на памятнике Телеутский Взвоз-I были исследованы аварийные объекты, из которых курганы №6–8 отнесены к монгольскому времени и датированы XIII–XIV вв. Результаты этих раскопок отражены в научном отчете (Казаков А.А., 1997), куда вошли материалы и предыдущих работ. Кроме этого, в предварительных публикациях были изложены краткие итоги исследований 1996 г., а также продемонстрированы наиболее яркие и интересные предметы погребального инвентаря (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001).

В 1997 г. Елунинскую археологическую экспедицию АГУ возглавлял А.А. Тишкин. В ходе работ раскопаны курганы №9 и 10 монгольского времени, а также объекты других эпох. Результаты работ содержатся в научном отчете (Тишкин А.А., 1998) и

предварительной публикации (Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В., 1997).

В 1998 г. исследования на памятнике проводились под руководством В.В. Горбунова. Надо отметить, что с 1996 по 1998 г. в экспедициях принимали участие все представители авторского коллектива монографии. В 1998 г. было закончено изучение курганов монгольского времени. Исследованы оставшиеся объекты №11, 12 и 14. О завершении этих работ сообщалось в совместных публикациях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2000) и отражено в научном отчете (Горбунов В.В., 1999).

В последующие годы на памятнике Телеутский Взвоз-I проводил работы С.П. Грушин. Летом 2002 г. между курганами №6 и 7 было найдено своеобразное грунтовое захоронение ребенка в берестяном коробе, которое предварительно можно отнести к монгольскому времени. К сожалению, эти находки не вошли в монографию.

Таким образом, в настоящее время имеются свидетельства о ряде объектов эпохи развитого средневековья на археологическом комплексе Телеутский Взвоз-I, который расположен в Барнаульско-Бийском Приобье, включающем в себя территорию Алтайского края от нижнего течения Бии вплоть до административной границы с Новосибирской областью. Как уже неоднократно указывалось, памятник непосредственно находится на мысу левого коренного берега Оби (высотой более 60 м), в 7–10 км ниже по течению от устья одного из крупных притоков — Чумыша.

Морфоструктура Алтайского края, в частности рельеф фундамента, позволяет выделить этот регион в единую структурную единицу (Барышников Г.Я., 1992, с. 35). На площади равнинной части Алтая выделяются две природные зоны — лесная и лесостепная. Археологический комплекс Телеутский Взвоз-I расположен в лесостепной зоне Верхне-Обской провинции (Лысенкова Э.В., Пурдик Л.Н., 1997, с. 7).

Формирование современного рельефа Барнаульско-Бийского Приобья связано как с тектоническими процессами (Барышников Г.Я., 1992, с. 40), так и с формированием террас Оби, которые имеют эолово-аллювиальное происхождение. Русловые процессы обусловили и такую особенность, как высокий левый и низкий правый берега. Данное положение объясняется тем, что под действием центробежных сил, возникающих в результате вращения Земли, русла рек, протекающих в меридиональном направлении, постепенно смещаются с востока на запад. В результате этого смещения у рек северного полушария пойма восточного берега разработана гораздо лучше, она намного обширнее поймы западного берега, который в большинстве своем представлен высокими коренными террасами.

Курганный могильник Телеутский Взвоз-I находится на территории Приобского плато, которое расположено между долиной Оби и Кулундинской низменностью, занимая большую часть территории Лесостепного Алтая. По характеру рельефа оно представляет собой плоскую слабоволнистую равнину, разрезанную на отдельные увалы ложбинами древнего стока (Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С. и др., 1988, с. 16). Высота плато порядка 200–300 м над уровнем моря. Как это уже сказано, главная черта его рельефа — параллельные ложбины от когда-то больших водных потоков ледникового происхождения. Эти впадины вытянуты с северо-востока на юго-запад, ширина их до 20 км, глубина — 50–100 м. В большей части ложбин текут современные реки либо располагаются цепочки озер. Западная поверхность плато сильно изрезана балками, оврагами, долинами водотоков. Встречаются и округлые понижения на водоразделах, образованные в результате просачивания поверхностных вод, особенно талых (Ревякин В.С., Пушкарев К.М., Ревякина Н.В., 1989, с. 9–12).

В Приобской части склоны плато расчленены более значительно, глубина эрозионного вреза достигает 50–60 м. Густота

расчленения также значительна. Для приобровочной полосы левобережья Оби характерно активное оврагообразование, а для обрыва коренного берега — оползни (Бобров С.В., Пурдик Л.Н., 1997, с. 13). Памятник Телеутский Взвоз-I и другие археологические объекты, расположенные на прибрежной части, этими оползнями постепенно разрушаются.

По характеру расчленения в пределах Приобского плато выделяются следующие элементы рельефа: пологоволнистые вершины и верхние части склонов пологоувалистых плато, плоские впадины и лоцинообразные понижения, пологие эродированные склоны пологоувалистых плато, наклонные днища логов и балок с водотоками. На рассматриваемой территории широко развиты ветровая и водная эрозии, суффозия, обвалы, осыпи и оползни. Выпадение атмосферных осадков в виде ливней и интенсивное снеготаяние способствуют эрозии. Резкая смена температуры воздуха увеличивает разрушения. С работой ветра связаны пылевые и песчаные бури, снежная эрозия, иссушение пород и др. Все это усиливает расчлененность микрорельефа. Подмыв берегов рек в паводковые периоды и развитие суффозии также способствуют развитию оползней. Чрезвычайно интенсивно в пределах плато развивается оврагообразование (Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С. и др., 1988, с. 17, 27, 30—31). Перечисленные показатели негативно сказываются на археологических памятниках всех эпох, для их спасения необходимо проведение аварийных раскопок. Кроме этого, важно не только выявление древних и средневековых объектов, но осуществление их мониторинга.

Как было указано в первом параграфе данной главы, правобережье Оби также входит в зону распространения памятников монгольского времени. Поэтому представим краткую орографическую характеристику и этой части Лесостепного Алтая. В близком для памятника Телеутский Взвоз-I районе устья Чумыша пойма имеет ширину от 4 до 15 км. Русловые процессы сформировали пять надпойменных

террас. Поверхность поймы, возвышающаяся на 2–4 м над уровнем воды, изрезана протоками и осложнена старицами, озерами, заболоченными низинами, гривами и буграми эолового происхождения. Низкие террасы (первая — 8–12 м, вторая — 14–17 м, третья — 24–25 м) осложнены эоловой переработкой — гривами, бугристо-грядовыми формами. Эрозионное расчленение здесь практически отсутствует. Четвертая (34–35 м) и пятая (60–80 м) террасы характеризуются пологоволнистой поверхностью и расчленены негустой сетью мелких водотоков, балками, оврагами глубиной 20–60 м (Бобров С.В., Пурдик Л.Н., 1997, с. 13). Две верхние террасы покрыты мощными лессовидными образованиями, а три нижние характеризуются наличием эолового бугристо-дюнно-грядового песчаного шлейфа (Барышников Г.Я., 1992, с. 34–35). Для эолово-аллювиальных типов рельефа характерны луговые, дерново-подзолистые почвы, которые распространены на правом берегу Оби. В свою очередь для Приобского плато отмечены обыкновенные и слабовыщелоченные черноземы.

Растительность повторяет основные закономерности распределения почвенного покрова. В Приобье, на левом берегу Оби, распространены луговые степи в сочетании с мелколиственными березовыми и осиновыми колками (колочная лесостепь). На правом берегу (пойма) есть сосновые леса, которые приурочены к днищам долин древнего стока, высланных переветными песками. Близость со степью обусловила проникновение под полог сосны степных видов растений. В долинах рек есть согры. Широкая пойма Оби (правобережье) с ее многочисленными старичными озерами занята в основном луговой растительностью. Здесь множество заболоченных участков с осокой, тростником, камышом, рогозом. На высокой пойме и надпойменных террасах многочисленны кустарники, калина, черная смородина, ива. В приборовых участках долины Оби развиты березовые колки, перемежающиеся остепненными лугами с люцерной, тимофеевкой, овсецом пустынным (Ревякин В.С., Пушкарёв К.М., Ревякина Н.В., 1989).

Животный мир лесостепей представлен крупными копытными — лосем, косулей, хищниками — медведем, волком, рысью. В сосновых лесах обитает бурый медведь, рысь, россомаха, выдра, горноста́й, колонок, ласка, белка-телеутка, есть лисица, хорь. С переходом в лесостепь появляются новые местообитания и другие виды животных: суслики (краснощекий и рябой), хомяк обыкновенный, из мышиных — полевка-экономка, полевка красная. Из хищников встречаются волк, лисица, хорек, горноста́й, водится ондатра и заяц-русак. В березовых колках живут тетерева, сороки, грачи, перепела, вороны, в сосновых борах — глухари, дятлы, удо́ды. Многочисленны водные и околоводные птицы: лысухи, чайки, утки, гуси. В водоемах (реки, озера) обитают щука, язь, налим, стерлядь, осетр, окунь, елец, ерш, карась, пескарь, го́льян и другие рыбы (Там же, с. 67–69).

Климат лесостепной части Алтайского края имеет ярко выраженные черты континентальности: здесь холодная, длительная, снежная зима и короткое, теплое, иногда жаркое лето.

Описанные физико-географические условия следует скорректировать с учетом времени существования курганного могильника Телеутский Взвоз-I (XIII–XIV вв.). Известно, что климатические условия изменяются во времени в зависимости от периодов увлажнения и усыхания климата. А.В. Шнитковым было доказано, что увлажненность Евразийского континента варьировала с большой амплитудой (Гумилев Л.Н., 1993, с. 285). Смена периодов увлажнения и усыхания сопровождается и изменением ландшафтных зон. В период увлажнения граница тайги продвигалась к югу, площади залесенных ландшафтов увеличивались, реки становились более полноводными, современные пойменные старицы были протоками, поднимался уровень грунтовых вод, что приводило к увеличению площадей озер. В периоды усыхания происходят противоположные процессы.

На время функционирования курганного могильника Телеутский Взвоз-I приходится смена периода увлажнения на период усыхания.

ния, который продолжается до настоящего времени (Гумилев Л.Н., 1993, с. 287).

Приведенные краткие физико-географические характеристики способствуют более объективному представлению культуры населения монгольского времени, освоившего Лесостепной Алтай. Кроме всего, такие данные позволяют определенным образом реконструировать хозяйственную и другую деятельность.

Глава II

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК КУРГАНОВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-1

Для всех исследованных объектов характерен ряд общих деталей, которые можно описать суммарно. Прежде всего это касается стратиграфических наблюдений. Раскопанные курганы были покрыты слоем дерна, верхняя часть которого состояла из низкой степной растительности. Насыпи сложены из грунта темно-серого цвета, часто включающего в себя материковые «линзы» из могильных ям. Земляная наброска сооружалась сверху гумусированного слоя А, состоящего из суглинка черного цвета, который являлся уровнем древней поверхности для монгольского времени. Зачастую этот слой был срезан (частично или полностью) в месте сооружения насыпи, что позволяет предположить оформление специально подготовленной площадки перед возведением кургана. Ниже слоя А располагается гумусированный слой Б, состоящий из суглинка светло-серого цвета. Граница между ними «отбивала» уровень древней поверхности эпохи ранней бронзы. Под слоем Б шел материк из глины грязно-желтого цвета. После ограбления каждого кургана монгольского времени кости человека, инвентарь и обломки конструкций оставались в могиле и частично в ее заполнении. Образовавшаяся яма засыпалась вынутым грунтом, отчего следы грабительского шурфа стратиграфически в насыпи не прослеживались, а читались лишь в местах перерезания слоев А и Б.

Курган №1 — самый южный объект в могильнике монгольского времени. Он представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром около 8 м и высотой 0,2–0,24 м (рис. 2). После снятия наброски в центре кургана было зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы с нарушенными краями (рис. 2 и 3 — см. приложение II). Его размеры составляли

2,6x1,1 м, ориентация — длинной осью по линии ЮВВ—СЗЗ. Глубина могильной ямы от уровня материка — 0,4 м. Захоронение подверглось ограблению, в результате которого погребальная конструкция, скелет человека и инвентарь оказались потревоженными. Часть элементов внутримогильного сооружения сохранила свое первоначальное положение. Благодаря этому удалось проследить основные детали устройства могилы. Погребенная взрослая женщина находилась в ложе (размеры 2,23x0,6 м), изготовленном из ствола дерева с выдолбленной сердцевинной. В сечении эта часть конструкции имела С-образную форму. Ложе устанавливалось на пять жердей, равномерно расположенных на дне могилы. Длина таких поперечин достигала 0,53—0,56 м, а диаметр — 0,01—0,02 м. Вдоль северо-восточной стороны могильной ямы имелась ступенька шириной до 0,45 м. На нее укладывалось поперечное перекрытие из тонких стволов сосны, закрывавшее ложе сверху. Всего зафиксированы остатки 21 такой жерди. Длина их фрагментов — от 0,27 до 0,48 м, диаметр — 0,03—0,04 м. Дно ложа было застелено продольно уложенными стеблями камыша. В северо-западной части гробовища на подстилке зафиксирован круг (рис. 3), сшитый из двух полотнищ бересты (рис. 6). Внутри ложа и частично над ним находились кости от одного скелета взрослого человека. Основная часть их была смещена в юго-восточную половину могилы. В разных местах потревоженного захоронения обнаружен поврежденный инвентарь, представленный полосами бересты со следами сшивания, фрагментами ткани, золотой фольгой, железным шилом с остатками дерева от ручки (рис. 4.-1), двумя серебряными (?) бляхами на кожаной основе (рис. 4.-2, одна из них не сохранилась, так как полностью истлела), обломками двух мелких бусин (рис. 4.-3, 4). Кроме того, на дне ложа, в его юго-восточной части, была обнаружена сумка, сшитая из нескольких кусков кожи и ткани и снабженная боковым карманом (рис. 4.-5). В последнем лежал обломок металлического зеркала (рис. 5.-1). В основном отделении сумки находился деревянный гребень

(рис. 5.-2). В ложе, перекрытом жердями, погребенная лежала, по всей видимости, вытянуто на спине, головой на ЗСЗ.

Помимо указанного, в раскопе кургана №1 обнаружена керамика эпохи ранней и поздней бронзы, а также большое количество остеологического материала.

Курган №2 располагался в северной части могильника, у самой кромки мыса. До раскопок он представлял собой хорошо задернованную насыпь округлой формы диаметром 9—9,5 м и высотой 0,25 м (рис. 7). После снятия земляной наброски в центральной части кургана на уровне материка было зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы с уступом на одной из длинных сторон (рис. 8). Его размеры составляли 2,73x1,2 м, ориентация — длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Глубина могильной ямы от уровня материка — 0,75 м. Ее длинная юго-восточная сторона имела расширение, образующее уступ грабительского происхождения. Северо-восточная часть могилы сохранила остатки погребальной конструкции в неповрежденном состоянии. Она представляла собой деревянную колоду, установленную на жерди, лежавшие на дне могилы. Были зафиксированы две поперечины длиной 0,63—0,67 м, диаметром — 0,04 м. Оставшаяся часть погребальной камеры имела размеры 1,15x0,54 м, а ее изначальная длина могла достигать 2,4 м. Колода представляла собой ложе и крышку, выдолбленные из цельного дерева, распиленного или расщепленного на две половины. Стволу сначала была придана подпрямоугольная форма, а затем в обеих половинах выбрана сердцевина. Толщина боковых стенок колоды 0,05 м, торцевой стенки — 0,14 м, дна и крышки — 0,06—0,08 м. Верхняя и нижняя часть гробовища были тщательно пригнаны друг к другу. Общая высота колоды составляла до 0,44 м, из них высота ложа — 0,25 м, крышки — 0,19 м. По обеим сторонам погребальной камеры были зафиксированы вертикальные деревянные столбики: один — у северо-западной стенки могилы, и два, напротив его, — у юго-восточной. Их высота составила 0,92 м, диаметр — 0,05—0,08 м. Стол-

бики уходили в материк на 0,07 м глубже дна могильной ямы и, возможно, служили упорами при установки колоды. По всей площади захоронения с глубины 0,15 м (от уровня материка) и до дна в беспорядке располагались кости от одного скелета человека (женщина 55–60 лет), обломки гробовища, крупные листы бересты со следами прошивки и остатки сопроводительного инвентаря. От последнего сохранились обломок железного ножа с фрагментами дерева и ткани от ножен и рукояти (рис. 9.-1), половинка железной поясной пряжки (рис. 9.-2), три железных предмета трехлучевой формы (рис. 9.-3–5), два железных крючка (рис. 9.-6–7) и 26 мелких бусин (сохранилось 12 шт., рис. 9.-8–19). Судя по скопленению человеческих костей (ключицы, ребра, позвонки, череп — в юго-западной части могилы, а бедренные, берцовые, пяточные и фаланги ног — в северо-восточной), можно предполагать вытянутое положение погребенной на спине с ориентацией головой на ЮЗ.

Под насыпью кургана была обнаружена яма. Она располагалась на расстоянии 1,75 м к ЮЮЗ от центрального захоронения и имела овальную форму размерами 0,85x0,65 м. Глубина ямы от уровня материка — 0,1 м. В заполнении этого сооружения, у дна, была найдена бронзовая серьга. Этот объект и обнаруженный там предмет отнесены к ирменской культуре (Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 79, 83, рис. 1.-16).

В раскопе кургана №2 обнаружена керамика и череп лошади, относящиеся к эпохе ранней и развитой бронзы, а также к железному веку. Кроме этого, исследованы части двух рвов, которые связаны с культурным слоем елунинской археологической культуры (рис. 7).

Курганы №3–5 (рис. 1) относятся к эпохе поздней бронзы. Материалы частично опубликованы (Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д., 1995, с. 80–83; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; и др.) и определены рамками существования ирменской археологической культуры.

Курган №6 располагался в 14 м к ЮЗ от объекта под №2. Он представлял собой насыпь овальной формы диаметром 18–20 м, высотой 0,26–0,57 м (рис. 10). В центральной части кургана, при снятии земляной наброски, на уровне древней поверхности были обнаружены остатки деревянного надмогильного сооружения. Сохранилась только западная его часть (рис. 11), которая представляла собой прямоугольную раму, сложенную из бревен диаметром 0,01–0,13 м. Продольные стенки рамы (направление З–В) состояли из двух венцов бревен, а сохранившаяся поперечная сторона (направление Ю–С) — из одного. Надмогильное сооружение разрушено при ограблении могилы. Размеры сохранившейся части 2х0,95 м. Рама сооружена распространенным строительным приемом «в лапу», при котором поперечное бревно помещено между венцами продольных. Внутренняя площадь сохранившейся части была перекрыта уложенными по длине досками шириной 0,15–0,2 м, толщиной 0,02–0,04 м. Внутри предполагаемой площади распространения такого настила, на уровне материка, обнаружено могильное пятно подпрямоугольной формы с сильно нарушенным контуром (рис. 12). Его размеры составляли 3х1,9 м, ориентация — длинной осью по линии З–В. Глубина могильной ямы от уровня материка 0,9 м. Дно могилы вдоль северной стенки оформлено уступом (ширина до 0,47 м, высота 0,2 м). На этой ступеньке зафиксированы остатки поперечного перекрытия от пяти деревянных досок размерами 0,14–0,47х0,12–0,23х0,04 м. В глубокой части могильной ямы сохранилось поврежденное ложе. Оно было выдолблено из цельного куска дерева, имело подпрямоугольную форму со слегка выпуклыми длинными стенками и заоваленными углами. Уцелевшая часть ложа имела следующие показатели: длина — 1,7 м (первоначальная не менее 2 м), ширина — 0,78 м, высота — 0,18 м. Толщина сохранившегося торца 0,15–0,17 м, стенок и дна — 0,03–0,06 м. В заполнении могилы с глубины 0,2 м и до дна встречались обломки перекрытия и ложа,

кости от одного скелета человека (мужчина 35–40 лет) и различный, большей частью поломанный, инвентарь. Последний представлен железными фрагментами от стремян (рис. 16.-2–3), удила с псалиями (рис. 15.-10, 12), пряжек (рис. 15.-7–8, 13–15, 18–19), гвоздей и скоб (рис. 15.-2–3, 5–6, 9, 11, 16–17, 20), наконечников стрел (рис. 15.-4), ножа (рис. 15.-1), а также накладками из рога на переднюю луку седла (рис. 13.-1–2, 6–7, 10), наконечником ремня (рис. 13.-3), костяным язычком от пряжки (рис. 13.-4), блоками (рис. 13.-8, 9), бронзовой пряжкой (рис. 13.-5), обрывками ткани и кожи (рис. 14), деревянным изделием с квадратным отверстием (рис. 17). Основное скопление костей человека находилось в центральной части ложа. Судя по устройству погребальной камеры, можно предположить, что умерший находился в вытянутом положении и был ориентирован головой на запад.

Помимо указанных предметов к монгольскому времени относятся также обломок железного стремени (рис. 16.-1), обнаруженный возле южной полы кургана на глубине 0,05 м от современной поверхности.

В раскопе кургана №6 найдены фрагменты от глиняных сосудов эпохи ранней и развитой бронзы, бронзовый наконечник стрелы и керамика раннего железного века (Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 111–112, рис. 2), большое количество остеологического материала (в том числе черепа лошадей), а также три рва и яма с зерном, соотносящиеся, по всей видимости, с культурным слоем елунинской археологической культуры (рис. 10).

Курган №7 располагался в 13 м к ЮЗ от предыдущего объекта. Он представлял собою земляную насыпь овальной формы размерами 10,5x12 м, высотой 0,12–0,37 м. После снятия наброски в центральной части кургана на уровне древнего горизонта зафиксированы остатки досок, возможно, от надмогильного перекрытия (рис. 18). Один обломок находился возле западного края могилы, а другой — частично над ее юго-восточным углом. Раз-

меры этих фрагментов досок таковы: 0,5—0,6х0,4х0,02 м. Могильное пятно, зафиксированное на уровне материка, имело подовальную форму с сильно нарушенным контуром, размерами 2,45х1,2 м и было ориентировано длинной осью по линии ЮВВ—СЗЗ (рис. 19). Глубина исследованной ямы от уровня материка составила 0,75 м. В ее заполнении с отметки 0,3 м встречались обломки деревянной конструкции, перемешанные кости от одного скелета человека (мужчина 50—55 лет) и поврежденный инвентарь. На дне ямы сохранились остатки деревянного ящика, который был установлен на поперечины. В центральной части сохранилась одна такая жердь, размерами 0,64х0,04х0,02 м. Ящик имел прямоугольную форму размерами 2,02х0,58 м и был ориентирован длинной осью по линии З—В. Стенки ящика сделаны из четырех вертикально установленных досок, высотой до 0,16 м и толщиной 0,02—0,03 м. Дно изготовлено из трех тесин шириной 0,15—0,18 м, толщиной 0,03 м. Сверху ящик перекрывался несколькими продольными досками (вероятнее всего, двумя широкими и двумя узкими), остатки которых находились в заполнении могилы. Кости человеческого скелета в основном были смещены в западную половину ямы. В ее восточной части зафиксировано два листа бересты с прошитыми краями. Инвентарь представлен фрагментами железных стремян (рис. 22), удил (рис. 20.-8), ножа (рис. 20.-18), султанчика (рис. 20.-6), кольчатых распределителей ремней (рис. 20.-2—5), пряжек (рис. 20.-10—11), наконечников ремней (рис. 20.-19—20), тренчиков (рис. 20.-13—17), блях-накладок (рис. 20.-7, 9, 21—22), накладок с кольцами и гвоздями (рис. 20.-1, 12), а также обрывками кожаных ремней и отдельных кусков (рис. 21.-5, 8—9), в том числе с остатками бронзовых шпеньков и серебряной (?) бляхи (рис. 21.-6—7), обломками деревянного седла со скобами и гвоздями (рис. 21.-1—4).

Помимо объекта монгольского времени, в раскопе кургана №7 исследовано грунтовое погребение елунинской археологичес-

кой культуры и части двух рвов (рис. 18). Обнаружена керамика и кости животных, относящиеся также к эпохе ранней бронзы.

Курган №8 располагался в 12 м ССЗ от объекта №1. Он представлял собой задернованную насыпь округлой формы диаметром 9,5–10 м, высотой 0,23–0,27 м. После снятия земляной наброски в центральной части кургана была обнаружена деревянная рама, установленная на уровне древней поверхности (рис. 23). Ее размеры составляли 4х2,5 м, ориентация — длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Продольные стороны рамы состояли из двух стволов березы длиной до 4 м, диаметром 0,24–0,28 м (рис. 24). Между ними ближе к краям были вставлены одинарные бревна, образующие поперечные стенки. Их длина достигала 2,5 м при диаметре 0,12–0,18 м. У продольных бревен местами сохранилась кора. Северо-западная стенка была обуглена. Внутри рамы частично сохранились жерди от сплошного продольного перекрытия. Под ними на уровне материка зафиксировано могильное пятно подовальной формы с нарушенным контуром, размерами 2,7х1,35 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 25). Глубина ямы от уровня материка составила 0,8 м. В ее заполнении с отметки 0,39 м встречены фрагменты прошитой бересты, а на глубине 0,48 м в юго-западной части ямы обнаружена торцевая часть деревянной колоды с проломленной крышкой. Там же находилось скопление костей верхней части скелета женщины, умершей в возрасте 18–20 лет. Восточная часть гробовища осталась непотревоженной. Колода представляла собой ложе и крышку, выдолбленные из цельного ствола дерева, распиленного или расщепленного на две части. Размеры сооружения — 2,16х0,7 м, высота — 0,32 м (ложе — 0,2 м, крышка — 0,12 м). Толщина боковых стенок колоды — 0,07 м, торцевых — 0,16–0,18 м, дна — 0,04 м. Юго-западная часть гробовища была установлена на четыре поперечные плахи длиной 0,9–0,95 м, шириной 0,07–0,12 м, толщиной 0,03 м. После снятия сохранившейся северо-восточной части крышки ко-

лоды зафиксированы кости ног и пальцев левой руки, лежащие на дне ложа в анатомическом порядке. Возле них находился различный инвентарь: костяная трубочка-игольник (рис. 26.-9), железное шило с деревянной рукоятью (рис. 26.-1), железный нож в деревянных ножнах (рис. 26.-8), скопление шести просверленных рыбьих позвонков (рис. 26.-2–7). Рядом с правой бедренной костью сохранился фрагмент ткани от штанов, а вдоль правой берцовой кости лежала кожаная полоса от голенища сапога. На фалангах пальцев правой ноги зафиксированы остатки носка и подошвы сапога. Там же, «в ногах», находился берестяной предмет, состоящий из трубки и раструба от навершия головного убора типа «бокка» (рис. 27). Анатомическое положение костей ног и кисти руки погребенной свидетельствует о том, что она была положена в колоду выгнута на спину и ориентирована головой на ЮЗ.

Помимо объекта монгольского времени, в раскопе кургана №8 встречена керамика и остеологический материал, относящиеся к эпохе ранней бронзы, как и два грунтовых погребения елуинской археологической культуры (рис. 23). Сведения о результатах этих исследованных объектов частично опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А., 1996; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 2000).

Курган №9 располагался в 7 м к ЮЮЗ от объекта №6. Он представлял собой задернованную насыпь округлой формы диаметром 9,5 м, высотой 0,3 м. После снятия земляной наброски в центральной части кургана на уровне древней поверхности были прослежены остатки надмогильной деревянной рамы прямоугольной формы (рис. 28). Сохранилась ее западная часть, внутри которой зафиксирован тонкий слой из угольков и кальцинированных костей. Эта стенка рамы состояла из двух поперечных бревен размерами 0,9–1,25х0,05–0,15х0,05–0,1 м. От южной стороны сохранился кусок (1,3х0,2х0,15 м) продольного бревна. От северной части рамы остались лишь два небольших фрагмента от про-

дольной стенки размерами 0,15—0,25х0,05—0,07х0,05—0,1 м. Внутри контура рамы на уровне материка обозначилось могильное пятно неправильной («грушевидной») формы, размерами 2,58х1,27 м, ориентированное длинной осью по линии З—В (рис. 29). На показателе 0,13 м от материка выявились подлинны контуры ямы, которые, при той же длине, в ширину составили 0,77 м, а само пятно приобрело форму вытянутого овала. Глубина могильной ямы в материке — 0,78 м. В ее заполнении на отметке 0,38 м и ниже попадались остатки деревянных частей перекрытия, кости от одного скелета человека, сопроводительный инвентарь. В западной части могилы сохранились в первоначальном положении остатки шести горбылей и одного бруса, указывающие на то, что на зафиксированном уровне имелось продольное перекрытие по всей ширине могилы и на протяжении 2,3 м. Размеры обнаруженных фрагментов таковы: 0,14—0,36х0,07—0,12х0,04—0,1 м. В западной же части под перекрытием зафиксирована часть крышки колоды, находившаяся в исходном положении. Ее ширина — 0,54 м, высота — 0,14 м, сохранившаяся длина — около 0,3 м. Обломки от крышки встречались по всей могиле, но наиболее крупные фрагменты были сдвинуты в северо-западном направлении. На глубине 0,47 м зафиксирована нижняя часть деревянной колоды. Ложе имело длину 2,08 м, ширину 0,5—0,54 м, высоту 0,26 м. Толщина ее боковых стенок и дна 0,03 м, а торцевых стенок — 0,12—0,14 м. Западная половина ложка имела разрушения по бокам, а южная стенка в центре треснула. Колода была установлена на три деревянные доски (длина — 0,43 м, ширина — 0,16 м, толщина — 0,02 м), лежавшие поперек могилы. Две из них находились на дне ямы по краям, а одна — в центре. Кости человека (женщина 30—35 лет) оказались разбросанными по всей погребальной камере и выше нее. Они были как бы сдвинуты в северо-западном направлении. В могиле череп находился на северной стенке колоды и по центру. Судя по расположению костей и оставшимся частям колоды, мож-

но говорить о том, что умершая лежала вытянуто на спине и была ориентирована головой на запад. Инвентарь представлен берестяными нашивками различной формы и размеров (рис. 30.-1–2; 33; 34), навершием головного убора типа «бокка» из берестяной трубки и воронки (рис. 32), бисером и бусинами в количестве 331 шт. (рис. 31), двумя бронзовыми серьгами в форме неправильной восьмерки (рис. 30.-12–13), бронзовым перстнем с каменной вставкой (рис. 30.-14), обломками штампованных нашивок из листового серебра (?) (рис. 30.-9–11), кантом из роговых пластинок-полос, снабженных сквозными отверстиями (рис. 30.-3–8), небольшим количеством железного лома, обрывками ткани и маленькими остатками кожаных изделий.

Помимо захоронения монгольского времени, в раскопе кургана №9 исследованы две грунтовые могилы елунинской археологической культуры, прослежены части четырех рвов, синхронных по стратиграфии этим погребальным объектам и отдельной яме (рис. 28). Кроме этого, обнаружена керамика и кости животных, также относящиеся к эпохе ранней бронзы.

Курган №10 располагался в 2 м к ЮЗ от предыдущего объекта и в 7 м к ЮВ от кургана №7. Он представлял собой земляную насыпь овальной формы, размерами 12х14 м, высотой 0,38 м (рис. 35). После снятия наброски в центре кургана обнаружались остатки надмогильного перекрытия или деревянной рамы (?), представленные двумя фрагментами продольных бревен размерами 0,25–0,65х0,15–0,2х0,1–0,2 м. Они находились над юго-западной частью погребения. Могильное пятно зафиксировано на уровне материка. Оно имело овальную форму размерами 2,1х1,4 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 36). Глубина могильной ямы от уровня материка – 0,92 м. В северо-восточной части могилы на приступке (глубина 0,8 м) лежали остатки четырех березовых стволов от поперечного перекрытия. Обломки двух таких же жердей обнаружены и в юго-западной части сооружения.

Размеры этих фрагментов внутримогильного перекрытия таковы: 0,1–0,28х0,04–0,08х0,04–0,08 м. Юго-восточная стенка ямы имела небольшой подбой, начинавшийся с глубины 0,3 м. Ширина его — 0,22 м, высота от дна — около 0,6 м. Дно могилы образует ступеньку высотой 0,1–0,12 м, шириной 0,63 м. В глубокой части сооружения находился деревянный ящик, вплотную поставленный к стенке подбоя. Длина его — 1,8 м, ширина — 0,64 м, высота — 0,12 м, ориентация длинной осью по линии ЮЗ–СВ. От каркаса ящика сохранились продольные доски длиной 1,28–1,6 м, толщиной — 0,02–0,04 м, высотой — 0,1–0,12 м. Юго-западная стенка была представлена поперечной доской длиной 0,6 м, толщиной — 0,08 м, высотой — 0,12 м. Она располагалась наклонно (наружу). Пол ящика сколочен из пяти продольных досок длиной до 1,7 м, шириной — 0,08–0,1 м, толщиной — 0,02–0,04 м. На нем зафиксирован трехсантиметровый слой органики. Возможно, что это были остатки войлочной подстилки. С глубины 0,4 м (от уровня материка) в заполнении могильной ямы встречались человеческие кости (мужчина 25–30 лет), инвентарь и остатки перекрытия, сдвинутые в юго-западную часть ямы (в ящике и над ним). Череп погребенного лежал в северо-западном углу погребальной камеры, а его нижняя челюсть — за ней, в центре могильной ямы. Часть костей человека имела зеленый и фиолетовый налет — остатки красящего вещества или следы металлических окислов. Из вещей найдены части берестяного колчана (рис. 41); остатки деревянных древков и железных наконечников стрел (рис. 37.-3–5, 8–13); обломки пластин, сделанных из рога лося, от устья колчана (рис. 37.-1–2); обрывки ткани (рис. 38.-14), войлока, тисненой кожи (рис. 38.-11) и ремешков (рис. 38.-12); нашивки из бересты (рис. 42; рис. 43; рис. 44); фрагменты железных стремян (рис. 40), удила и кольчатых псалий (рис. 38.-1–2, 5, 7), ножа (рис. 37.-6), пряжек (рис. 38.-3–4, 8–10), наконечник ремня (рис. 39.-29), седельные накладки, умбоны, кольца, гвозди и скобы

(рис. 39.-1—28, 30—31). Умерший, вероятнее всего, был погребен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В анатомическом порядке лежали берцовые кости правой ноги. Возле северо-западного края могилы зафиксированы железные предметы: подножка стремени (рис. 38.-13), фрагмент кольца и гвоздь.

Помимо погребения, в кургане №10 обнаружены отдельные находки и одно сооружение, также относящиеся к монгольскому времени (рис. 35). Так, к западу от могилы, на расстоянии 4,5 м, на уровне погребенной почвы найден железный нож с обломанным лезвием (рис. 37.-7), а в 1,8 м к востоку от нее в насыпи расчищено скопление средневековой керамики. В 2 м к югу от захоронения зафиксировано пятно овальной формы, стратиграфически ему синхронное. Размеры ямы 1,1x0,65 м, глубина — 0,55 м (от уровня материка). Никаких предметов при выборке заполнения, состоящей из мешаной земли и следов деятельности грызунов, найдено не было.

Кроме этого, в раскопе кургана №10 исследовано грунтовое погребение елунинской археологической культуры, а также остеологический и керамический материал эпохи ранней бронзы (рис. 35).

Курган №11 располагался в 15 м к ЮВ от предыдущего объекта и в 24 м к югу от кургана №9. Он представлял собой земляную насыпь округлой формы диаметром 11,9 м, высотой 0,25 м (рис. 45). В центре кургана прослеживалась западина от грабительского шурфа. После снятия наброски в центре исследованного объекта на уровне древнего горизонта были обнаружены остатки деревянной надмогильной рамы. Первоначально это сооружение было ориентировано по линии ЮЗ—СВ. От северо-западной стенки сохранилась плаха (1,4x0,12x0,07 м) и более мелкие фрагменты (0,1—0,2x0,05—0,07x0,03—0,05 м). Внутри контура рамы на уровне материка зафиксировано могильное пятно овальной формы размерами 2,47x1,61 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ—СВ (рис. 46). Глубина ямы от уровня

материка составила 0,82 м. В заполнении могилы с отметки 0,5 м встречалось большое количество обломков дерева и отдельные кости от одного человеческого скелета (мужчина 45–50 лет). Деревянные фрагменты относились к разрушенному поперечному внутримогильному перекрытию, которое первоначально опиралось на две земляные ступеньки-приступки, специально оставленные для этой цели вдоль длинных стенок могилы, контур которой был сильно нарушен грабительским шурфом. На дне ямы зафиксированы остатки деревянного ящика размерами 1,87х0,52 м, высотой длинных стенок 0,15 м. Ящик был сделан из сосновых досок толщиной 0,02–0,04 м, из которых сохранилась одна тесина продольной стенки и четыре от пола. Другая продольная часть оказалась полностью разрушена при ограблении. От поперечных досок конструкции сохранилась тоже только одна (юго-западная). Она заходила на пол и была зажата между продольными стенками в наклонном положении (наружу). Ее размеры составляли 0,46х0,1х0,04 м. Дно ящика опиралось на две сохранившиеся поперечные жерди, лежавшие на дне могильной ямы. Одна из них находилась у юго-западного края, а вторая — ближе к центральной части. Их параметры таковы: 0,35–0,38х0,02–0,03х0,01 м. Над средней частью ящика (глубина 0,5 м) были найдены фрагменты берестяного колчана (рис. 48) и крупный лист бересты с отверстиями от прошивки (рис. 50). На приступке, в юго-западной части ямы, лежала нижняя челюсть и ребро человека, а также фрагмент железного кольца. В ящике и выше него зафиксированы кости и инвентарь в потревоженном состоянии. Основная часть человеческого скелета (в том числе и череп) была сдвинута в юго-западную часть ящика, где имелся подбой, возможно, специально расширенный грабителями. Первоначальное положение сохранили бедренные и малые берцовые кости ног, по которым можно установить, что умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В могиле обнаружен разнообразный, но большей частью поломанный инвен-

тарь. В северо-восточной части ящика найдены железные фрагменты удила (рис. 47.-7), кольчатого псаля (рис. 47.-4) и пряжки (рис. 47.-5), а также три костяных изделия с отверстиями (рис. 47.-9—11), железный гвоздь с костяной шляпкой (рис. 47.-8) и фрагменты берестяных изделий с отверстиями от пришивания (рис. 49). В противоположном углу могилы были обнаружены следующие предметы: сломанный нож (рис. 47.-1), фрагмент железного стремена, части наконечников стрел (рис. 47.-2, 3), костяное изделие с отверстием (рис. 47.-12), пара обломков серебряных (?) пластин плохой сохранности, фрагмент железной пряжки (рис. 47.-6) и берестяной нашивки.

Помимо могилы, под насыпью кургана №11 выбраны две ямы, стратиграфически синхронные погребению (рис. 45). Яма №1 располагалась в 4 м к северу от могилы. Она имела подквадратную форму размерами 1,05х1 м, глубину в материке — до 0,55 м. Дно ямы неровное, с несколькими ходами от нор. В заполнении ничего не найдено. Яма №2 была обнаружена в 1,5 м к ЮВ от могилы. Она имела овальную форму размерами 0,5х0,43 м, глубину в материке — 0,05 м. Находок там не зафиксировано.

Кроме этого, в раскопе кургана №11 исследованы две грунтовые могилы елунинской археологической культуры, а также керамический и остеологический материал эпохи ранней бронзы (рис. 45). Эти материалы частично введены в научный оборот (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 250—251; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001, рис. 7—8).

Курган №12 располагался в 20 м к югу от предыдущего объекта. Он представлял собой земляную насыпь овальной формы размерами 7,75 (Ю—С) х 10,36 (З—В) м, высотой 0,28 м (рис. 51). После снятия наброски в центральной части кургана на уровне материка зафиксирован контур могильного пятна подпрямоугольной формы размерами 2,62х1,1 м и ориентацией длинной осью по линии З—В (рис. 52). Наибольшая глубина могилы от

уровня материка — 0,84 м. Дно ямы сделано в виде двух ступенек-приступок, на которые укладывалось внутримогильное перекрытие. Высота приступок — 0,2–0,22 м, ширина северной полки — до 0,53 м, южной — до 0,05 м. В заполнении могильной ямы, начиная с глубины 0,5 м, попадались фрагменты дерева от перекрытия и отдельные кости от одного человеческого скелета (мужчина 30–35 лет). На северной приступке зафиксированы остатки березовых жердей от поперечного перекрытия в количестве 20 шт. Два таких же ствола найдены у южного края могилы над стенкой ящика. Параметры указанных фрагментов перекрытия таковы: 0,07–0,5х0,03–0,1х0,03–0,05 м. В глубокой части могилы был установлен деревянный ящик размерами 2,1х0,56 м, высота боковых стенок — 0,2 м. Западная часть этой конструкции разрушена при ограблении, у восточной отсутствовала поперечная стенка. Ящик был изготовлен из сосновых досок толщиной 0,02–0,05 м, шириной 0,09–0,28 м, две из которых составляли пол, а две — продольные стенки. Последние заходили (были установлены) на доски пола. По восточному краю ящика все доски были снабжены квадратными отверстиями для скрепления друг с другом. Дно этого сооружения опиралось на поперечные жерди, лежавшие на дне могильной ямы. Одна из них находилась у западного края, другая — посередине, а третья — у восточного края. Их параметры таковы: 0,35–0,54х0,02–0,03х0,01 м. В ящике, над ним и на северной приступке обнаружены разрозненные кости человека и поврежденный инвентарь. Основная часть человеческих костей (в том числе череп, тазовые и длинные кости ног) была сдвинута в западную часть могилы, где в стенке имелся дополнительный подбой шириной до 0,13 м. В восточной части ямы, в ящике, находились лишь фаланги ног. Имеющиеся данные позволяют предполагать западную ориентацию и вытянутое положение погребенного. В западной половине могилы найдены следующие предметы сопроводительного инвентаря: фрагмент костяной накладки (рис. 53.-2), два клинка

от железных ножей (рис. 53.-6–7), железный наконечник стрелы (рис. 53.-9), две железных бляхи-накладки (рис. 53.-5, 8) и обломок пряжки (рис. 53.-4), два железных наконечника ремня (рис. 53.-11–12), детали берестяной части навершия головного убора типа «бокка» (рис. 56) и берестяные нашивки (рис. 57–58). В восточной половине могилы обнаружены: фрагменты берестяного колчана (рис. 54–55), роговая пластина на его устье (рис. 53.-1), железный черешок от наконечника стрелы (рис. 53.-10) и черешок костяного наконечника стрелы (рис. 53.-14), свистунка (рис. 53.-15), кольцо-втулка (рис. 53.-13), фрагменты железной цурки (рис. 53.-3), а также мелкий лом от железных стремян.

Помимо могилы, под насыпью кургана №12 выбрано две ямы, стратиграфически синхронные погребению (рис. 51). Яма №1 располагалась в 3,5 м к СВ от могилы, имела подпрямоугольную форму размерами 1,12x1,55 м. Ее дно образовывало два углубления, разделенные материковой перемычкой. Глубина ямы в материке в западной части составила 0,15 м, в восточной — 0,25 м. В заполнении, у юго-восточного угла, обнаружен черен железного ножа плохой сохранности. Яма №2 была расположена в 3,15 м к ЮВ от могилы, имела овальную форму размерами 0,5x0,4 м и углублена в материк на 0,14 м. Находок там не зафиксировано.

Кроме объектов монгольского времени, в раскопе кургана №12 исследованы три грунтовые могилы елунинской археологической культуры, а также часть рва, яма с развалом сосуда, обломки другого горшка, керамика и кости животных, относящиеся к эпохе ранней бронзы (рис. 51). Эти материалы частично введены в научный оборот (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 250–252; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2001, с. 47, рис. 3–8).

Курган №13 относится к ирменской археологической культуре эпохи поздней бронзы. Результаты его исследования опубликованы практически полностью (Папин Д.В., Тишкин А.А., 1998).

Курган №14 располагался в 14 м к ССВ от объекта №8 и в 38 м к ЮЮЗ от кургана №12. Он представлял собой земляную насыпь почти округлой формы размерами 9,25x10,8 м, высотой 0,5 м. В центре сооружения прослеживалась западина от грабительского шурфа (рис. 59). После снятия наброски в центральной части кургана на уровне материка зафиксировано могильное пятно подпрямоугольной формы размерами 2,96x1,5 м, длинной осью ориентированное по линии ЮЗ—СВ (рис. 60). Наибольшая глубина могилы от уровня материка — 0,89 м. Дно ямы сделано в виде двух противолежащих ступенек, на которые укладывалось внутримогильное перекрытие. Высота таких приступок 0,18—0,2 м, ширина северо-западной полки до 0,33 м, юго-восточной — до 0,32 м. Остатки перекрытия из поперечно уложенных березовых жердей в количестве 19 шт. обнаружены на северо-западной приступке и один фрагмент на противоположной стороне. Размеры зафиксированных стволов таковы: 0,14—0,45x0,03—0,1x0,03—0,08 м. В глубокой части могилы обнаружен поврежденный деревянный ящик размерами 2,2x0,54 м. От его каркаса сохранилась часть юго-восточной продольной доски длиной 1,6 м, шириной 0,16 м, толщиной 0,02 м и кусок упавшей северо-западной стенки (длина фрагмента — 0,6 м, ширина — 0,16 м, толщина — 0,02 м). Дно ящика состояло из двух досок длиной до 2,2 м, шириной 0,2—0,26 м, толщиной 0,02 м. В юго-западной части рассматриваемая конструкция была дополнительно перекрыта двумя поперечными досками (размеры: 0,5—0,57x0,24—0,26x0,02 м), имевшими сквозные квадратные отверстия. Такие же отверстия были сделаны в средней и юго-западной частях одной из досок пола. Другая же имела прямоугольный паз с внешней стороны. Поперечные доски рамы ящика не сохранились. В погребальной камере и к северо-востоку от нее обнаружены части человеческого скелета (мужчина 30—35 лет) и остатки инвентаря. Большинство костей было в беспорядке, и они оказались сдвинутыми в юго-западную половину ящика. Первона-

чальное положение сохранили кости ног (бедренные, одна большая берцовая и малые берцовые), свидетельствующие о том, что погребенный был уложен вытянуто на спину и ориентирован головой на ЮЗ. В северо-восточной части могилы, за ящиком, найдены железные удила с кольчатыми псалиями (рис. 61.-1), пара железных стремян (рис. 63), одно из которых сломано, а другое целое. Кроме того, обнаружено скопление деталей от седла: роговые накладки в форме антилопы, полумесяца и диска с железными гвоздиками (рис. 61.-2-4), железные накладки с кольцами (рис. 62.-14-16), фрагменты железных колец и гвоздей (рис. 62.-7-8, 11-13). В юго-западной половине могилы, среди костей человека найдены следующие предметы: обломки железных наконечников стрел (рис. 62.-3-5), железные наконечники ремней (рис. 62.-1-2) и часть пряжки (рис. 62.-9), фрагмент клинка железного ножа (рис. 62.-10), остатки берестяного колчана (рис. 64) и берестяных нашивок (рис. 65). За юго-восточной стенкой ящика зафиксирована костяная накладка на сложносоставной лук (рис. 61.-5), сделанная из плюсны лошади.

Рядом с курганом №14 в 5,2 м к ЮВ от могилы обнаружена яма, стратиграфически синхронная погребению (рис. 59). Она имела трапециевидную форму размерами 0,42х0,35 м и была углублена в материк на 0,3 м. Находок там не было.

Помимо объектов монгольского времени, в раскопе кургана №14 встречены кости животных, керамика и каменный «алтарь», относящиеся к культурному слою эпохи ранней бронзы (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998, с. 250, рис.).

В заключение данной главы необходимо упомянуть о коллекции археологических вещей монгольского времени, которая хранится в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета под №163-А и также происходит с памятника Телеутский Взвоз-1. Она состоит из поврежденных железных предметов, представленных стремянем (рис. 66.-1), удилами с кольчатыми псалия-

ми (рис. 66.-2), налобной бляхой (рис. 67.-1), бляхой-подвеской (рис. 67.-2) и двумя кресалами (рис. 67.-3—4). Данный набор изделий был обнаружен археологами в начале 1980-х гг. в одном из разрушенных курганов при обследовании памятника.

Как уже было сказано в главе 1, на памятнике Телеутский Взвоз-I зафиксированы четыре объекта со следами старых земляных работ. Это курганы №47, 48, 49, 51. Два из них (№47, 51) раскопаны лишь частично, о чем свидетельствуют траншеи (рис. 1). Два других (№48, 49) исследованы полностью участниками экспедиции АГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина. В нашем распоряжении оказалась полевая документация, судя по которой эти курганы синхронны выше описанным и могут быть датированы монгольским временем. Однако захоронения очень сильно разрушены. Можно лишь говорить о том, что в курганах имелись деревянные конструкции из досок (остатки ящика или перекрытия?). Форма могильных ям аналогична в обоих случаях: подпрямоугольная с овальными углами. Размеры одной — 2,2x1 м, другой — 2,1x1 м, глубина от материкового уровня — около 0,4 м. Человеческие кости в захоронениях находились в полном беспорядке. Судя по ориентации могил, а также по зафиксированному положению отдельных частей скелета, можно предположить, что умершие находились в погребальной камере вытянуто на спине, головой в могиле одного кургана на запад, другого — на юго-запад. Находки каких-либо вещей предметного комплекса на планах не показаны. По всей видимости, они отсутствовали. Что касается курганов, раскопанных траншеями, то установить время и автора исследований нам не удалось.

Поэтому имеющаяся коллекция указанных выше железных предметов может происходить из другого объекта. Не исключено, что он мог располагаться на краю мыса в полуразрушенном состоянии. Однако достоверно выяснить это не представляется возможным.

Таким образом, на памятнике Телеутский Взвоз-I (с учетом всех данных) располагалось не менее 14 погребальных объектов, расположенных вытянутой неровной «цепочкой» по центру мыса по линии Ю—С. Для выяснения времени их сооружения следует в первую очередь рассмотреть датирующие вещи, а затем особенности погребальной практики, зафиксированной в изученных объектах, для определения их места среди известных в Лесостепном Алтае памятников монгольского времени.

В завершение данного раздела монографии приведем определения костей животных, найденных при раскопках курганов монгольского времени, выполненные к.б.н. П.А. Косинцевым:

«В связи с тем, что памятник Телеутский Взвоз-I представляет собой сложный комплекс разновременных археологических объектов от эпохи ранней бронзы (елунинская культура) до золотоордынского времени, возникли значительные трудности при датировке костных комплексов и соотнесении их с каким-либо археологическим материалом. Ниже приводятся описания изученных данных, близких к эпохе средневековья.

Курган №6 и межкурганное пространство. Квадрат А'-14/1: лошадь — фрагмент мозгового отдела черепа, нижняя челюсть от особи в возрасте от 1-го до 2-х лет, фрагмент шейного позвонка. Квадрат А'-17/1, объект: овца — целая правая нижняя челюсть от особи в возрасте 6—12 месяцев, целый поясничный позвонок (диск не прирос), диафиз левой берцовой кости, целая левая таранная (обгорелая), целая левая плюсна от особи моложе 2-х лет, целая фаланга I от особи старше 1,5 лет. Квадрат А'-19/1: лошадь — целая правая лопатка. Раскоп 2: лошадь — целые парные нижние челюсти от особи в возрасте около 2,5 лет, целые парные нижние челюсти от особи в возрасте 4—4,5 лет; целая коленная чашечка. Квадрат А-14: лошадь — целый череп от особи в возрасте 4—4,5 лет; целый череп от особи в возрасте 1—2 года; целый череп с нижней челюстью от особи моложе 1-го года. Квадрат

АГ-17—20/2: лошадь — целые правые берцовая, пяточная, таранная и тарзальная кости от особи старше 3-х лет; млекопитающие, ближе неопределимые, — фрагменты трубчатых и плоских костей мелкого копытного. Квадрат Б-13/2: лошадь — целые правые пяточная и таранная кости от особи старше 3-х лет.

Курган №9 и межкурганное пространство около него: овца — передняя половина второго шейного позвонка, отрубленная в древности, и нижние концы левых бедренной и берцовой костей от особи старше 3,5 лет; мелкий рогатый скот — фрагмент лицевого черепа и целый крестец; лошадь — горизонтальная часть левой нижней челюсти от особи моложе 1-го года; нижние половины трех левых ребер; левые лучевая и берцовая без обоих эпифизов от особи в возрасте до 1,5 лет; фрагмент диафиза левой лучевой кости; нижняя половина правой плюсны от особи старше 2-х лет; задняя фаланга II от особи в возрасте около 1,5 лет.

Курган №10: мелкий рогатый скот — фрагменты черепа и верхней челюсти от особи в возрасте 12—24 месяца и фрагмент ребра; лошадь — фрагмент мозгового черепа взрослой особи; целая левая нижняя челюсть от особи в возрасте до 1-го года; верхняя половина правого ребра; целый правый таз взрослой особи и крыло подвздошной кости и правого таза от особи в возрасте до 2-х лет; обе кости погрызены собакой; нижний конец левой плечевой кости и верхний конец левой лучевой кости взрослых особей; целая грифельная кость; передняя фаланга II от особи моложе 1-го года.

Курган №11. Насыпь, слой 1: лошадь — два черепа от особей в возрасте около 1-го года; правое целое ребро молодой особи; три фрагмента ребер; задняя часть левой лопатки; целая правая берцовая и нижняя половина левой берцовой от особи моложе 2-х лет; целая левая таранная кость. Насыпь, слой 2: мелкий рогатый скот — левый целый нижний третий коренной зуб от особи старше 2-х лет; лошадь — целая ветвь подъязычной кости; целая левая локтевая кость от особи моложе 2-х лет. Бровка «Запад-Восток»:

овца — по две правых и левых целых парных челюсти от двух взрослых особей; два левых верхних коренных зуба взрослой особи; верхняя половина левой лучевой кости взрослой особи. Могильная яма 1: крупный рогатый скот — целая левая нижняя челюсть и резцовая часть парной правой челюсти от особи в возрасте около 2,5 лет; правое ребро из средней части грудной клетки с отбитой головкой; овца — горизонтальная ветвь левой нижней челюсти взрослой особи и диафиз правой плечевой кости.

Курган №12. Насыпь, слой 1: крупный рогатый скот — два фрагмента коренных зубов; лошадь — целый грудной позвонок; три правых и одно левое цельные ребра из задней части грудной клетки с приросшей головкой; фрагмент диафиза правой плечевой кости. Насыпь, слой 2: крупный рогатый скот — два цельных нижних правых зуба от особи в возрасте 6—14 месяцев; цельный грудной позвонок; фрагмент диафиза правой берцовой кости от особи старше 4-х лет; овца — целые парные нижние челюсти от особи старше 2-х лет; фрагмент диафиза плечевой кости; находившаяся в огне («кальцинированный»); лошадь — нижняя половина правого ребра.

Курган №14. Насыпь, слой 1: овца — левая целая нижняя челюсть от особи в возрасте 12—18 месяцев; лошадь — черепа и нижние челюсти от одной особи 6—7 лет; одной особи 2,5—3,5 лет; двух особей 1,5—2-х лет и один зуб от особи 6—7 лет; горелая головка ребра от взрослой особи; нижняя половина левой берцовой кости от особи 2—2,5 лет; целая фаланга I от особи в возрасте 1,5—2 года; млекопитающие, ближе к неопределимым — тридцать один фрагмент горелых костей.

Таким образом, в состав позднего костного комплекса входят мелкий рогатый скот и лошадь. Первый представлен, главным образом, костями конечностей, туловища и, единично, головы, причем часть среди них — отдельные нижние челюсти. Следует отметить, что, судя по состоянию зубной системы, почти все остатки лошади происходят от молодых и полувзрослых особей».

Глава III

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА И ХРОНОЛОГИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I

Почти все вещественные находки из средневековых объектов Телеутского Взвоза-I происходят из могил. Несмотря на небольшое число исследованных погребений и на то, что все они оказались подвергнуты ограблению, получена достаточно представительная серия предметов, изготовленных из самых различных материалов: железо, береста, кость, рог, бронза, серебро (?), стекло, камень, кожа, ткань (в том числе шелк), войлок и дерево. Значительная часть находок сохранилась фрагментарно, что связано как с условиями сохранности материалов, так и с повреждением изделий при ограблении. Однако реставрационные работы, особенно с предметами из железа, позволили выявить форму и назначение многих из них.

Весь найденный инвентарь по его назначению можно разделить на следующие группы вещественных комплексов: 1) снаряжение верхового коня; 2) вооружение; 3) орудия труда; 4) предметы быта; 5) детали одежды; 6) украшения.

Снаряжение верхового коня

Этот комплекс насчитывает наибольшее число изделий на средневековых объектах Телеутского Взвоза-I. Предметы конского снаряжения встречены в могилах следующих курганов: №6, 7, 9–12, 14, в разрушенном объекте без номера, а также возле кургана №6. По своей функциональной принадлежности комплекс снаряжения верхового коня может быть разделен на две основных категории: 1) узда (при помощи ее производится основное управ-

ление верховой лошады); 2) седло (при помощи его достигается устойчивая посадка всадника на коне).

1. Узда. В состав уздечного набора с Телеутского Взвоза-1 входят несколько разновидностей предметов — это удила с псалиями, функциональные изделия для соединения ремней оголовья и повода (пряжки, тренчики, наконечники ремней, распределители ремней, блоки для чумбура) и украшения ремней оголовья (султанчики, подвесные и накладные бляхи).

Железные **удила** обнаружены на пяти объектах — это курганы №6 (1 звено, рис. 15.-12), №7 (2 звена, рис. 20.-8), №11 (1 звено, рис. 47.-7), №14 (2 звена, рис. 61.-1). Кроме этого, два звена (рис. 66.-2) находятся в упомянутой выше коллекции из разрушенного объекта без номера. Все они имеют крюковые окончания звеньев, причем внешние их части немного крупнее. Наши экземпляры удил различаются формой поперечного сечения звеньев: с круглым сечением звена (табл. 1.-1) и с четырехгранным (подквадратным) (табл. 1.-2). В паре одно звено всегда короче другого (табл. 1.-1—2). Железные удила с крюковыми окончаниями звеньев известны в Евразии с 1-й половины I тыс. до н.э. Они фиксируются в погребениях скифов и близких к ним племен Восточной Европы. В последние века до нашей эры подобные изделия широко применяются населением восточной части Евразийских степей (Неверов С.В., 1992, с. 150—151). На территории Лесостепного Алтая крюковые удила встречаются в ранних памятниках оциндовской культуры середины IV—V вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. XXXVIII.-3; Егоров Я.В., 1993, рис. 1.-6) и памятниках сrostкинской культуры в X—XII вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LV.-23; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 6.-10; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 4.-13—14). Наибольшее распространение они получают в памятниках монгольского времени, окончательно вытесняя другие формы и конструкции. Крюковые удила встречены при исследова-

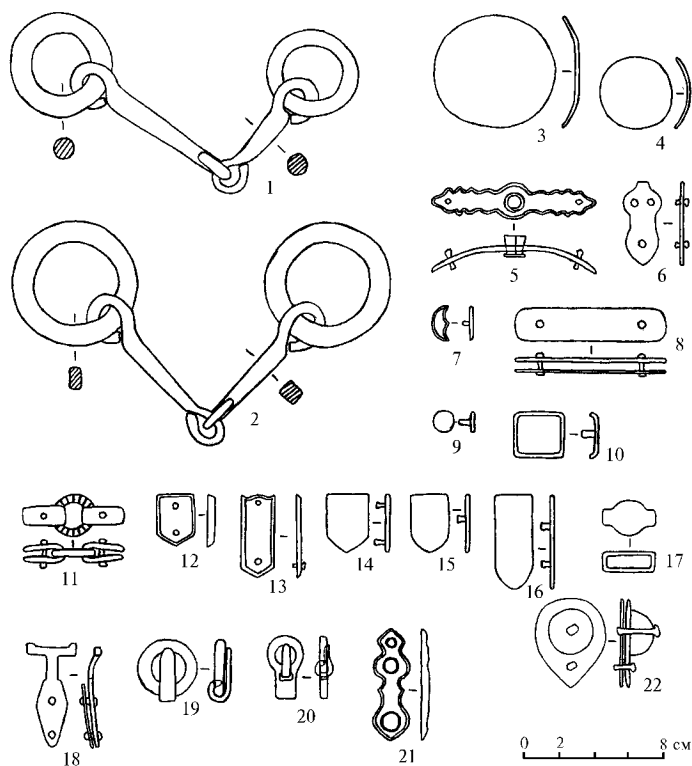

Таблица 1. Снаряжение верхового коня. Предметы уздечного набора

в таких могилах XIII–XIV вв. н.э., как Усть-Алейка-Клуб, Ближние Елбаны-VI, Ильинка (Кунгуров А.Л., 1991, рис. 2.-3; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 4.-2; 7.-7; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-19).

Железные **псалии** также обнаружены на пяти объектах — это курганы №6 (2 экз., рис. 15.-10, 12), №10 (2 экз., рис. 38.-1–2, 5, 7), №11 (1 экз., рис. 47.-4), №14 (2 экз., рис. 61.-1) и разрушенный курган (2 экз., рис. 66.-2). Все псалии нашей серии имеют

кольчатую форму, различаясь диаметром колец и формой их поперечного сечения. Выделяются изделия диаметром 4,2–5 см с округлым сечением (табл. 1.-1) и диаметром 6 см с прямоугольным сечением (табл. 1.-2). Наиболее ранние находки кольчатых псалиев в западной части Евразии известны с 1-й половины I тыс. до н.э., а в ее восточной части с последней четверти I тыс. до н.э. (Степи европейской части ..., 1989, табл. 28.-30; Мелюкова А.И., 1989; Степная полоса ..., 1992, табл. 102.-4, 105.-57; Могильников В.А., 1992а; Членова Н.Л., 1992; Худяков Ю.С., 1998, рис. 33). В I тыс. н.э. рассматриваемые предметы различных размеров используются многими народами Евразии (поздние сарматы, гунны, тюрки и др.), но лишь с начала II тыс. н.э. их применение становится массовым (Гаврилова А.А., 1965, с. 84, рис. 15; Мошкова М.Г., 1989, с. 198; Степи европейской части..., 1989, табл. 81.-49; Засецкая И.П., 1994, с. 41–42, табл. 7.-7, 34.-9). В Лесостепном Алтае кольчатые псалии известны в памятниках одиноцкой культуры 2-й половины IV–V вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. XXXVIII.-3; Егоров Я.В., 1993, рис. 1.-6) и затем в памятниках сросткинской культуры X–XII вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LV.-23; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, рис. 3.-16–17; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., 1998, рис. 1.-2; Савинов Д.Г., 1998, рис. 6.-8, 7.-7; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 4.-13–14). Начиная с монгольского времени, встречаются только кольчатые псалии. Они найдены в погребениях XIII–XIV вв. н.э. на могильниках Усть-Алейка-Клуб, Ближние Елбаны-VI, Сухие Гривы, Ильинка (Савинов Д.Г., 1979, рис. 3; Кунгуров А.Л., 1991, рис. 2.-3; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 4.-2; 7.-7; Тишкин А.А., 2001а, рис. 1.-11–12; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-19).

Железные **пряжки** обнаружены на пяти объектах — это курганы №6, 7, 10, 12, 14. По сумме своих признаков пряжки нашей серии могут быть разделены на три типа.

Тип 1. Рамчатые пряжки. Они округлой формы, с подвижным язычком, надетым на рамку (табл. 1.-19). Всего обнаружено 10 экз. из курганов №6 (3 экз., рис. 15.-14–15, 18), №10 (5 экз., рис. 38.-3–4, 8–10), №12 (1 экз., рис. 53.-4), №14 (1 экз., рис. 62.-11). Подобные изделия имели очень широкое распространение и не могут служить хронологическими индикаторами.

Тип 2. Двухтавровые, неподвижнощитковые пряжки. Они имеют округлую рамку, прямоугольный щиток и подвижный язычок, надетый на перемычку между рамкой и щитком (табл. 1.-20). Всего обнаружено 2 экз. в кургане №6 (рис. 15.-7–8). Аналогичные пряжки найдены на Тянь-Шане в комплексе XI–XII вв. н.э. (Табалдиев К.Ш., 1994, рис. 4.-2–3). В Лесостепном Алтае такое изделие зафиксировано на могильнике XIII–XIV вв. н.э. Ближние Елбаны-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-6).

Тип 3. Неподвижнощитковые пряжки-застежки Т-образной формы. Они имеют рамку в виде буквы «П» без язычка, которая отделена от щитка узкой прямоугольной «шейкой». Щиток — ромбовидной формы, с фиксирующей пластиной, закрепленной двумя шпеньками (табл. 1.-18). Обнаружено всего 2 экз. в кургане №7 (рис. 20.-10–11). Изделия данного типа датируются 2-й половиной XI–XIV вв. н.э. В большом количестве они встречаются в памятниках кыргызов Среднего Енисея, применялись населением Среднего Причумылья, Томского Приобья, Восточной Европы (Кирпичников А.Н., 1973, табл. XII; Савинов Д.Г., 1979, рис. 2; Кызласов И.Л., 1983, табл. XII.-25–27, 32–42; Беликова О.Б., 1996, с. 83, рис. 28.-5; 57.-14, 69.-18; Плетнева Л.М., 1997, рис. 137.-16; Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997, рис. 12.-28; Белобрыкин Г.Н., 2000, рис. 2.-15–18; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 5.-12).

Железные **тренчики** встречены только в кургане №7 и в количестве 5 экз. (рис. 20.-13–17). Они имеют прямоугольную

форму при виде на прорезь и «перстневидную» — с лицевой стороны (табл. 1.-17). Эти изделия отличаются от известных средневековых железных тренчиков лишь декоративным оформлением лицевой стороны. В Лесостепном Алтае такие предметы встречаются в сротскинских памятниках X—XI вв. н.э. и погребальных комплексах XIII—XIV вв. н.э. (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 8.-7; Могильников В.А., 2002, рис. 107.-6, 9, 14; 193.-7).

Железные и роговой **наконечники ремней** обнаружены на пяти объектах — это курганы №6, 7, 10, 12, 14. Они по своим признакам могут быть разделены на три типа.

Тип 1. Костяной наконечник пятиугольной формы. Для закрепления его на ремне имеются два сквозных отверстия (табл. 1.-12). Обнаружен всего 1 экз. в кургане №6 (рис. 13.-3). Похожий наконечник из кости был найден в памятнике XIII—XIV вв. н.э. на территории Новосибирского Приобья (Адамов А.А., 2000, рис. 96.-3).

Тип 2. Наконечники пятиугольной формы из железа. Для закрепления на ремне они имеют один или два шпенька (табл. 1.-14—16). Всего зафиксировано 5 экз. в курганах №10 (1 экз., рис. 39.-29), №12 (2 экз., рис. 53.-11—12), №14 (2 экз., рис. 62.-1—2). Аналогичные наконечники встречаются в памятниках XII—XIII вв. н.э. Среднего Причюлымья (Беликова О.Б., 1996, рис. 99.-5, 7). Похожее изделие происходит из золотоордынского погребения рубежа XIII—XIV вв. н.э. на Среднем Дону (Ефимов К.Ю., 2000, рис. 9.-13).

Тип 3. Наконечники пятиугольной формы из железа, с фигурным основанием. Для закрепления на ремне у них имеются два шпенька (табл. 1.-13). Обнаружено всего 2 экз. в кургане №7 (рис. 20.-19—20). Похожие наконечники известны в Барабе из погребения XIII в. н.э. (Молодин В.И., Соловьев В.И., 1995, рис. 5.-12) и в материалах золотоордынского города Укека 2-й половины XIII—XIV вв. (Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 5.-16).

Железные **распределители ремней** происходят из кургана №7, в количестве 4 экз. (рис. 20.-2—5). Они состоят из кольца,

покрытого по всему периметру насечками и снабженного двумя лопастями-зажимами, которые скреплены, каждый — одним шпеньком (табл. 1.-11). Несмотря на наличие только двух зажимов, остатки кожи на кольцах свидетельствуют о том, что реально к ним крепились четыре ремня. Два из них вставлялись в зажимы, а два других продевались в кольцо простым перегибом полосы ремня. Кольчатые распределители ремней с подвижными лопастями-зажимами появляются в составе тюркской узды с середины VII в. н.э., а затем присутствуют в материалах сrostкинской культуры XI в. н.э. (Шиготарова Т.Г., 2001, рис. 1.-1, 18). Известен также уздечный набор с такими приспособлениями из Среднего Причулымья, датированный XI—XII вв. н.э. (Беликова О.Б., 1988, рис. 4, 5, 6). Бронзовые кольчатые распределители узды происходят из захоронения 1-й половины XII в. н.э. в Поросье (Плетнева С.А., 1973, табл. 10.-1—4) и погребения конца XII—XIII вв. н.э. из Северо-Восточного Причерноморья (Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997, рис. 12.-1—4). Аналогичные железные кольчатые распределители с тремя лопастями-зажимами входили в состав уздечного набора из золотоордынского погребения рубежа XIII—XIV вв. н.э. на Среднем Дону (Ефимов К.Ю., 2000, рис. 7.-1—4). В Лесостепном Алтае кольчатые распределители встречены в погребении XIII—XIV вв. н.э. на Ближних Елбанах-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 7.-3, 4, 6).

Роговые **блоки для чумбура** найдены в кургане №6 в количестве двух штук (рис. 13.-8—9). Они представляют собой сложно оформленные пластины из двух чередующихся ромбовидных и округлых фигур, в которых вырезано по три отверстия разного диаметра (табл. 1.-21). Самое маленькое из отверстий могло служить для глухого закрепления на ремне повода, а два других — среднее и большое — использовались для регулировки заводного ремня. Эти изделия достаточно сильно отличаются от раннесредневековых блоков (Овчинникова Б.Б., 1990) и, вероятно, представляют более поздний вариант их развития.

Железный султанчик на наносный ремень оголовья обнаружен в кургане №7 (рис. 20.-6). Изделие состоит из пластины и вставленной в нее втулки (табл. 1.-5). Пластина — узкая и длинная (8 см), изогнутая по дуге, соответствующей изгибу носа лошади. Она имеет волнистые стороны, округлую центральную часть и зауженные окончания с двумя шпеньками для закрепления на ремне. Втулка, короткая (длина 1 см), раструбной формы, диаметром по верхнему краю 1 см, свернута из одного листа металла, нижний край расплюснен. Данный султанчик отличается от подобных изделий, бытовавших на территории Лесостепного Алтая в X—XII вв. н.э. и характерных для сrostкинской культуры (Шиготарова Т.Г., 2000, рис. 2). Более близкие аналогии ему можно отметить в исследованных кыргызских и кыпчакских памятниках XII—XIV вв. н.э. со Среднего Енисея, Среднего Причутья, Кузнецкой котловины, Томского и Новосибирского Приобья, Южного Урала и Восточной Европы (Савинов Д.Г., 1979, рис. 2; Кызласов И.Л., 1983, табл. VI.-33; VII.-1, 7, 10, 15; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 13.-26; Беликова О.Б., 1996, рис. 39.-1; Савинов Д.Г., 1997, рис. 7.-3; Плетнева Л.М., 1997, рис. 125.-2; Адамов А.А., 2000, рис. 93.-4; Белобрыкин Г.Н., 2000, рис. 1.-2).

Железные **бляхи-подвески** происходят из двух объектов: курган №10 (1 экз., рис. 39.-25) и разрушенный курган без номера (2 экз., рис. 67.-1—2). По своим признакам они делятся на три типа.

Тип 1. Круглая крупная бляха (размеры 5,8x5,5 см), изогнутая по дуге, с уплощенной центральной частью (табл. 1.-3).

Тип 2. Круглая мелкая бляха (диаметр 3,5 см), изогнутая по дуге (табл. 1.-4).

Тип 3. Сердцевидная бляха с умбоном. Она имеет фиксирующую пластину из дерева и два шпенька для крепления (табл. 1.-22).

По нашему мнению, крупная бляха (тип 1) размещалась на налобном ремне оголовья в его центральной части, а более мелкие

(типы 2, 3) могли подвешиваться к середине нащечного ремня узды и таких изделий (по числу ремней) должно было быть по два экземпляра. Аналогичное расположение блях-подвесок характерно для узды сросткинской культуры в X–XII вв. н.э. (Шиготарова Т.Г., 2001а, рис. 1). Сердцевидная бляха-подвеска нашей серии очень похожа на сросткинские изделия X–XII вв. н.э. (Шиготарова Т.Г., 2001б, рис. 4). Встречаются среди них, хотя и редко, изделия округлой формы (Могильников В.А., 2002, рис. 106.-8; 138.-6). Использование круглой железной бляхи для подвешивания к наносному ремню реконструируется в уздечном наборе XI–XII вв. н.э. из Среднего Причулымья (Беликова О.Б., 1988, с. 119, рис. 4.-14; 6.-4). Круглая сильно выпуклая бронзовая бляха на налобный ремень узды была обнаружена в погребении 2-й четверти XIV в. н.э. Центрального Казахстана (Маргулан А.Х., 1959, рис. 6.-3).

Железные **бляхи-накладки** зафиксированы в курганах №7 и 12. По своим признакам они делятся на пять типов.

Тип 1. Бляхи сложно-фигурной формы с тремя шпеньками для крепления (табл. 1.-6). Всего найдено 2 экз. в кургане №7 (рис. 20.-21–22). Точных аналогий им не найдено.

Тип 2. Бляха в форме полумесяца с тремя зубцами и одним шпеньком для крепления (табл. 1.-7). Обнаружен 1 экз. в кургане №7 (рис. 20.-7). Похожие, но бронзовые уздечные бляхи с тремя зубцами происходят из памятника XIII–XIV вв. н.э. в Кузнецкой котловине (Савинов Д.Г., 1997, рис. 7.-4–5). Железные и серебряные бляхи в форме полумесяца, но без центрального зубца, найдены в комплексах XII–XIII вв. н.э. Среднего Причулымья (Беликова О.Б., 1996, рис. 99.-22, 41).

Тип 3. Бляхи прямоугольной формы с закругленными краями, фиксирующей пластиной и двумя шпеньками для крепления (табл. 1.-8). Найдено всего 10 экз. в кургане №7 (рис. 20.-9). Аналогичные изделия, но, вероятно, от седла известны в Среднем Причулымье из памятника XI в. н.э. (Беликова О.Б., 1996,

рис. 77.-4–7). В качестве накладок на кожаные поясные ремни они использовались населением Тянь-Шаня в XI–XII вв. н.э. (Табалдиев К.Ш., 1994, рис. 4.-5–9). Аналогичные изделия обнаружены в могиле XIII–XIV вв. н.э. на памятнике Ближние Елбаны-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-8, 10, 12, 13, 20, 21).

Тип 4. Бляха круглой формы с одним шпеньком для крепления (табл. 1.-9). Обнаружен 1 экз. в кургане №12 (рис. 53.-5). Аналогичные украшения уздечных ремней встречены в памятнике XI–XII вв. н.э. Среднего Причутья (Беликова О.Б., 1988, рис. 5.-1–2). В Лесостепном Алтае они происходят из погребения XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ближние Елбаны-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-15–19).

Тип 5. Бляха квадратной формы с одним шпеньком для крепления (табл. 1.-10). Зафиксирован всего 1 экз. в кургане №12 (рис. 53.-8). Аналогичные бляхи известны в Лесостепном Алтае из погребения XIII–XIV вв. н.э. на Ближних Елбанах-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-11, 14).

Помимо железной уздечной гарнитуры, в кургане №7 сохранилось несколько фрагментов самих кожаных ремней. Один из них имеет характерное приостренное окончание под наконечник и два отверстия для его крепления (рис. 21.-8), другой – отверстия под бляхи и прошивку по краям (рис. 21.-9). Еще два куса от ремней сохранились благодаря бронзовому шпеньку (рис. 21.-6) и обломку бляхи со шпеньком из цветного металла (рис. 21.-7). По этим фрагментам можно установить, что ширина уздечных ремней равнялась 1,6 см, а сами они складывались вдвое и сшивались между собой.

Предметы от уздечных наборов, обнаруженные на памятнике Телеутский Взвоз-I, позволяют представить общую реконструкцию оголовья верхового коня, которым пользовалось население Лесостепного Алтая, оставившее изучаемый могильник. Такая узда

состояла из семи ремней: двух нащечных, наносного, подгубного, налобного, подбородочного и затылочного (табл. 3.-1). Соединение этих ремней в местах перекрещивания производилось при помощи кольчатых распределителей. Нашечные ремни, скорее всего, украшались бляхами-подвесками (тип 2 и 3), а также крупными бляхами-накладками (тип 3 и 5), которые одновременно усиливали и дополнительно скрепляли их конструкцию. С псалиями они соединялись пряжками, тренчиками и наконечниками. Наносный ремень украшался посередине султанчиком с пучком волос и дополнительно мог снабжаться бляхами-накладками (тип 4). Налобный ремень могли украшать такие же бляхи, а в центре к нему подвешивалась крупная круглая бляха (тип 1). Подгубный, подбородочный и затылочный ремни фиксировались при помощи пряжек, тренчиков и наконечников, а их наиболее видные места могли украшаться бляхами-накладками (тип 1 и 2).

II. Седло. В состав седельного набора с Телеутского Ввоза-I входят следующие предметы: стремена, подпружная пряжка, цурка, функциональные изделия для крепления деталей седла (накладки на полки, скобы, гвозди) и украшения седла (накладки на луки).

Железные **стремена** обнаружены на семи объектах — это курганы №6 (3 экз., рис. 16.-1-3), №7 (2 экз., рис. 22.-1-2), №10 (2 экз., рис. 38.-13; 40), №11 (2 экз.), №12 (2 экз.), №14 (2 экз., рис. 63.-1-2) и разрушенный объект без номера (1 экз., рис. 66.-1). Из 14 стремян от двух пар из курганов №11-12 и от одного экземпляра из кургана №10 сохранились лишь незначительные обломки. Остальные девять изделий полностью реконструируются и несут вполне репрезентативную информацию (табл. 2). Все стремяна нашей серии относятся к пластинчатым, т.е. отверстие для путлища у них пробито в специально раскованной пластине, которая часто называется «ушком». По наиболее значимым признакам (контур дужек, соотношение дужек и ушка, форма ушка) стремяна рассматриваемой серии можно разделить на пять типов, а по форме подножки

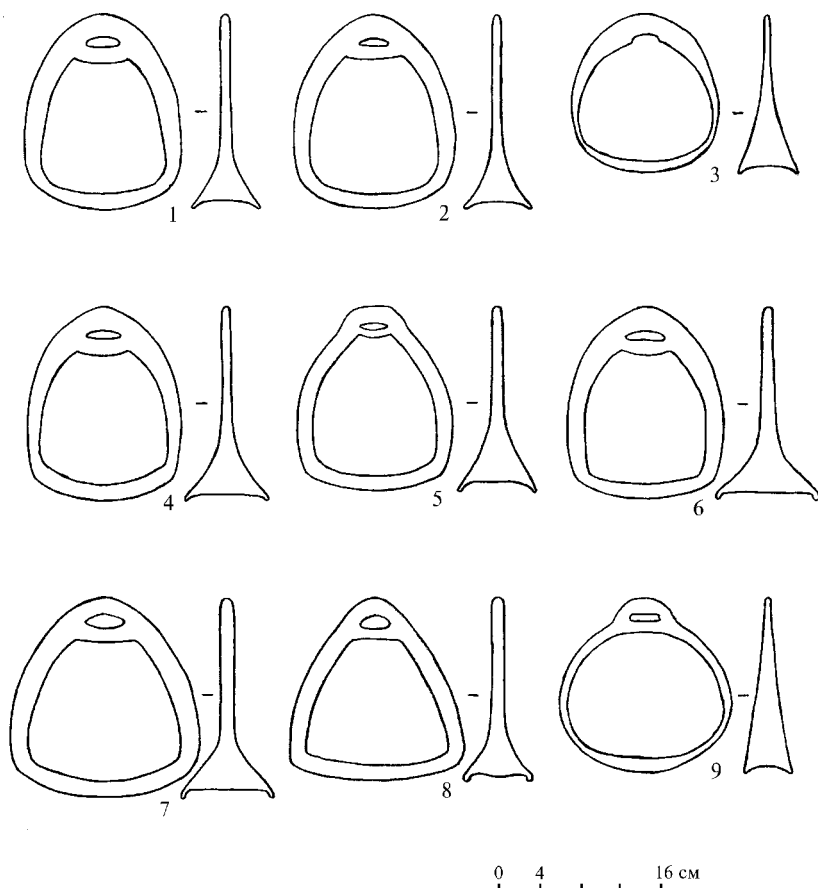

Таблица 2. Снаряжение верхового коня. Стремена

при виде сбоку и ее ширине добавить там, где это необходимо, еще и нижеприведенные варианты.

Тип 1. Стремена — округлые, со слабо выделенным сегментовидным ушком. Подножка у них С-образная, шириной 4 см (табл. 2.-9). Один экземпляр происходит из разрушенного кургана и находится в коллекции №163-А МАЭА АлтГУ. Стремена такого типа датируются XI — 1-й половиной XIII вв. н.э. По

конструкции ушка (невысокая пластина, «посаженная» на дужки) им близки некоторые сросткинские и кыргызские образцы X–XI вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. LV.-22, 24; Тишкин А.А., 1993а, рис. 4.-16; Могильников В.А., 2002, рис. 37.-6, 11; 43.-1–2; 133.-11; Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, табл. XIII, XIV), а также стремена XI–XIII вв. н.э. из Восточной Европы, Южного Урала, Западной и Южной Сибири, Монголии (Басандайка, 1948, табл. 81.-14, 70; Гаврилова А.А., 1965, рис. 12.-9; Плетнева С.А., 1973, табл. 8.-10–11; 13.-9, 17.-11; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 12.-13–14, 22–23; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 5.-2, 4; Кубарев Г.В., 1992, табл. I.-2–3; Баяр Д., 2000, рис. 30). По форме дужек и ширине подножки нашему экземпляру соответствуют стремена XI – 1-й половины XIII вв. н.э., известные в Поросье и на Южном Урале (Плетнева С.А., 1973, табл. 3.-7; 12.-20; Мажитов Н.А., 1981, рис. 73.-17; 75.-14; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 16.-5–6). Этого же времени и более полные аналогии из Восточной Европы (Кирпичников А.Н., 1973, табл. XV.-2).

Тип 2. Стремена — арочные, с невыделенным сегментовидным ушком, у которого вместо прорези имеется выемка. Подножка у них С-образная, шириной 4,8 см (табл. 2.-3). Найден всего 1 экз. возле кургана №6. Стремена данного типа датируются XII – 1-й половиной XIV вв. н.э. Они широко представлены в памятниках Западной и Южной Сибири, в Казахстане, на Южном Урале и в Восточной Европе (Басандайка, 1948, табл. 36.-3; 91.-41; Гаврилова А.А., 1965, табл. XXVII.-14; Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З., 1970, рис. 3.-1, 4; Кирпичников А.Н., 1973, табл. XV.-1; Плетнева С.А., 1973, табл. 6.-9; 10.-10, 15.-11; Кызласов И.Л., 1983, табл. XVI.-2; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8.-1; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1995, рис. 13; Беликова О.Б., 1996, рис. 8.-6–7; 34.-7–8; Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997, рис. 7.-30; Адамов А.А., 2000, рис. 80.-6; 90.-1; Ефимов К.Ю.,

2000, рис. 7.-21). В Лесостепном Алтае аналогичные изделия встречены на памятниках монгольского времени Ближние Елбаны-VI, Ильинка и Сухие Гривы (Савинов Д.Г., 1979, рис. 3; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 7.-9; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 10, 11).

Тип 3. Стремена — арочные, с невыделенным трапециевидным ушком, у которого под прорезью имеется выступ. Подножка у них П-образная, шириной 6,4 см (табл. 2.-5). Найден 1 экз. в кургане №7. Такие стремена датируются 2-й половиной XII—XIV вв. н.э. В отличие от изделий типа 1, пластина у них почти слита с дужками, выделяясь над ними лишь своим верхним краем. Находки аналогичных стремян зафиксированы в Западной Сибири, Казахстане, на Тянь-Шане и Южном Урале (Басандайка, 1948, табл. 47.-3; Маргулан А.Х., 1959, рис. 6.-5; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8.-2; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 41.-2; 51.-9; 54.-3; Адамов А.А., 2000, рис. 80.-4; 96.-9; 100.-2) В Лесостепном Алтае такой экземпляр происходит из памятника монгольского времени Сухие Гривы (Тишкин А.А., 2001а, рис. 3).

Тип 4. Стремена — арочные, с невыделенным треугольным ушком, у которого под прорезью имеется выступ. Отметим особенность варианта **а**: подножка С-образная, шириной 5,6 см (табл. 2.-1—2). Таких изделий найдено всего 2 экз. в кургане №6. Другой вариант **б** отличается П-образной подножкой, шириной 6,8 см (табл. 2.-4). Один экземпляр обнаружен в кургане №7. Вариант **в** характеризуется также П-образной подножкой, но ширина ее 8,4 см (табл. 2.-6). Это изделие происходит из кургана №10. Обозначенный тип датируется 2-й половиной XII—XIV вв. н.э. Стремена этого типа являются одними из самых массовых изделий рассматриваемой категории предметов в монгольское время. Они известны в Забайкалье, Южной и Западной Сибири, на Тянь-Шане, Южном Урале и в Восточной Европе (Кирпичников А.Н., 1973, табл. XV.-4; Плетнева С.А., 1973, табл. 10.-11; 12.-2; 13.-10;

Кызласов И.Л., 1983, табл. XVI.-7; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8.-18; Дашибалов Б.Б., 1995, рис. 35.-33; Беликова О.Б., 1996, рис. 59.-4-5; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 44.-6; 51.-9; 54.-2-3; Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997, рис. 7.-27; Плетнева Л.М., 1997, рис. 111.-1; Адамов А.А., 2000, рис. 96.-11; Ефимов К.Ю., 2000, рис. 9.-1-2). В Лесостепном Алтае аналогичные изделия встречены в памятнике сrostкинской культуры 2-й половины XI—XII вв. н.э. Змеевка (Неверов С.В., 1982, рис. 3.-4; 5.-6) и на памятниках XIII—XIV вв. н.э. Ближние Елбаны-VI, Ильинка, Сухие Гривы, АБ (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 7.-10; Тишкин А.А., 2001а, рис. 2; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 6-7; Тишкин А.А., 2002б, рис. 1.-2-3). Стремена рассматриваемого типа из могильника Змеевка обнаружены в погребении (курган №4 (3), могила 2), которое по своему предметному комплексу датируется концом XII в. н.э. или даже началом XIII в. н.э. и является самым поздним для данного некрополя (Неверов С.В., 1982, с. 115—118, рис. 3.-4; 4.-6—12; 5.-5—6).

Тип 5. Стремена — трапециевидные, с невыделенным треугольным ушком. Отметим у таких изделий вариант *а* по Е-образной форме подножки, шириной 5,6 см (табл. 2.-8). Обнаружен всего 1 экз. в кургане №14. Следующий вариант *б* характеризуется П-образной подножкой, шириной 7,6 см (табл. 2.-7). Один экземпляр происходит также из кургана №14. Стремена этого типа датируются 2-й половиной XIII—XV вв. н.э. Они найдены в Забайкалье, Южной и Западной Сибири, на Тянь-Шане, Южном Урале и в Восточной Европе (Гаврилова А.А., 1965, рис. 13.-2, табл. XXX-5; Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-54—55; Плетнева С.А., 1973, табл. 42.-10; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 9.-1; 11.-14; Дашибалов Б.Б., 1995, рис. 6.-10; 35.-27; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 48.-1; Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997, рис. 9.-5,11; 12.-23—24; Плетнева Л.М., 1997, рис. 64.-6—7; 154.-1—2; Адамов А.А., 2000, рис. 90.-3; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 15.-3—4).

Важными уточняющими типологическими признаками стремян нашей серии являются форма и ширина подножки. В эпоху раннего средневековья эволюция этой детали отчетливо шла по пути увеличения размеров подножек (Неверов С.В., 1998, с. 145–147). Данная тенденция сохранила свое значение и в период развитого средневековья (Ефремов С.А., 1998, с. 168). Это обусловило постепенный переход от стремян с С-образной, небольшой и средней ширины (типы 1, 2, 4а), к стременам с П-образной, средней и более широкой, подножкой (типы 3, 4б, 4в, 5б). Увеличение размеров отмеченной части стремян диктовало и изменение контура дужек от округлых (тип 1) к арочным (типы 2, 3, 4), а затем к трапециевидным (тип 5). Особое место в нашей серии занимает изделие с Е-образной подножкой (тип 5а). Оно сочетает в себе П-образную форму подножия (со слабо выраженной нервюрой и средней шириной) с трапециевидным контуром дужек. Видимо, данный экземпляр является переходным между типами 4 и 5. Определенное пограничное состояние (между типами 4 и 5) отражает и стремя типа 4в, имеющее самую широкую подножку при старом, арочном, контуре дужек. Эти наблюдения подкрепляют относительную датировку типов стремян нашей серии и отражают направление их эволюции.

От **подпружной пряжки** сохранился только крупный костяной язычок (рис. 13.-4). Он найден в кургане №6. Изделия аналогичных пропорций использовались в подпружных пряжках конца I — начала II тыс. н.э. (Ефремов С.А., 1998, рис. 4.-8).

Железная **цурка** обнаружена в кургане №12. Рассматриваемый предмет представляет собой железный рельефный стержень, на котором сохранились остатки кожаного ремня (рис. 53.-3). Он мог использоваться для завязывания пут и приторачивания груза к седлу. Подобные, но костяные и бронзовые, стержневидные цурки известны в материалах сrostкинской культуры IX–XI вв. н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., 1991, рис. 1.-7; Тишкин А.А.,

1993а, с. 98, рис. 4.-11; 5.-4; Тишкин А.А., 1993б, рис. 5.-5; Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 170, рис. 3.-19; 5.-9; Савинов Д.Г., 1998, рис. 6.-2; Могильников В.А., 2002, с. 98, рис. 91.-4).

Железные и роговые **накладки на полки седла** происходят из четырех объектов — это курганы №7, 9, 10, 14. По форме и конструкции выделяется пять типов таких изделий.

Тип 1. Плоские, узкие, изогнутые накладки с расширениями, в которые вставлены пробой с кольцами. На их тыльной плоскости и пробоях сохранились следы дерева. Такие накладки найдены в курганах №7 (15 фрагментов, рис. 20.-1, 12), №10 (7 фрагментов, рис. 39.-20—22, 30—31), №14 (10 фрагментов, рис. 62.-7—9, 14—16). Эти изделия крепились на полки седла и служили для продевания через кольца различных ремней: нагрудного, крупного, подпружных и торочных. Их назначение понятно благодаря находке монгольского седла XIII в. н.э. в погребении на р. Онон (Баяр Д., 2000, рис. 2, 28 и 29). Комплекты рассматриваемых предметов получают распространение именно в монгольское время, т.е. в XIII—XIV вв. н.э. Они известны в Южной и Западной Сибири, на Южном Урале, в Восточной Европе (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXVII.-1—9; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 12.-19—20; Плетнева Л.М., 1997, рис. 68.-3—6; Адамов А.А., 2000, рис. 87.-3; 96.-13—15; Ефимов К.Ю., 2000, рис. 7.-7—10, 15; 9.-8—11). В Лесостепном Алтае аналогичные накладки происходят из погребения XIII—XIV вв. н.э. на могильнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-9—10; 9.-1—2).

Тип 2. Накладки круглой формы с пробоями и вдетыми в них кольцами. Такие изделия со следами дерева найдены в кургане №10 (2 экз., рис. 39.-26—27). У одного экземпляра просматриваются насечки по всему периметру лицевой стороны (рис. 39.-27). Назначение круглых накладок аналогично предметам типа 1. Такие же вещи найдены на могильниках XIII—XIV вв. н.э. Ближние Елбаны-VI и Ильинка (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А.,

2000, рис. 4.-1, 4-13; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 9.-3-7).

Тип 3. Широкие накладки со шпеньком. Один фрагмент такого изделия со следами дерева происходит из кургана №10 (рис. 39.-28). Накладка рассматриваемого типа могла использоваться для окантовки разных частей седла (полок и лук).

Тип 4. Узкие и короткие накладки с двумя шпеньками. Они обнаружены со следами дерева в кургане №10 (5 целых и 8 фрагментов, рис. 39.-8, 16-19). Их назначение аналогично предыдущему типу предметов.

Тип 5. Роговые накладки-полосы. Они происходят из кургана №9 (7 фрагментов, рис. 30.-3-8). Накладки сохранились в обломках. Они представляют собой фрагменты полос различной ширины, в которых проделаны сквозные отверстия круглой и ромбовидной формы для крепления. Назначение этих накладок-полос аналогично изделиям типа 3 и 4. Похожие приспособления для окантовки седел известны из погребальных памятников XIII-XIV вв. н.э. на Тянь-Шане и в Новосибирском Приобье (Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 45.-11-12; 48.-5; Адамов А.А., 2000, рис. 92.-12-16). В Лесостепном Алтае такие же накладки найдены в погребении XIII-XIV вв. н.э. на могильнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-12-13).

Железные **скобы** зафиксированы на трех объектах (курганы №6, 10 и разрушенный б/н). Они представляют собой П-образные четырехгранные и округлые стержни с остатками дерева (рис. 15.-2, 16-17, 20; 39.-12-15, 24; 67.-3-4). Скобы, скорее всего, применялись для скрепления полок и лук между собой. Такое же изделие происходит из погребения XIII-XIV вв. н.э. на памятнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 9.-17).

Железные **гвозди** обнаружены в четырех объектах: курганы №6, 10, 11, 14. Они представляют собой стержни со шляпками. На

них зафиксированы остатки дерева (рис. 15.-3, 5–6, 9, 11; 39.-1–7, 9–11; 62.-12–13). Один экземпляр имеет круглую костяную шляпку (рис. 47.-8). Такие небольшие гвозди могли использоваться для обивки седельных полок и лук. Их находки зафиксированы в могиле XIII–XIV вв. н.э. на памятнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 9.-8–10).

Роговые **накладки на лук седла** происходят из двух объектов — это курганы №6 (рис. 13.-1–2, 6–7, 10) и №14 (рис. 61.-2–4). По своей форме они делятся на четыре типа.

Тип 1. Зооморфные накладки с силуэтом антилопы. Они сделаны из верхней части рога и крепились к луке двумя гвоздиками, на которых сохранились следы дерева. Всего обнаружено 3 экз. в курганах №6 (2 экз., рис. 13.-1–2) и №14 (1 экз., рис. 61.-2). Точных анало-

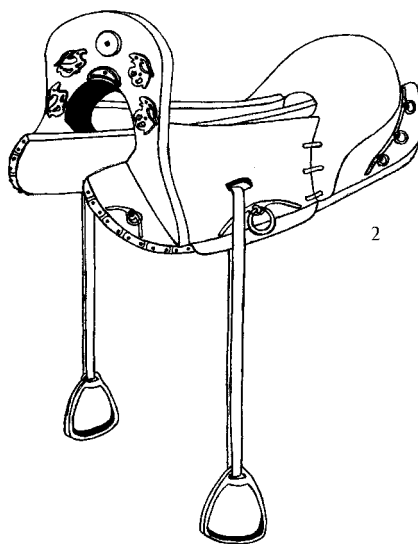
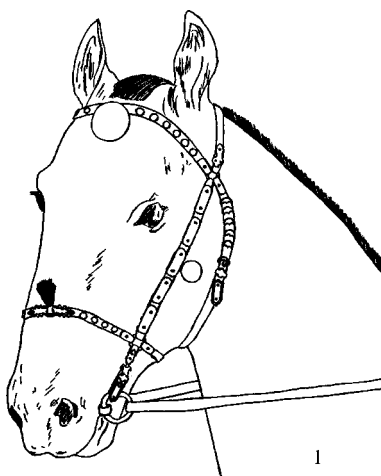

Таблица 3. Снаряжение верхового коня. Реконструкция расположения декоративных и функциональных изделий на оголовье (1) и седле (2)

гий им не найдено, но подобные изображения имеют одну характерную особенность: ноги животных подогнуты друг к другу под животом. Эта деталь встречается на многих рисунках копытных вырезанных на костяных обкладках колчанов монгольского времени. Все они датируются 2-й половиной XIII—XIV вв. н.э. и в основном распространены в границах Золотой Орды (Малиновская Н.В., 1974, с. 160, 169, рис. 2, табл. V.-11; VIII.-22; X.-34, 37; XI.-38; XII.-42; XIII.-45, 48; XVI.-83; Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 185—187).

Тип 2. Орнаментированные накладки в форме полумесяца. Они сделаны из рога и крепились к луке одним гвоздиком, на котором сохранились следы дерева. Всего найдено 2 экз. в курганах №6 (рис. 13.-10) и №14 (рис. 61.-3). Археологических аналогий им пока не найдено. Накладка такой формы имеется на передней луке седла конца XIX в. н.э. с Тянь-Шаня (Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 58).

Тип 3. Накладки неравной 8-видной формы с двумя маленькими и четырьмя большими отверстиями. По центральной оси они имеют по две прорезных линии, заканчивающихся острыми выступами. Всего зафиксировано 2 экз. в кургане №6 (рис. 13.-6—7). Сделаны они из рога. Точных аналогий указанным предметам не найдено, но стоит упомянуть железные 8-видные накладки от седельного набора из могильника Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-1—4). Они имели по четыре отверстия — два малых и два больших. В меньшие отверстия вставлялись гвоздики, крепившие накладки к деревянной основе, а большие отверстия оставались свободными.

Тип 4. Накладка круглой формы, с рельефным валиком на тыльной стороне. Имеет один гвоздик для крепления с остатками дерева. Происходит из кургана №14 (рис. 61.-4). Аналогий не найдено.

Помимо седельной гарнитуры в курганах №7 и №10 зафиксированы фрагменты деревянной основы седел (рис. 21). Их сохран-

ность не позволяет восстановить конструкцию данных изделий. Два фрагмента можно трактовать как обломки лук (рис. 21.-2–3), еще на двух обломках остались следы накладок с пробоями (рис. 21.-1, 4).

Предметы от седельных наборов с Телеутского Взвоза-I позволяют реконструировать их расположение на седле (табл. 3.-2). Передняя лука могла украшаться роговыми накладками всех типов. К полкам крепились накладки с кольцами для ремней (типы 1, 2), а торцы полок окантовывались накладками типов 3, 4, 5.

Вооружение

Предметы данного комплекса встречены на Телеутском Взвозе-I в могилах курганов №6, 10, 11, 12, 14. По своей функциональной принадлежности они относятся к двум категориям: наступательное вооружение или оружие (средства индивидуального применения, предназначенные для поражения противника) и военное снаряжение (средства индивидуального применения, предназначенные для ношения и хранения оружия). Защитное вооружение на памятнике не зафиксировано.

I. Оружие. В состав такого набора с Телеутского Взвоза-I входят лишь средства дальнего боя — это лук и стрелы. От лука сохранилась только накладка, от стрел — остатки древков, фрагменты наконечников и свистунка.

Костяная **накладка лука**, сделанная из плюсны лошади, обнаружена в кургане №14 (рис. 61.-5). Она относится к средним тыльным накладкам весловидной формы на рукоять лука. Ее длина 16,2 см, ширина в средней части — 2,2 см. Поверхность изделия со всех сторон покрыта «штриховкой» (табл. 4.-1). Ранее всего такие накладки появляются на территории Монголии и Забайкалья, а в XIII–XIV вв. н.э. получают широкое распространение по всей Евразии, что связано прежде всего с монгольскими завоеваниями и созданием монгольских государств (Худяков Ю.С., 1993, с. 137, 142–143, рис. 4.-2, 13; 19.-1–2, 6). В Лесостепном

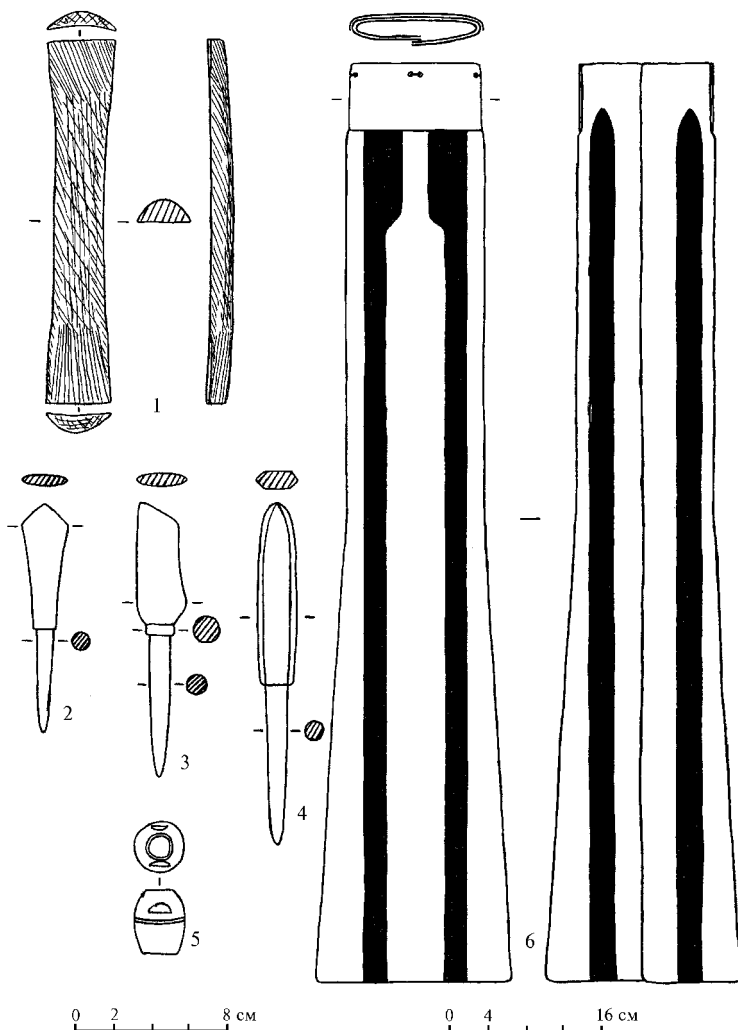

Таблица 4. Вооружение. Предметы оружия и снаряжения дальнего боя

Алтае весловидные накладки найдены только в памятниках XIII—XIV вв. н.э. — это могильники Ближние Елбаны-XIV, Осинки, Рубцовский (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII.-8; Савинов Д.Г., 1981, рис. 4.-6—7; Абдулганеев М.Т., 1998, рис. 1.-4; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б, с. 264, рис. 4).

Железные **наконечники стрел** зафиксированы в курганах №6 (рис. 15.-4), №10 (рис. 37.-3—5), №11 (рис. 47.-2—3), №12 (рис. 53.-9—10), №14 (рис. 62.-3—6). Кроме того, в объекте №10 найдены фрагменты древков стрел (рис. 37.-8—13), а в кургане №12 — костяная свистунка (рис. 53.-15). Реконструировать возможно только четыре наконечника. По сумме своих признаков они представляют три типа.

Тип 1. Однолопастные наконечники асимметричноромбической формы. Длина пера 5,5 см, наибольшая ширина 2 см, длина черешка 4,5 см. Поперечное сечение пера линзовидное, черешка — круглое. Перо в месте перехода в черешок утолщается, образуя упор. Найдено 2 экз. в кургане №6 (табл. 4.-2). Асимметрично-ромбические наконечники стрел с упорами появляются в конце I тыс. н.э. на территории Забайкалья, а их дальнейшее распространение связано с военной активностью монгольских и близких к ним племен Центральной Азии (Худяков Ю.С., 1991, с. 122—123, рис. 15.-7—8). Нашим экземплярам по пропорциям идентичны монгольские наконечники стрел XI—XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 56.-7—8, 10). В Лесостепном Алтае асимметричноромбические наконечники стрел с упорами известны в сrostкинских памятниках второй половины XI—XII вв. н.э. и погребениях XIII—XIV вв. н.э. на памятниках АБ, Усть-Алейка-Клуб, Ближние Елбаны-VI и XIV, Сухие Гривы, Раздумье-I и ряде местонахождений (Грязнов М.П., 1956, табл. LXI.-3; LXII.-2—3; Савинов Д.Г., 1979, рис. 3; Уманский А.П., 1987, рис. 2.-7—9; Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-6—8; 3.-6; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998, с. 263—264; рис.-16—19; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тиш-

кин А.А., 2000, рис. 3.-2—3; 6.-1, 5, 8—11; Тишкин А.А., 2001а, рис. 1.-1—10; Тишкин А.А., 2002б, с. 144, рис. 1.-1).

Тип 2. Однолопастной наконечник срезной (без выраженного острия) формы, со скошенным на одну сторону лезвием и расширением с одной стороны пера. Длина пера 5,8 см, наибольшая ширина 2,2 см, длина черешка 6,2 см. Поперечное сечение пера линзовидное, черешка — круглое. Нижняя часть пера имеет шайбовый упор. Найден 1 экз. в кургане №12 (табл. 4.-3). Аналогичные наконечники известны у монголов в XIII—XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, с. 109—110, рис. 58.-8).

Тип 3. Шестигранный наконечник килевидной формы. Длина пера 8 см, наибольшая ширина 1,8 см, длина черешка 7 см. Поперечное сечение пера шестиугольное, черешка — круглое. Перо в месте перехода в черешок утолщается, образуя упор. Один экземпляр зафиксирован в кургане №14 (табл. 4.-4). Аналогичный наконечник найден в Лесостепном Алтае на памятнике XIII—XIV вв. н.э. Ближние Елбаны-VI (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б, с. 264, рис. 11; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 3.-4).

Костяная **свистунка** из кургана №12 имеет бочонковидную форму. Ее длина 2,8 см, наибольший диаметр 2,2 см. В верхней половине изделия прорезано два сегментовидных отверстия, ниже которых идут две параллельные резные линии (табл. 4.-5). Наиболее близка к нашему экземпляру свистунка, найденная в погребении XIII—XIV вв. н.э. на могильнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 5.-5).

II. Военное снаряжение с Телеутского Взвоза-I представлено берестяными колчанами, найденными в могилах курганов №10 (рис. 41), №11 (рис. 48), №12 (рис. 54 и 55), №14 (рис. 64). Несмотря на то, что все изделия обнаружены в обломках, три из них (из курганов №10, 11, 12) достаточно уверенно реконструируются (табл. 4.-6).

Колчаны были сделаны из двух вертикальных полос бересты, свернутых и сшитых (склеенных) с тыльной стороны. Форма

колчанов трапециевидная, в поперечном сечении овальная, общая длина 76–86 см, ширина дна 17 см, ширина устья 12 см. Лицевая и тыльная стороны колчанов орнаментированы двумя параллельными полосами, образованными за счет выборки волокон бересты. Полосы лицевой стороны имеют односторонние расширения перед устьем, направленные друг к другу. Полосы тыльной стороны заканчиваются заострением. Внутри полос сохранилась органика темного цвета, возможно, остатки краски или клея. Устья колчанов выделены (по высоте на 6 см) также за счет выборки волокон бересты и для закрепления на его лицевой стороне роговых пластин, обломки которых найдены в курганах №10 (рис. 37.-1–2) и №12 (рис. 53.-1). Пластины имели прямоугольную форму размерами 12х6 см и три пары сквозных отверстий для крепления в верхней части устья. Еще один фрагмент роговой пластины из кургана №12 (рис. 53.-2) также мог являться накладкой на колчан. На берестяных футлярах сохранилось много сквозных отверстий, которые могли предназначаться для фиксации других облицовочных деталей, а также для крепления деревянного каркаса и портупейных петель.

Колчаны нашей серии относятся к типу «с ровным верхом» (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б, с. 266). Такое снаряжение появляется у кочевников Центральной Азии в середине I тыс. н.э. и бытует до середины II тыс. н.э. без особых изменений в конструкции футляра. Более конкретную информацию о хронологии колчанов дают детали их оформления. Близкие по орнаментации изделия происходят из погребения XIII в. н.э. в Барабе, погребений XIII–XIV вв. н.э. в Новосибирском Приобье и Горном Алтае (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXV.-3; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1995, рис. 10.-1–2; Адамов А.А., 2000, рис. 99.-1). В Лесостепном Алтае берестяные колчаны из погребений XIII–XIV вв. н.э. найдены на памятниках Ближние Елбаны-XIV, Усть-Алейка-Клуб, Кармацкий (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII; Кунгуров А.А., 1991, рис. 3.-14; Могильников В.А., 1992б, рис. 3).

Орудия труда

Предметы этого вещевого комплекса встречены на Телеутском Ввозе-1 в курганах №1, 2, 6–8, 10–12, 14. Они представлены ножами, шильями, наконечником стрелы, втулкой, крючками и Y-образными изделиями.

Железные **ножи** обнаружены на восьми объектах: курганы №2 (рис. 9.-1), №6 (рис. 15.-1), №7 (рис. 20.-18), №8 (рис. 26.-8), №10 (рис. 37.-6–7), №11 (рис. 47.-1), №12 (рис. 53.-6–7), №14 (рис. 62.-10). Все ножи имеют повреждения. На большинстве из них, кроме предметов из насыпи объекта №10 (рис. 37.-7) и ямы кургана №12 (рис. 53.-6), сохранились остатки дерева от рукоятей и ножен. Ножи имеют два прямых плечика при переходе черена в клинок. Черены немного наклонены по отношению к оси клинка. В поперечном сечении они прямоугольные, а клинки – вытянутотреугольные или килевидные. У ножа из кургана №7 зафиксирована железная обойма, надетая на основание черена и украшенная вертикальными насечками по всему периметру (рис. 20.-18). Аналогичные нашим изделиям ножи были широко распространены и приведение аналогий не имеет датирующего значения. Отметим, что в памятниках Лесостепного Алтая XIII–XIV вв. н.э. найдены такие же экземпляры: Ближние Елбаны-VI и XIV, Усть-Алейка-Клуб, Островное-3, Сухие Гривы, Ильинка, АБ и др. (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII.-1; Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-13; Иванов Г.Е., 1999, рис. 1.-4; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 8.-16; Тишкин А.А., 2001а, рис. 1.-13; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 5.-6, 8.-11; Тишкин А.А., 2002б, рис. 1.-6).

Железные **шилья** найдены в курганах №1 (рис. 4.-1) и №8 (рис. 26.-1). У одного из них сохранился трехгранный стержень, а у другого еще и крупная деревянная рукоять. Очень похожий предмет происходит из погребения XIII–XIV вв. н.э. могильника Усть-Алейка-Клуб (Кунгуров А.Л., 1991, рис. 3.-13).

От костяного **наконечника стрелы** в кургане №12 (рис. 53.-14) сохранился только черешок, прямоугольный в сечении, с отпечатками обмотки. Стрелы с такими наконечниками относятся нами к орудиям охоты. Они часто встречаются в колчаных наборах монгольского времени. В Лесостепном Алтае костяные наконечники стрел обнаружены на следующих памятниках XIII–XIV вв. н.э.: Ближние Елбаны-XIV, Усть-Алейка-Клуб, Ильинка, АБ (Грязнов М.П., 1956, табл. LXII.-5, 7; Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-11; 2.-6; 3.-4–5, 9; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 5.-1–4; Тишкин А.А., 2002, рис. 1.-7–8).

Костяная **втулка**, сделанная из отпиленной части плюсны лошади, обнаружена в кургане №12 (рис. 53.-13). Она квадратной формы, шириной 2 см, диаметром 2,2 см, с толщиной стенок 0,5 см. Изделие отнесено к орудиям труда предположительно. Похожие, но роговые, втулки были найдены на могильнике XIII–XIV вв. н.э. Сухие Гривы, где они являлись частями наборной ручки ножа (Тишкин А.А., 2001а, рис. 4.-10–12). За пределами Лесостепного Алтая аналогичные предметы найдены в погребениях XIII–XIV вв. н.э. Томского и Новосибирского Приобья (Плетнева Л.М., 1997, рис. 61.-9; Адамов А.А., 2000, рис. 95.-3).

Железные **крючки** происходят из кургана №2 (рис. 9.-6–7). Представляют собой стержни овального сечения, с одним сильно загнутым концом. Данные изделия похожи на рыболовные крючки, но не исключено и другое их применение.

Железные **У-образные изделия** найдены в кургане №2 (рис. 9.-3–5). Они сделаны из железных пластин прямоугольного сечения и напоминают собой «рогатки». Их назначение непонятно. Отнесены к орудиям труда предположительно. Такие же изделия (с более загнутыми концами) и то же в количестве трех штук найдены в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ильинка (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-5–7).

Предметы быта

Изделия этого комплекса найдены на Телеутском Взвозе-1 в курганах №1 и №8. Они представлены зеркалом, гребнем, сумкой и игольником.

Металлическое **зеркало** происходит из кургана №1 (рис. 5.-1). Оно зафиксировано в виде обломка целого изделия, первоначальный диаметр которого был не менее 9 см. Лицевая сторона зеркала гладкая, тыльная — рельефная. Имеется выделенный тонкий бортик. Орнаментальное поле составляют два круга, из которых крайний обозначен двумя валиками, а центральный — одним. Во внешнем круге располагаются чередующиеся изображения округлых и шестиугольных «с отростками» фигур, в центре которых поставлены выпуклые «точки». В центральном круге изображено по четыре таких же фигуры, но более крупных и без «точек». Из них шестиугольные фигуры своими «отростками» образуют восьмиконечную звезду. Округлые фигуры — это по существу сильно загнутые дуги, «подвешенные» к валикам. Во внешнем круге они «подвешены» поочередно к разным валикам. В Лаборатории экспериментальной минералогии и геохимии ТГУ получены следующие результаты полуколичественного спектрального анализа (в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы, например, 1 вес. % = 10 кг/т): Pb — >1; Zn — 0,5; Sn — 0,5; Cu — 0,1; Ba — 0,1; Si — 0,05; Fe — 0,03; Bi — 0,03; Sb — 0,005; Ag — 0,005; Al — 0,003; Ni — 0,002; Co — 0,001; Ga — 0,001; Mg — 0,001; Ca — 0,001; Jn — 0,0005 (исполнитель — Е.Д. Агапова). Таким образом, основу сплава составляют свинец, цинк, олово с включением меди и бария.

Точные аналогии нашему зеркалу происходят из погребения XIII—XIV вв. н.э. могильника Суттуу-Булак-1 на Тянь-Шане (Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, Abb. 6.-15), а также из Минусинского музея (Лубо-Лесниченко Е.И.,

1975, с. 41, рис. 10). Зеркала со схожими орнаментальными элементами («подвешенные» дуги, «точки», восьмиконечный центр и др.) известны из памятников XIII–XIV вв. н.э. на Южном Урале, Тянь-Шане, в Казахстане, Новосибирском и Томском Приобье (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 41–42, рис. 11; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 11.-19; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 46.-2; Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000, рис. 1.-3; 2.-2–4; Адамов А.А., 2000, рис. 89.-4). Подобное зеркало найдено в Лесостепном Алтае на памятнике Островное-3 в погребении XIII–XIV вв. н.э. (Иванов Г.Е., 1999, рис. 1.-3). Более узкая датировка представленных изделий определяется находкой с Тянь-Шаня на могильнике Бел-Саз-1, который по монетам относится к последней трети XIII – началу XIV вв. н.э. (Табалдиев К.Ш., 1999, с. 78, рис. 1.-3).

Деревянный **гребень** обнаружен в кургане №1 (рис. 5.-2). Изделие снабжено зубьями, расположенными с двух торцов. На обеих сторонах гребня имеется орнамент «циркульного» типа из нескольких кругов и одной точки. Наиболее близкая аналогия нашему гребню есть в погребении с зеркалом с указанного выше могильника Суттуу-Булак-1 (Anke В., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, abb. 6.-14). В Лесостепном Алтае находка фрагмента деревянного гребня известна из погребения XIII–XIV вв. н.э. на памятнике Усть-Алейка-5 (Тишкин А.А., 2001б, рис. 1.-5).

Кожаная **сумка** из кургана №1 (рис. 4.-5) является редкой находкой. Она имела более толстую кожаную окантовку и специальный клапан-язычок для застегивания. Сумка предназначалась для хранения и ношения зеркала и гребня. Без специального анализа судить о хронологии существования таких вещей пока преждевременно.

Игольник, сделанный из фрагмента трубчатой кости, найден в кургане №8 (рис. 26.-9). Он представляет собой полую трубку, внутри которой сохранился железный окисел, вероятно от иглы. Такие изделия бытовали очень широко, и на Алтае они известны начиная с эпохи ранней бронзы.

Детали одежды

Предметы этого комплекса происходят из курганов № 1, 2, 6–12, 14. Они представлены поясными и портупейными пряжками, нашивными бляхами, навершиями головных уборов, нашивками из бересты и органическими остатками от костюма и обуви из кожи, ткани и войлока.

Железные и бронзовая **поясные (портупейные) пряжки** происходят из трех объектов — это курганы №2, 6, 11. По сумме признаков можно выделить три типа.

Тип 1. Рамчатая пряжка округлой формы с подвижным язычком, надетым на рамку. Найден всего 1 экз. в кургане №2 (рис. 9.-2). Такие пряжки имели широкие рамки бытования.

Тип 2. Рамчатые пряжки сегментовидной формы. Они имели подвижный язычок, надетый на рамку. Обнаружены 4 экз. в курганах №6 (рис. 15.-13, 19) и №11 (рис. 47.-5–6). Данные пряжки характерны для XI–XIV вв. н.э. В Лесостепном Алтае аналогичные изделия обнаружены на могильниках XIII–XIV вв. н.э. Сухие Гривы, Ближние Елбаны-VI, АБ (Савинов Д.Г., 1979, рис. 3; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 7.-5; 8.-5; Тишкин А.А., 2002б, рис. 1.-4).

Тип 3. Двухтавровая неподвижнощитковая пряжка с овально-приостренной рамкой и прямоугольным щитком. Она имела подвижный язычок, надетый на перемычку между рамкой и щитком. Зафиксирован всего 1 экз. в кургане №6 (рис. 13.-5). Аналогичные изделия встречаются в памятниках XIII–XIV вв. н.э. Новосибирского Приобья (Адамов А.А., 2000, рис. 79.-7; 99.-3) и в городах золотоордынского Поволжья, где датируются периодом 1330–1370 гг. (Недашковский Л.Ф., 2000, с. 169, рис. 5.-2–3). В Лесостепном Алтае такая пряжка найдена в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ближние Елбаны-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 8.-15).

Серебряные (?) **нашивные бляхи** на одежду зафиксированы в курганах №1 (рис. 4.-2), №9 (рис. 30.-9–11), №11 (фрагмент). Они представляют собой изделия округлой или сложнофигурной формы, сделанные тиснением из листового металла и нашивавшиеся на ткань. Сохранились фрагментарно.

Берестяные **навершия головных уборов** обнаружены на трех объектах: курганы №8 (рис. 27), №9 (рис. 32), №12 (рис. 56). Они сделаны из двух листов и включают две детали: цилиндрическую втулку и раструб, которые имеют многочисленные отверстия от сшивания бересты и прикрепления на каркас облицовочного материала. Похожие изделия происходят из погребений XIII–XIV вв. н.э. на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 48.-6; Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S., 1997, abb. 13.-1–2) и из золотоордынских памятников 2-й половины XIII–XIV вв. н.э. Восточной Европы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 36–37; Крамаровский М.Г., 2000, рис. 3а.-2–3). В Лесостепном Алтае еще одно навершие, абсолютно аналогичное нашим, найдено в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Ближние Елбаны-VI (Грязнов М.П., 1950, табл. VIII.-20; 1951, рис. 30.-232; 1956, с. 147). Данные предметы могут быть отождествлены с монгольским головным убором типа «бокка», известным по описаниям китайских и европейских дипломатов, посещавших Монголию в 30–50-е гг. XIII в. н.э., а также по наскальному рисунку XIII–XIV вв. н.э. в местности Их-Тэнгэрийн-ам, около Улан-Батора (Окладников А.П., 1962, с. 70–72, рис. 19.-1), и по изображению на миниатюре 1330 г. из собрания Музея Топкопы-Сарай в Стамбуле (Крамаровский М.Г., 2000, рис. 3а.-1).

Берестяные **нашивки** на одежду (?) происходят из курганов №1 (2 экз.), №9 (11 экз.), №10 (8 экз.), №11 (4 экз.), №12 (10 экз.), №14 (5 экз.). Они представляют собой одинарные листы выделанной (возможно, вываренной) бересты различной формы и размеров. Изделия имеют отверстия от пришивания. Возможно,

они использовались для погребальной одежды или савана. Интересное замечание по этому поводу было высказано М.П. Грязновым (1956, с. 147), который предположил, что такие берестяные нашивки могли являться основой шитых бисером украшений. Некоторые похожие изделия, по мнению К.Ш. Табалдиева (1996, рис. 45.-9—10), использовались для декоративного оформления головного убора. По размерам и форме в нашей серии выделяются несколько типов нашивок.

Тип 1. Крупные нашивки округлой формы. Обнаружено 4 экз. в курганах №1 (рис. 6) и №9 (рис. 30.-1—2). Аналогичные изделия зафиксированы в могиле XIII—XIV вв. н.э. на Ближних Елбанах-VI (Грязнов М.П., 1950, табл. VIII.-17; 1951, рис. 30.-233; 1956, с. 147).

Тип 2. Крупные нашивки прямоугольной формы. Найдено 2 экз. в курганах №10 (рис. 42) и №11 (рис. 50).

Тип 3. Нашивки шестиугольной формы. Имеется серия из 6 экз., найденных в курганах №9 (рис. 34.-3), №10 (рис. 43.-3), №12 (рис. 57.-4; 58.-1—2) и №14 (рис. 65.-1).

Тип 4. Нашивки эполетообразной формы. Обнаружено 4 экз. в курганах №9 (рис. 34.-1—2) и №10 (рис. 44.-1, 4).

Тип 5. Узкие нашивки трапециевидной формы в количестве 9 экз. происходят из курганов №9 (рис. 33.-1—2), №12 (рис. 57.-3, 5—7) и №14 (рис. 65.-2—5).

Тип 6. Узкие нашивки изогнуто-трапециевидной формы. Найдено всего 4 экз. в курганах №9 (рис. 33.-3—4) и №10 (рис. 43.-1—2).

Тип 7. Средние и мелкие нашивки фигурноскобчатой формы. В наличии 3 экз. из курганов №9 (рис. 33.-5—6) и №11 (рис. 49.-1).

Тип 8. Мелкая нашивка сегментовидной формы из кургана №12 (рис. 57.-1).

Тип 9. Мелкие нашивки ромбовидной формы. Зафиксировано всего 2 экз. в кургане №12 (рис. 57.-2). Аналогичные нашив-

ки происходят из могилы XIII–XIV вв. н.э. на Ближних Елбанах-VI (Грязнов М.П., 1951, рис. 30.-230; 1956, с. 147).

Имеются также фрагменты аналогичных изделий, форма которых неопределима (рис. 49.-2–3). Мелкие круглые нашивки из бересты найдены в погребении XIII–XIV вв. н.э. на могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXVI.-5–6).

Органические остатки костюма из кожи, ткани и войлока обнаружены на шести объектах — это курганы №6, 7, 8, 9, 10, 14. Среди них можно выделить остатки кожаных ремней от пояса (рис. 14.-1–4), плетеных и обычных ремешков (рис. 14.-5–7; 38.-13), фрагменты кожи с орнаментом (рис. 14.-8–9) и тиснением (рис. 21.-5; 38.-11–12), кожаные куски с войлочным подкладом (рис. 14.-10). Найдено довольно много обрывков тканей, среди которых выделяется фрагмент шелка с вышивкой (рис. 38.-14). Все эти органические остатки требуют в дальнейшем специального изучения. Предварительные заключения выполнены Т.Н. Глушковой (2001, с. 72). По ее данным, среди образцов с памятника Телеутский Взвоз-I имеются текстильные изделия нескольких видов: шелковые ткани простого полотняного переплетения, чесуча, ткань полотняного переплетения с контрастным дополнительным утком, с помощью которого по лицевой стороне выткан узор, подобный тому, что зафиксирован на фрагменте, найденном на памятнике грязновского этапа сrostкинской культуры Яровское-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1998в). Шелк является безусловно импортным материалом для Алтая, и такие ткани отражают китайскую традицию изготовления (Глушкова Т.Н., 2001, с. 72).

Украшения

Вещи данного комплекса обнаружены в курганах №1, 2, 8, 9, 11 и представлены серьгами, перстнем и бусами.

Бронзовые **серьги** найдены в объекте №9 (рис. 30.-12–13). Они сделаны из проволоки округлого сечения в форме неравной

восьмерки. Маленькое кольцо восьмерки служило для крепления подвески. Одна такая серьга обнаружена в погребении XIII–XIV вв. н.э. из Томского Приобья (Плетнева Л.М., 1997, рис. 20.-3), другая есть в материалах золотоордынского города Укека (Поволжье) 2-й половины XIII–XIV вв. н.э. (Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 7.-3). В большом количестве аналогичные серьги обнаружены в погребениях Новохарьковского могильника со Среднего Дона, который датируется XIV в. (не ранее 30-х гг.) (Алексеева Т.И., Бужилова А.П., Винников А.Э. и др., 2002, с. 99, рис. 28.-1, 3, 8, 14–15, 22). В Лесостепном Алтае серьги обнаружены в нескольких погребениях XIII–XIV вв. н.э. на памятниках Островное-3, Сухие Гривы, Усть-Алейка-5, Ильинка (Иванов Г.Е., 1999, рис. 1.-2; Тишкин А.А., 2001а, рис. 4.-15–16; Тишкин А.А., 2001б, рис. 1.-2; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-14), но все они другой конструкции.

Бронзовый **перстень** происходит из кургана №9 (рис. 30.-14). Он изготовлен из округлой и затем расплющенной проволоки. Кольцо перстня венчает раструбный щиток, в который вложена каменная вставка. Перстни с вставками подобной конструкции найдены в погребении XIII–XIV вв. н.э. Новосибирского Приобья и в материалах золотордынского города Укека 2-й половины XIII–XIV вв. н.э. (Адамов А.А., 2000, рис. 73.-21; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 7.-9). В Лесостепном Алтае бронзовый цельнолитой перстень известен из погребения монгольского времени Усть-Алейка-5 (Тишкин А.А., 2001б, рис. 1.-4).

Стеклянные и костяные **бусы** обнаружены в курганах №1, 2, 8, 9, 11. Бусы из стекловидной пасты представлены довольно мелкими экземплярами, что приближает их к бисеру. Все они простой формы, за исключением одного рифленого изделия (рис. 4.-3). Преобладают бусы белого и синего цвета, есть зеленые. Всего найдена 351 стеклянная бусина: курган №1 (2 экз., рис. 4.-3–4), №2 (18 экз., рис. 9.-8–19), №9 (331 экз., рис. 31.-1–6). Судить о хронологии

стеклянных бус без проведения специальных анализов представляется преждевременным. Отметим, что в Лесостепном Алтае похожие бусы встречены в погребениях XIII–XIV вв. н.э. на памятниках Ближние Елбаны-VI, Усть-Алейка-5, Ильинка (Грязнов М.П., 1956, табл. LVI.-5; Тишкин А.А., 2001б, рис. 1.-3; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 8.-15–16).

Бусы из рыбьих позвонков в количестве 6 шт. найдены в кургане №8 (рис. 26.-2–7). В их центре имеются отверстия для продевания нити. Подобные ожерелья имеют широкие рамки бытования.

Бусы (?) из обработанной кости в количестве 4 шт. обнаружены в кургане №11 (рис. 47.-9–12). Они представляют собой рассверленные шайбовидные изделия, по периметру которых выточены канавки. Аналогий им не найдено.

Проведенный анализ вещевого комплекса из средневековых курганов памятника Телеутский Взвоз-I и зафиксированные аналогии позволяют определить общую датировку могильника в рамках монгольского времени — XIII–XIV вв. н.э. На этот период указывает бытование наибольшей группы предметов, которые имеются на всех средневековых объектах Телеутского Взвоза-I.

Несколько находок по приводимым аналогиям датируются старше монгольского периода: это сердцевидная бляха-подвеска (тип 3) из кургана №10 (X–XII вв. н.э.), цурка из кургана №12 (IX–XI вв. н.э.). Бляха-подвеска и цурка восходят к сrostкинскому материальному комплексу и могли попасть в погребения как анахронизмы. Однако по своим типологическим особенностям они представляют дальнейшее развитие более ранних типов и просто не составляют в монгольском периоде устойчивых серий, возможно, завершая собой предыдущую линию развития в снаряжении верхового коня. Таким образом, встреча этих вещей не влияет на установление датировки курганного могильника.

Еще одна группа предметов имеет хронологические рамки, позволяющие сузить даты объектов за счет взаимовстречаемости

нижних и верхних временных границ. Для наглядности приведем список датированных вещей по курганам:

Курган №1

1. Шило — XIII—XIV вв. н.э.
2. Зеркало — последняя треть XIII — начало XIV вв. н.э.
3. Берестяные нашивки — XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: последняя треть XIII — начало XIV вв. н.э.

Курган №2

1. Y-образные изделия — XIII—XIV вв. н.э.

Курган №6

1. Уздечные пряжки (тип 2) — XI—XIV вв. н.э.
2. Наконечник ремня (тип 1) — XIII—XIV вв. н.э.
3. Стремена (тип 4а) — 2-я половина XII—XIV вв. н.э.
4. Стремя (тип 2) — XII — 1-я половина XIV вв. н.э.
5. Седельные скобы и гвозди — XIII—XIV вв. н.э.
6. Накладки на луку седла (тип 1) — 2-я половина XIII—XIV вв. н.э.
7. Накладки на луку седла (тип 3) — XIII—XIV вв. н.э.
8. Наконечники стрел (тип 1) — XI—XIV вв. н.э.
9. Поясные пряжки (тип 2) — XI—XIV вв. н.э.
10. Поясная пряжка (тип 3) — XIII — 3-я четверть XIV вв. н.э.

Итоговая дата: 2-я половина XIII — 1-я половина XIV вв. н.э.

Курган №7

1. Уздечные пряжки (тип 3) — 2-я половина XI—XIV вв. н.э.
2. Тренчики — X—XIV вв. н.э.
3. Наконечники ремней (тип 3) — 2-я половина XIII в. н.э.
4. Распределители ремней — XI — начало XIV вв. н.э.
5. Султанчик — XII—XIV вв. н.э.
6. Бляха-накладка (тип 2) — XII—XIV вв. н.э.
7. Бляхи-накладки (тип 3) — XI—XIV вв. н.э.
8. Стремена (типы 3, 4б) — 2-я половина XII—XIV вв. н.э.

9. Накладки на полки седла (тип 1) — XIII—XIV вв. н.э.
Итоговая дата: 2-я половина XIII в. н.э.

Курган №8

1. Шило — XIII—XIV вв. н.э.
2. «Бокка» — XIII—XIV вв. н.э.

Курган №9

1. Накладки на полки седла (тип 5) — XIII—XIV вв. н.э.
2. «Бокка» — XIII—XIV вв. н.э.
3. Берестяные нашивки — XIII—XIV вв. н.э.
4. Серьги — 2-я половина XIII—XIV вв. н.э.
5. Перстень — 2-я половина XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: 2-я половина XIII—XIV вв. н.э.

Курган №10

1. Наконечник ремня (тип 2) — XII — начало XIV вв. н.э.
2. Стремя (тип 4в) — 2-я половина XII—XIV вв. н.э.
3. Накладки на полки седла (типы 1 и 2) — XIII—XIV вв. н.э.
4. Седельные скобы и гвозди — XIII—XIV вв. н.э.
5. Колчан — XIII—XIV вв. н.э.
6. Берестяные нашивки — XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: XIII — начало XIV вв. н.э.

Курган №11

1. Седельный гвоздь — XIII—XIV вв. н.э.
2. Колчан — XIII—XIV вв. н.э.
3. Поясные пряжки (тип 2) — XI—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: XIII—XIV вв. н.э.

Курган №12

1. Наконечники ремней (тип 2) — XII — начало XIV вв. н.э.
2. Бляха-накладка (тип 4) — XI—XIV вв. н.э.
3. Бляха-накладка (тип 5) — XIII—XIV вв. н.э.
4. Наконечник стрелы (тип 2) — XIII—XIV вв. н.э.
5. Свистунка — XIII—XIV вв. н.э.
6. Колчан — XIII—XIV вв. н.э.

7. Втулка — XIII—XIV вв. н.э.

8. «Бокка» — XIII—XIV вв. н.э.

9. Берестяные нашивки — XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: XIII — начало XIV вв. н.э.

Курган №14

1. Наконечники ремней (тип 2) — XII — начало XIV вв. н.э.

2. Стремена (тип 5) — 2-я половина XIII—XV вв. н.э.

3. Накладки на полки седла (тип 1) — XIII—XIV вв. н.э.

4. Седельные гвозди — XIII—XIV вв. н.э.

5. Накладка на луку седла (тип 1) — 2-я половина XIII—XIV вв. н.э.

6. Накладка лука — XIII—XIV вв. н.э.

7. Наконечник стрелы (тип 3) — XIII—XIV вв. н.э.

8. Колчан — XIII—XIV вв. н.э.

9. Берестяные нашивки — XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: 2-я половина XIII — начало XIV вв. н.э.

Разрушенный курган

1. Бляхи-подвески (типы 1, 2) — X — 1-я половина XIV вв. н.э.

2. Стремя (тип 1) — XI — 1-я половина XIII вв. н.э.

3. Седельные скобы — XIII—XIV вв. н.э.

Итоговая дата: 1-я половина XIII в. н.э.

Список показывает, что объектов, которые могут быть датированы только XIII—XIV вв. н.э., всего два — курганы №2 и 11. Остальные имеют более узкие даты, сопоставление которых позволяет более точно определить время функционирования средневекового могильника Телеутский Взвоз-1: не ранее середины XIII в. н.э. и не позднее начала XIV в. н.э. Видимо, основной период приходится на 2-ю половину XIII в. н.э. Учитывая небольшое число курганов на памятнике, даже с предполагаемой разрушенной частью мыса, данный отрезок времени представляется достаточным.

Теперь попробуем определить внутреннюю хронологию средневековых объектов Телеутского Взвоза-I. Самым ранним объектом является разрушенный курган (1-я половина, вероятнее середина, XIII в. н.э.). Его точное место на памятнике нам не известно. Он мог находиться ближе к краю мыса на территории, которая в настоящее время смыта Обью. Самый поздний объект — курган №1 (последняя треть XIII — начало XIV в. н.э.). Он замыкает цепочку средневековых курганов с юга (рис. 1). Следовательно, можно предположить, что сооружение курганов могильника в монгольское время шло от края мыса к его основанию, в направлении с севера на юг. Эту тенденцию подтверждают объекты с обнаруженными там стременами. Типологические особенности последних, рассмотренные выше, показывают следующий порядок в установленном ряду в соответствии с имеющимися объектами: разрушенный курган (стремя типа 1) — курган №6 (стремена типов 2 и 4а) — курган №7 (стремена типа 3, 4б) — курган №10 (стремя типа 4в) — курган №14 (стремена типа 5). Итоговые даты этих курганов, а также других погребальных сооружений, расположенных рядом или между ними, не противоречат общей картине создания средневекового могильника на памятнике Телеутский Взвоз-I.

Глава IV

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I

Прежде чем перейти к анализу зафиксированных элементов погребальной практики населения, оставившего курганный могильник Телеутский Взвоз-I, на наш взгляд, важно отразить необходимые сведения, имеющиеся в письменных источниках об обрядах монголов и некоторых других народов эпохи развитого средневековья. Кроме этого, следует рассмотреть и определенный опыт исследовательской работы, уже проведенной с аналогичным археологическим материалом и представленной в ряде научных монографий и статей.

Публикация свидетельств, главным образом о погребальном обряде и о других моментах жизни кочевников Евразии в монгольское время, зафиксированных выдающимися путешественниками XIII в. Джованни дель Плано Карпини, Гильомом де Рубруком, их последователями и историками, близкими к интересующей нас эпохе, будет небезынтересна для читателей и предоставит возможность для реализации некоторого сравнительного анализа. Несмотря на небольшой объем собранной информации, а также на довольно «размытый», не совсем конкретный и порой противоречивый характер привлекаемых описаний, все же можно уловить кое-какие данные о способах захоронений, а также выявить смысл реализации тех или иных практических действий, связанных с погребально-поминальными обрядами. Тем не менее ограниченность имеющихся письменных сведений не позволяет выделить комплекс основных показателей, необходимых для сравнения или для прямого отождествления с археологическими материалами. Поэтому приводи-

мые характеристики редко привлекаются в подобных исследованиях. Однако накопление новых данных каждый раз заставляет обращаться к текстам, ставшим уже хрестоматийными.

Плано Карпини в своей «Истории монголов» обозначенной теме посвятил специальную главу, назвав ее «О погребальном обряде». Кроме того, определенные свидетельства имеются и в некоторых других разделах указанного труда, рукописный вариант которого датируется серединой XIII в. Суммируя эти данные, можно представить обзор зафиксированной погребальной практики монгольских племен. Однако следует указать, что изложенные Плано Карпини описания в основном касаются погребений знатных лиц, что не дает возможности судить о традициях захоронений рядовых кочевников. Между этими обрядами, как показывает опыт, существуют серьезные отличия. На это указывает и сам автор цитируемой ниже книги. Имеющиеся в рассматриваемом источнике сведения можно сгруппировать в следующем виде (Плано Карпини, 1997, с. 38–39):

1. Знатное лицо хоронят, «где им будет угодно», вместе с его ставкой* тайно в поле (грунтовое захоронение. — *Авт.*), сидящим (? — *Авт.*) в центре. В погребение кладут еду (много мяса, молоко), а также кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом. Мясо еще одного коня съедают, кости его сжигают («за упокой души умершего»). А из шкуры, набитой соломой, делают чучело, которое ставят повыше «на двух или четырех деревьяшках». Все

* Плано Карпини ставкой называет жилище монголов. Следует заметить, что в рассматриваемом тексте существует противоречие, которое, возможно, является проблемой перевода и заключается в следующем. Сначала автор сообщает о захоронении умершего вместе со ставкой, а несколько ниже говорит о том, что «повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают...». В таком контексте следует указать на противоречия или на неточные переводы, связанные с «тайностью» погребения монголов и другими описаниями.

это делается, чтобы умерший мог жить в другом мире, в своей ставке, получать от кобылы молоко, умножать коней, ездить на них и т.д.

2. Иной способ захоронения знатных заключается в следующем. Монголы «...идут тайком в поле», в выбранном месте убирают слой дерна, вырывают большую яму, а сбоку ее делают яму под землей (подбой. — *Авт.*). Мертвого кладут в такую нишу вместе со всеми необходимыми вещами. Затем яму зарывают, а сверху укладывают дерн, чтобы «...впредь нельзя было найти это место».

3. Существует два кладбища. На одном из них хоронят знатных людей («от императора до вельмож»). Их тела доставляют независимо от того, где они умерли. Вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое, **охраняемое** (выделено нами. — *Авт.*), кладбище предназначалось для тех, кто был убит далеко от родины (кенотафы или поминальные комплексы (?). — *Авт.*).

4. У монголов еще существовал ряд обычаев, связанных с погребально-поминальной практикой: сожжение костей за упокой душ умерших людей, посадка дерева, очищение огнем. О последнем обряде есть несколько повествований, в том числе и в русских летописях (Плано Карпини, 1997, с. 37, 39, 382). Данный аспект уже неоднократно рассматривался в научной литературе в связи с изучением религии монголов (Гумилев Л.Н., 1968). Об очищении огнем свидетельствует и Гильом де Рубрук (1997, с. 171): «Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено». Эта традиция касалась не только личных вещей погребенного, но и подарков, если они были предназначены лицу уже умершему (Там же, с. 172). Кроме этого, например, очищали, проводя между огней, людей, прибывших к хану, а также все посылаемое к его двору и др. Выполнением таких функций занимались жрицы («колдуны», «прорицатели»).

О тайне захоронения у монголов сообщают и восточные источники (цит. по: Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 157): «По прибытии на место погребения гроб глубоко зарывался в землю, а потом прогоняли по могильной насыпи насколько тысяч лошадей или уносили лишнюю землю в другое место. Когда всходила трава, все было кончено, могила представляла ровное место, где нельзя было ничего распознать...». Есть аналогичные сведения по поводу смерти Бату. В источниках неоднократно указывается о том, что монголы держали в тайне захоронения своих ханов. Так до сих пор неизвестно, где похоронен Чингисхан. Разные рассказы, например о том, что над его могилой был прогнан огромный табун лошадей, который сровнял место захоронения, по мнению некоторых исследователей, возможно, больше похож на легенду (Плано Карпини, 1997, с. 395).

Гильом де Рубрук (1997, с. 101) указывает, что у монголов «всегда около тех мест, где они погребают своих знатных, имеется гостиница для охраняющих...». Хотя тут же он пишет: «Погребение того, кто умирает, остается неизвестными...». Здесь наблюдается явное противоречие. По всей видимости, Рубрук не присутствовал на похоронах и не знал конкретных особенностей погребальной практики монголов. Это, в частности, отражено в следующей его фразе: «Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища» (Рубрук, 1997, с. 101). Что касается обряда захоронений команов (половцев-кыпчаков. — *Авт.*), то он представлен путешественником в таком виде: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для

питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади». В последнем предложении цитируемого сообщения имеется явное несоответствие, заключенное в том, что описанные виды погребальных сооружений были оставлены немонгольскими племенами и являлись более древними погребально-поминальными объектами. Рубрук в своем труде «Путешествия в восточные страны» зафиксировал наблюдаемые усыпальницы команов и существование у них обычая, когда «все родство их погребается вместе».

Кроме приведенных выше данных, посвященных непосредственно рассматриваемому обряду, в письменных источниках можно найти много косвенных сведений, которые определенным образом помогают раскрыть смысл реализации погребальной практики. Например, Г. де Рубрук (1997) указывает на то, что у монголов постель хозяина дома находится в северной части. Когда он сидит на ней, то оказывается лицом к входу (на юг), а слева от него к востоку находится женская половина, справа — мужская (западная). Эти сведения оказываются важны для понимания планиграфии расположения могил. Как это зафиксировано, например, на памятнике Усть-Бийке-III в Горном Алтае, где обнаружены захоронения монгольского времени (Тишкин А.А., 1998а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999).

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники по интересующему времени практически ничего не сообщают о народах, проживавших в Приобье и на Алтае. В этом плане результаты археологических раскопок могут служить основой для этнокультурных реконструкций. Как показывает опыт исследований, такие данные носят более объективный характер. Что же касается привлекаемых трудов средневековых авторов, то необходимо проведе-

ние их критического анализа при соответствующем сравнении с археологическими материалами (Юрченко А., 2002). В этом плане будет уместно процитировать показательное высказывание Л.Н. Гумилева (1968): «Плано Карпини хотя и не замечен в сознательной лжи, но требует осторожного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка трудно произвести исчерпывающие наблюдения». Между тем не учитывать письменные источники никоим образом нельзя, так как они, во-первых, расширяют источниковую базу, а вторых, представляют возможность отразить многие стороны жизнедеятельности населения Евразии в монгольскую эпоху.

Изложенные выше данные письменных трудов путешественников были привлечены Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966) для характеристики погребальных обычаев кочевников Восточной Европы золотоордынского времени. Однако после анализа имевшихся археологических материалов был сделан вывод о том, что в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт, указанных в письменных источниках. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 153), монголы быстро утратили свой специфический обряд и хоронили по обычаям местных племен. В то же время им отмечено, что процесс влияний был двусторонним, а передвижения и смешения групп племен являлись характерной тенденцией в жизни кочевой степи в золотоордынскую эпоху (Там же, с. 157, 160). С монголами были привнесены некоторые культурные элементы. Однако собственно «...монголов, переселившихся в Восточную Европу и вообще в Дешт-и-Кыпчак, было сравнительно немного, и они не составляли значительной и компактной массы населения» (Там же, с. 157). Эта ситуация подтверждается не только историческими, но и археологическими источниками. Монголы могли оставить отдельные погребения характерного плана. В монографии Г.А. Федорова-Давыдова они обозначены как тип

Д I с такими характеристиками: «Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня. В простой яме».

Все представленные выводы были сформированы благодаря подробному рассмотрению погребальных обычаев кочевников Восточной Европы золотоордынского времени. На наш взгляд, рассмотрение опыта работы Г.А. Федорова-Давыдова (1966) чрезвычайно важно, так как в русле аналогичных изысканий осуществлялись последующие исследования и они не потеряли значения до наших дней. Кроме того, апробированный подход позволил осуществить этнокультурную интерпретацию археологических памятников. В рассматриваемой монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники» сначала отдельно представлены типы курганов по конструкции насыпи, отмечено наличие останков обрядовых действий, тризны и обращено внимание на угли и золу от костров. После этого исследователем была зафиксирована локализация выделенных типов в разных регионах Восточной Европы и осуществлен анализ захоронений человека и коня (или костей коня). За основные классификационные признаки взяты следующие показатели, которые «не зависят от степени сохранности погребения и во всех случаях зафиксированы... ориентировка, земляные ступеньки, заплечики, подбой». Что касается деревянных конструкций и гроба, то, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 123), такие сооружения часто не сохраняются и легко могут быть упущены, поэтому и не являются типологическими признаками. В результате реализации указанного подхода в качестве такого таксономического показателя, как **отдел**, были приняты: 1) ориентировка человека; 2) наличие или отсутствие костей коня. Что касается типов, то они были выделены по форме могильной ямы. Отдельно в монографии указано на типы гробов, в которых хоронили кочевники Восточной Европы в X–XIV вв.: колоды (с прямыми концами и «ладьевидные»); дощатые («сколоченные из досок, без зазоров») и решетчатые

(«две прямоугольные рамы, между которыми вставлены в специальные пазы короткие вертикальные плашки; между ними широкие зазоры») гробы. Отмечены и другие особенности погребальной практики (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 129–133).

Следующая монография, в которой отражен опыт систематизации археологических материалов из раскопок средневековых курганов, написана В.А. Ивановым и В.А. Кригером (1988). Она построена в русле работы Г.А. Федорова-Давыдова, поэтому рассматриваемое исследование можно считать продолжением уже реализованного опыта только уже на объектах, изученных на территории Южного Урала и датирующихся XII–XIV вв. В книге подробно рассматривается не только погребальный инвентарь, но и элементы характерного обряда. В рамках последнего направления исследователями была разработана программа, учитывающая 211 признаков, сгруппированных по фазам, которые отражают последовательность совершения захоронения в обратном порядке:

1. Характеристика надмогильных сооружений, куда входят размеры курганных насыпей, их структура, конструкция, следы тризн и разных ритуалов.

2. Характеристика плана кургана, где учитывается количество погребений в насыпи и последовательность их сооружения.

3. Информация о могильных ямах, наличие и тип перекрытий, характер и содержание заполнения, форма вертикального сечения.

4. Конские захоронения, сопровождавшие умершего человека (состав и местоположение).

5. Обряд погребения человека: ориентировка, позы, положение.

6. Ритуал погребения: наличие и вид гробовища, подстилки, наличие и состав заупокойной пищи и др.

7. Расположение и состав основного погребального инвентаря относительно захороненного человека: принадлежности конского снаряжения, вооружения и т.д.

Реализация такой программы анализа погребального обряда и полученная при этом информация позволили наметить локально-

территориальные группы с определенным набором общих и особенных признаков. В.А. Иванов и В.А. Кригер (1988) представили картину этнической принадлежности курганов «кыпчакского» времени на Южном Урале, отметив, что впервые такая работа была проделана Г.А. Федоровым-Давыдовым (1966). Остановимся на одном интересном выводе исследователей. Ими, в частности, отмечено, что курганы западной группы Южного Урала обнаруживают признаки, характерные и для кочевников кимако-кыпчакского объединения юга Западной Сибири: земляные насыпи с кострищами и остатками тризны; могильные ямы прямоугольные простые, подбóйные или с уступами вдоль длинных стенок, на которые уложено деревянное перекрытие; захоронение умерших с западной или северной ориентировкой, иногда в гробах, колодах; изредка захоронения конских частей туши (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 66). Данное обстоятельство указанные авторы объясняют миграцией населения с востока вследствие монголо-татарского нашествия.

Разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым система анализа погребальных комплексов кочевников, а затем усовершенствованная и развитая в монографии В.А. Иванова и В.А. Кригера, нашла отражение в других исследованиях (см. например: Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001; и др.) и существенным образом повлияла на решение этнокультурных и этнополитических проблем.

Попытку анализа погребального обряда, зафиксированного в памятниках Алтая XI–XIV вв. н.э., в том числе исследованных на территории лесостепной зоны, предпринял С.А. Ефремов (2002). Несмотря на то, что такая статья опубликована совсем недавно, привлеченные материалы отражают уровень изученности обозначенной темы примерно для начала 1990-х гг. (22 кургана и 28 грунтовых погребений на территории Горного и Лесостепного Алтая). Тем не менее, используя классификационный подход, автору удалось систематизировать имеющиеся данные о погребальных объек-

тах предмонгольского и монгольского времени Алтая. На основе выделенных признаков была разработана трехступенчатая схема и представлен анализ разных по уровню показателей. В результате С.А. Ефремов обозначил памятники нескольких групп, внутри которых наметились типы и подтипы погребений. На основе теоретических аспектов анализа погребального обряда, а также с учетом типологии и хронологии основных категорий инвентаря, выделенные группы объектов соотнесены с уже известными этническими обозначениями средневековых племен: тюркские; древнехакасские; местные тюркизированные; кыпчакские; местные, воспринявшие культуру «пришельцев»; близкие к монгольским; местные, скорее всего, татарские (Ефремов С.А., 2002, с. 104, 108). В нашей работе мы не ставим задачу критического рассмотрения указанных результатов. Тем более, что С.А. Ефремов указал на предварительный характер своего исследования, а привлеченный им материал из памятников довольно большой территории (Горной и Лесостепной Алтай) не обладал необходимой репрезентативностью. В то же время проделанная работа отражает первый опыт многоуровневого сравнительного изучения погребального обряда алтайских племен XI–XIV вв. и поэтому его необходимо учесть. Указанная схема при соответствующей доработке применима для дальнейшего эффективного использования особенно при обобщении значительного массива данных. Следует отметить, что в принципе работа С.А. Ефремова выполнена в русле рассмотренных нами исследований Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Иванова и В.А. Кригера. Она отражает следующие ступени анализа: первая определяет вид погребального сооружения и его признаки, вторая характеризует все особенности погребения, третья показывает взаимовстречаемость двух первых. В результате получен набор признаков реализованной погребальной практики населения Горного и Лесостепного Алтая в предмонгольское и монгольское время.

Более традиционные характеристики рассматриваемого явления в рамках монгольского времени отражены в работах В.А. Могиль-

никова (1981, с. 193–195). Исследователь, основываясь на небольшом количестве археологических данных из раскопанных памятников кочевников Сибири, Казахстана и Средней Азии, полагал, что включение в состав Золотой Орды огромных степных пространств и господство там монголов, особо не изменило этнокультурный облик территории, так как эти регионы сохранили свои преимущественно кыпчакские традиции (о «кыпчакизации» огромной территории в предмонгольское время писали, в частности, В.А. Иванов и В.А. Кригер (1988)). Таким образом, рядовые кочевники-монголы, вступая с местными народами в контакт, растворились в их тюркоязычной и кыпчакской среде. Вследствие смешения, а также из-за ограниченного количества археологических данных невозможно отделить памятники собственно кыпчаков XIII–XV вв. от одновременных им памятников монголов, так как материальная культура кочевников была очень похожей, хотя имелись различия в ориентации погребенных (Могильников В.А., 1981, с. 193). В то же время исследователь указывает, что, несмотря на единообразие общих элементов культуры (особенно в вещевом инвентаре), все же погребальный обряд сохраняет «специфические черты у населения отдельных районов, обусловленные принадлежностью его к различным этническим группам... с местным локальным своеобразием...» (Там же, с. 194). В.А. Могильников отметил существование указанной специфики в Горном Алтае, но Лесостепной Алтай в написанных им разделах книги «Степи Евразии в эпоху средневековья» вообще не упоминается. Разнообразие зафиксированных погребальных сооружений исследователь объяснил этнической пестротой населения Саяно-Алтая. Им указано на «отмирание» обряда захоронения вместе с умершим человеком коня или его частей (Там же).

Исследовательская позиция по рассматриваемым проблемам эпохи развитого средневековья Алтая нашла отражение в целом ряде публикаций Д.Г. Савинова (1974, 1979; 1987; 1994; и др.). Имеется несколько показательных рассуждений и зафиксированных

наблюдений этнокультурного характера, на которых необходимо кратко остановиться. По мнению Д.Г. Савинова (1979, с. 69–71), южные районы Западной Сибири являлись областью кыпчакского этногенеза, а XIII–XIV вв. считаются периодом вхождения кыпчаков в состав монгольского государства при продолжении существования их культуры. Основываясь на материалах из 76 раскопанных в Верхнем Приобье средневековых погребениях Осинкинского могильника, исследователь указывает на существование в предмонгольское время (XI–XII вв.) еще не выделенной археологической культуры, отличной от сросткинской (Савинов Д.Г., 1994, с. 156). Что же касается памятников монгольского периода, то отмечается их территориальная разобщенность в рамках лесостепной полосы Южной и Западной Сибири. Начиная с XIII в. на территории Саяно-Алтая появляются новые типы погребений, генетически не связанные с предшествующими, что свидетельствует о появлении нового населения, пришедшего с востока. В Приобье также в целом меняется культурный облик. Начало II тыс. н.э. связано с распадом раннесредневековых культур (Савинов Д.Г., 1987, с. 45). Однако, по мнению Д.Г. Савинова, наличие на памятнике Осинки поздних погребений, но близких с захоронениями предыдущего времени позволяет предполагать то, что на Верхней Оби продолжает существовать группа населения, «обладавшего устойчивой, отличной от сросткинской культурной традицией» (Савинов Д.Г., 1994, с. 157). Важным является и следующее заключение: «Этническая принадлежность позднекочевнических погребений азиатской части степи остается неопределенной. Несоответствие имеющимся в письменных источниках (Джуждани, Плано Карпини) описаниям погребального обряда монголов... не позволяет выделить среди них собственно монгольские погребения. Все остальные этнические определения носят характер немотивированных гипотез» (Савинов Д.Г. 1994, с. 166–167).

Представленный обзор письменных источников и рассмотрение определенного опыта исследовательской интерпретации архео-

логических материалов, полученных при раскопках погребальных комплексов эпохи развитого средневековья, позволяют создать основу для анализа имеющихся в нашем распоряжении данных. Для характеристики погребальной практики населения монгольского времени, оставившего памятник Телеутский Взвоз-I, привлечены сведения по 10 курганам и еще двум ранее исследованным объектам.

Следует еще раз указать на то, что все объекты, находившиеся на высоком мысу левого коренного берега Оби, были ранее разграблены. Тем не менее зафиксированные данные позволяют определить необходимые характеристики для последующего их сравнения с аналогичными параметрами погребальных памятников монгольского времени не только сопредельных, но и отдаленных регионов Евразии.

Планиграфические особенности формирования разнокультурного комплекса на памятнике Телеутский Взвоз-I в общем виде уже рассматривались (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000). Теперь остановимся на конкретных свидетельствах. Курганы монгольского времени располагались почти по центру мыса неровной цепочкой по линии Ю—С. В связи с тем, что Обь интенсивно подмывает эту часть берега, не исключена вероятность разрушения ряда таких объектов до момента проведения исследований. Учет данного обстоятельства важен еще при определении центра и периферии некрополя, а также для выяснения последовательности и причин формирования зафиксированного порядка расположения объектов. Можно отметить ряд следующих наблюдений. Одним из самых крупных по размерам насыпи был курган №6, в котором зафиксированы останки погребенного мужчины 35—40 лет. Рядом с ним, в юго-западном (3) и в северо-восточном (1) направлении, размещались четыре меньших объекта, образуя компактную группу. Остальные курганы находились на разном отдалении к югу и отражали иной процесс дальнейшего оформления могильника. С учетом уже разрушенной части мыса отмеченная группа могла

быть в центре площадки, удобной для реализации захоронений. И, с точки зрения здравой логики, продолжение формирования некрополя должно было осуществляться в основном к югу, так как в северном направлении существовала опасность уничтожения погребений в ходе подмыва берега рекой. Таким образом, можно было бы предполагать, что южные курганы устраивались несколько позднее, чем, например, курган №6. Если исходить из данного заключения, то можно наметить время их сооружения относительно самого крайнего объекта, который предварительно датируется по находке там обломка металлического зеркала последней третью XIII — началом XIV в. Данные выкладки подтверждаются анализом хронологии сооружения курганов (см. главу 3).

Представленные планиграфические наблюдения из-за отсутствия сравнительных данных по другим памятникам трудно анализировать. Можно только указать на определенный порядок в организации пространства на памятнике Кармацкий. Однако изучение этого крупного археологического комплекса только начинается.

Надмогильные сооружения. В свое время Г.А. Федоров-Давыдов (1984, с. 98) в одной из своих статей о кургане XIV в. Нижнего Поволжья обозначил такую исследовательскую задачу: «Наше старое представление о курганах кочевников как о простых насыпях над могилой должно быть пересмотрено». Соглашаясь с таким подходом, попытаемся выявить конструктивные особенности рассматриваемых надмогильных сооружений на памятнике Телеутский Взвоз-I.

Все курганы до раскопок представляли собой расплывшиеся земляные насыпи разных, в плане контура, конфигураций (округлая или овальная) с фиксируемыми западинами и грабительскими выбросами. Вероятнее всего, первоначальная форма наброски была близка к округлой и полусферической, однако вследствие нарушений естественного (оплыв) и антропогенного (ограбление) характера, часть курганов приобрела аморфный или овальный уплощенный

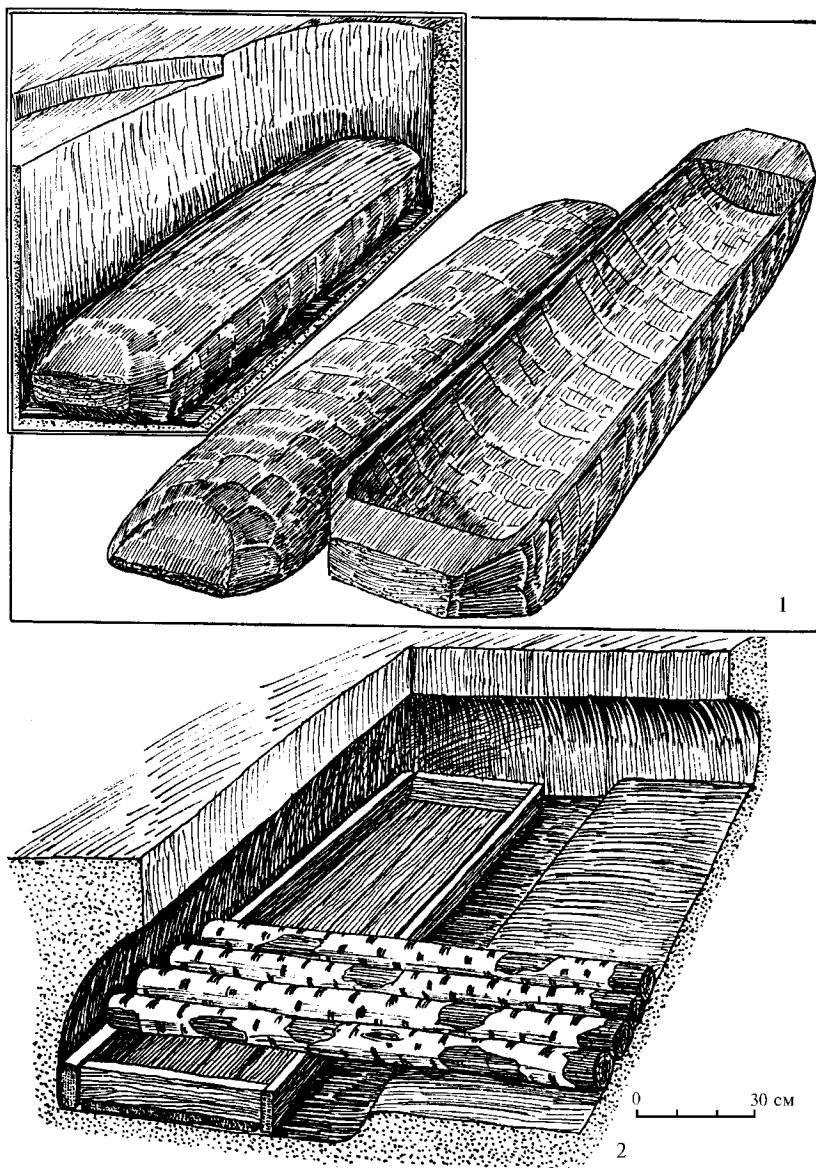

Таблица 5. Реконструкция внутримогильных сооружений из курганов №9 (1) и №10 (2)

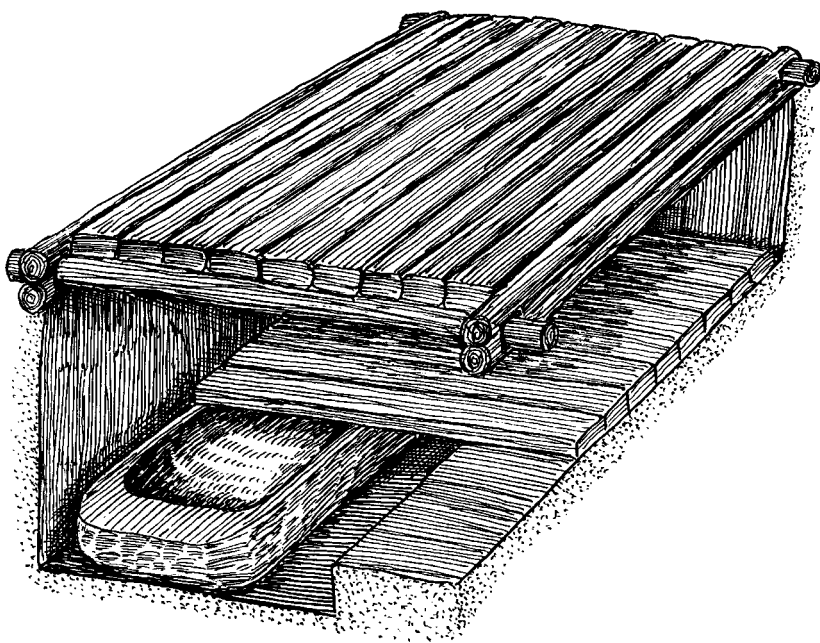

Таблица 6. Реконструкция надмогильного сооружения по материалам курганов №6, 8, 9, 11 и внутримогильного сооружения из кургана №6

вид. О другой возможной реконструкции насыпей говорить не приходится, так как не зафиксировано каких-либо конструктивных особенностей земляной наброски (например, в виде усеченного конуса, башни, жилища и др.). Средние размеры таких, примерно одинаковых, объектов следующие: диаметр в пределах 10–11 м, высота около 0,3 м (при показателях диаметра от 7,5 до 20 м и высоты от 0,2 до 0,57 м). На этом фоне выделяется уже указанный курган №6, рассматриваемые параметры которого почти в два раза больше средних показателей всех обозначенных объектов. Следует указать, что эти приведенные данные не отражают реальные первоначальные размеры и формы. Однако рассмотрение археологически фиксируемых параметров позволяет провести сравнение для определе-

ния общих и особенных признаков, так как все объекты находились в схожих природных условиях и все они были одновременно ограблены.

При снятии земляных набросок на фоне однообразного темного грунта (дерн и гумусированные слои) выделялись прослойки или вкрапления материкового выброса из могильной ямы. Это хорошо фиксируется на представленных в приложении II разрезах курганов №9, 10 (в виде линзы), 11, 12, 14. Такие детали внутреннего устройства насыпей отмечались, как правило, с одной стороны и ближе к центру (в зависимости от того, куда выбрасывалась земля из могилы). Использование материкового грунта, отличного по цвету от гумусированной земли, для оформления какой-либо площадки в ходе исследований не зафиксировано, хотя исключить данный факт не представляется возможным из-за серьезных разрушений в ходе проникновения грабителями в погребальную камеру через центр кургана.

Необходимо отметить, что в целом ряде исследованных курганов замечена одна из особенностей начальной фазы сооружения объекта (см., например, материалы курганов №9, 10, 11, 12, 14). Дело в том, что на выбранной для погребения площадке сначала снимался дерн, который затем, вероятнее всего, использовался для обкладки образовавшейся насыпи после засыпки могильной ямы.

При раскопках курганов в центральной части наброски в ряде объектов фиксировались следы огня (объекты №8, 9, 14). В кургане №9 обнаружена хорошо выделяющаяся прослойка из углей и кальцинированных костей. Что касается обнаружения костей животных в раскопах, то их очень трудно было идентифицировать с объектами монгольского времени, которые расположены на комплексе из разновременных погребений и поминальных сооружений. Тем не менее исследования к.б.н. П.А. Косинцева позволили частично отметить такие остеологические материалы. В его состав в основном входят кости мелкого рогатого скота и лошади. Первый комплекс представлен, главным образом, костями конечностей, туловища и единично головы, причем часть среди последних —

отдельные нижние челюсти. Судя по состоянию зубной системы, все остатки лошади происходят от молодых или полувзрослых особей. Имеющие материалы позволяют считать наличие среди них большой доли сопроводительной пищи для умерших, остатки поминальных тризн и ритуальных действий. Причем проявляется «мясное направление» таких данных, так как в основном зафиксированы молодые особи и «мясные» части скелета домашних животных.

Отмеченные находки в насыпи и под ней, а также фиксация в некоторых объектах безынвентарных ям, можно трактовать по-разному. Они скорее всего связаны с поминальными и ритуальными обычаями, о которых, например, сообщается в письменных источниках.

Особенностью надмогильной части исследованных курганов являются обнаруженные при снятии земляных насыпей остатки деревянных сооружений в шести объектах (№6–11). В других раскопанных захоронениях такие свидетельства четко не зафиксированы вследствие сильных повреждений в ходе грабительских проникновений или их не было изначально, хотя вероятность наличия не стоит исключать. На последнее косвенно указывают найденные в заполнении могил многочисленные куски сгнившей древесины. На основе анализа всех имеющихся данных представляется возможность реконструировать общий вид надмогильного (внутрикурганного) сооружения (табл. 6; рисунок выполнен А.Л. Кунгуровым), а также выделить один тип такой конструкции. Рассматриваемый элемент погребальной практики представлял собой раму из нетолстых бревен, продольные стенки которой состояли из двух венцов, а поперечные — из одного. Рама была оформлена в виде «сруба» с применением такого характерного строительного соединения, когда поперечное бревно помещалось между двумя продольными в специально вырубленные пазы (рис. 11). Внутренняя площадь получившейся конструкции затем заполнялась досками

(рис. 11) или жердями (рис. 24). Данное деревянное сооружение в виде настила находилось в центре кургана. Оно устанавливалось над могилой на уровень поверхности площадки, подготовленной для реализации погребения, а затем засыпалось земляной насыпью. Ориентация надмогильного сооружения повторяла направление длинной оси могилы в каждом из зафиксированных случаях. Размеры описанной конструкции довольно четко установлены в кургане №8: длина — 4,0 м, ширина — 2,5 м. В других объектах мы располагаем лишь частичными данными о параметрах. Зафиксированная ситуация весьма специфична для погребальных памятников монгольского времени и ей пока не найдено аналогий на Алтае и сопредельных территориях. Тем не менее устройство простых деревянных надмогильных перекрытий, например из поперечно уложенных жердей или плах, имело место в эпоху развитого средневековья.

Традиция сооружения надмогильной или внутрикурганной конструкции находит аналогии в погребальных памятниках сrostкинской культуры. Однако известные там деревянные ограды, отражающие элементы тюркской погребальной практики, представляют несколько иной тип, отличный от того, что мы наблюдаем в курганах монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз-1. Тем не менее зафиксированные данные могут свидетельствовать об определенной преемственности или развитии такого способа перекрытия могильной ямы. Например, на могильнике БЕ-IX (курган 1), относящемся к сrostкинской культуре, был зафиксирован сруб с плоской крышей, обложенный сверху и с боков дерном. М.П. Грязнов (1956, с. 157) считал, что подобное устройство над могилой отражает элемент жилища, используемого в среде скотоводческо-охотничьих кочевых и полукочевых племен Сибири.

Что касается других погребальных объектов монгольского времени, исследованных на территории Лесостепного Алтая, то аналогичных надмогильных сооружений вообще не отмечено. На это есть свои причины (разрушение, грунтовые захоронения и т.д.).

Поэтому чрезвычайно важно, что подобные конструкции удалось зафиксировать на памятнике Телеутский Взвоз-1. Это дает возможность пристального и внимательного изучения надмогильных сооружений при проведении дальнейших раскопок курганных объектов.

Могила и внутримогильные сооружения. Под каждой из исследованных насыпей находилась только одна могильная яма, оформление которой имеет отличие. Начнем с формы и размеров фиксируемого могильного пятна. В связи с тем, что в некоторых объектах форма контура могилы при зачистке по материк не отражала реальную ситуацию вследствие проникновения в могилу грабителей, то такой элемент описывался, основываясь на вид нарушенных участков. В результате выявилось две таких формы: овальная (курган №7, 8, 9, 10, 11) и подпрямоугольная (курганы №1, 2, 6, 12, 14, 48, 49). Средняя длина могилы около 2,54 м (от 2,1 до 3,0 м), а ширина — примерно 1,3 м (от 0,77 до 1,9 м). Глубина могилы фиксировалась для надежности привлекаемого параметра от уровня материка. В результате средний и часть основных показателей составили около 0,75 м при разбросе остальных данных от 0,4 до 0,92 м. В общем могильные ямы можно охарактеризовать как неглубокие. Размеры длины и ширины выкопанных ям, несмотря на грабительские повреждения, в общем между собой схожи и отражены в средних параметрах 2,54x1,3 м. Опять же из общей массы выделяется могила кургана №6, где при глубине 0,9 м зафиксированы наибольшие показатели длины и ширины: 3,0x1,9 м. Ориентация исследованных могил имеет в основном широтное расположение (длинная ось по линии З—В). Зафиксированные отклонения ЮЗ—СВ и ВЮВ—ЗСЗ хорошо демонстрируют сезонные отклонения точек восхода и захода солнца, при учете которых, вероятно, совершались захоронения. Следует указать, что ориентация могильной ямы является устойчивым показателем для установления ориентации погребенных, особенно в том случае, когда захоронение сильно нарушено.

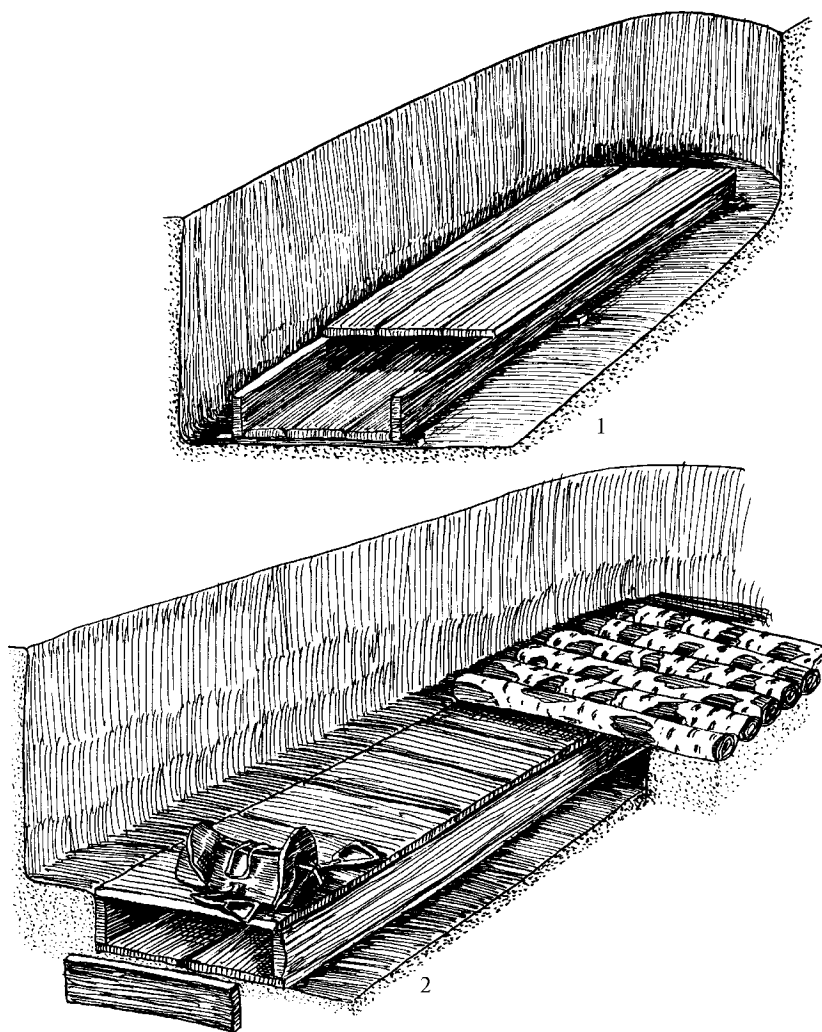

Таблица 7. Реконструкция внутримогильных сооружений
из курганов №7 (1) и №14 (2)

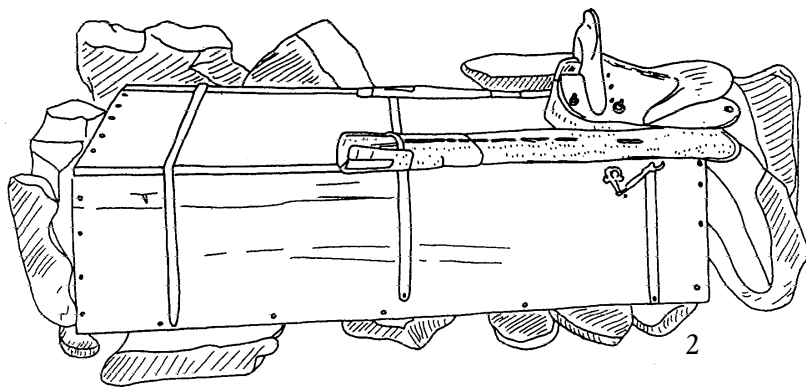
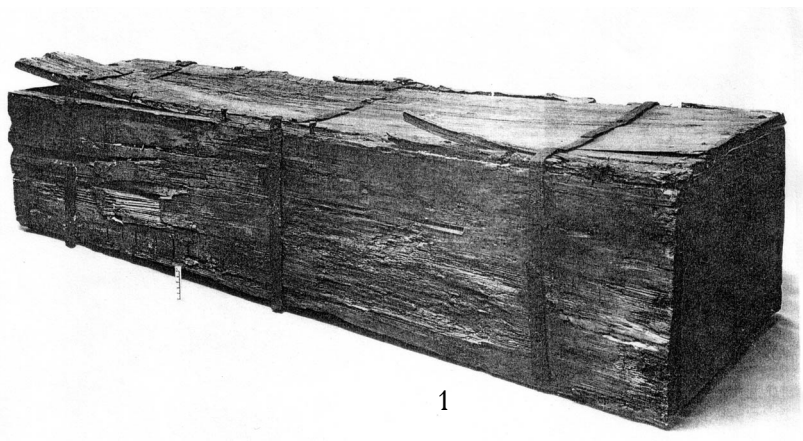

Таблица 8. Деревянный ящик из монгольского погребения на р. Онон (по: Баяр Д., 2000, рис. 2; 22)

При схожих параметрах могильных ям наблюдается вариативность их внутреннего оформления. По конфигурации их поперечного сечения можно выделить такие типы могил:

Тип 1. Простая. Стенки ямы прямые, дно ровное. Такое устройство зафиксировано в объектах №2, 7, 8, 9, 48, 49.

Тип 2. Стенки ямы прямые, а дно оформлено в виде одной ступеньки у северной стороны (курганы №1 и 6).

Тип 3. Стенки ямы почти прямые, а дно образует две ступеньки, одна из которых шире, чем другая (курганы №11, 12, 14).

Тип 4. В одной из стенок (южной) имеется подбой, другая — прямая, а дно оформлено одной ступенькой (курган №10).

В тех могилах (объекты №1, 6, 10, 11, 12, 14), где зафиксированы ступеньки, отмечено и лежащее на них поперечное перекрытие, состоящее из жердей, досок, горбылей и другого деревянного материала (табл. 5.-5; 6; 7.-2). В некоторых случаях эти перекрытия являлись частью погребальной камеры, которые в свою очередь также можно разделить на следующие типы.

Тип 1. Колода. Нижняя часть и крышка сделаны из цельного ствола дерева. Отмечена в следующих объектах: курганы №2, 8, 9. В кургане №9 еще было и продольное перекрытие сверху колоды.

Тип 2. Ложе (нижняя часть колоды без крышки). Зафиксировано в курганах №1 и 6. Внутримогильное перекрытие являлось своеобразной «крышкой».

Тип 3. Ящик из досок без крышки обнаружен в курганах №10, 11, 12 (роль «крышки» также играло внутримогильное перекрытие).

Тип 4. Ящик с крышкой из досок, положенных продольно (вариант **а**) в кургане №7 и поперек (вариант **б**) в кургане №14.

Отмеченные погребальные камеры (колоды, ящики, ложа) устанавливались на бруски, жердочки или доски, уложенные равномерно поперек могилы с учетом длины погребальной конструкции.

Параметры погребальных камер таковы (длина, ширина, зафиксированная высота нижней части): курган №1 — 2,23х0,6х0,25 м; курган №2 — 2,4х0,54х0,44 м; курган № 6 — 2,0х0,78х0,18 м; курган №7 — 2,02х0,58х0,32 м; курган №8 — 2,16х0,7х0,32 м; курган №9 — 2,08х0,54х0,26 м; курган №10 — 1,8х0,64х0,12 м; курган №11 — 1,87х0,52х0,15 м; курган №12 — 2,1х0,56х0,2 м; курган №14 — 2,2х0,54х0,16 м. Средние размеры составили 2,1х0,6х0,22 м.

Еще одной особенностью является наличие подстилок в погребальных камерах. В кургане №1 дно ложа было устелено стеблями камыша, а в объекте №10 найдены остатки войлочной подстилки. В других могилах подстилки не зафиксированы в связи с тем, что они либо не сохранились, либо были уничтожены во время ограбления.

Стоит заметить, что в ящиках из досок хоронили только мужчин, а в колодах из нижней части и крышки — женщин. В ложах погребены женщина (курган №1) и мужчина (курган №6), могилы которых оказались самыми «богатыми». Наличие деревянных ящиков из досок согласуется с зафиксированной погребальной практикой собственно монгольских племен (табл. 8.-1) (Максимова А.Г., 1965; Баяр Д., 2000; Ефимов К.Ю., 2000; и др.). В связи с этим стоит еще раз отметить указанную исследователями закономерность, что могилы собственно монголов за пределами своей этнической родины находят в основном одиночные, а если имеются могильники, то они по числу погребений немногочисленные. По всей видимости, на памятнике Телеутский Взвоз-I захоронены представители монгольских племен, которые могли появиться в Приобье в результате завоевательной операции или во времена оформления монгольской государственности.

В целом указанный набор признаков, характеризующих погребальные сооружения, соответствует ранее зафиксированным при исследовании памятников монгольского времени в других рас-

смотренных нами регионах степного пояса Евразии (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988; Могильников В.А., 1981; и др.). При этом наличие всего комплекса черт погребального обряда выделяет могильник Телеутский Взвоз-1 из окружающих его погребальных объектов эпохи развитого средневековья в Лесостепном Алтае.

Положение, ориентация и инвентарь погребенных. Несмотря на разграбленность курганов, все же удалось получить достаточное количество материалов для характеристики и анализа указанных показателей. Поэтому можно уверенно считать, что все погребенные были уложены вытянуто на спину. Ориентация их варьирует в пределах отклонений точек восхода и захода солнца в разное время года (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985). Имеющиеся показатели выглядят следующим образом. Головой на юго-запад лежали шестеро, на запад-северо-запад — один и на запад — пятеро умерших (разбор этих данных по установлению сезона произведенных захоронений предусматривается отразить в отдельной работе). Таким образом, показатели ориентации довольно стабильны и указывают на западный сектор.

Обнаруженный в могилах предметный комплекс довольно четко отражает половозрастную структуру изучаемого общества. Это особенно ярко проявляется в специфике набора вещей у погребенных мужчин и женщин. Так, для последних наиболее характерны украшения, орудия труда, предметы быта и детали одежды. Ничего другого у них обнаружено не было. В погребениях мужчин зафиксированы: снаряжение верхового коня, вооружение, орудия труда и предметы быта. Следует отметить, что мужчине, умершему в возрасте 50—55 лет, в могилу не положили вооружение, хотя все остальные необходимые атрибуты имелись. По всей видимости, данный субъект в силу своего физического состояния уже не мог выполнять функцию воина. Отмеченные показатели дают возможность для дальнейшего анализа намеченной социальной реконструкции.

Мы уже неоднократно указывали на разграбленность курганов. Именно поэтому невозможно четко указать на расположение погребального инвентаря. Наиболее уверенно можно говорить о том, что седло с уздой лежало «в ногах» погребенных мужчин, причем сверху на ящике или на приступке. Данная ситуация подтверждается исследованием нетронутой части могилы кургана №14 и очень показательного монгольского погребения на р. Онон (табл. 8.-2) (Баяр Д., 2000). Имеется еще ряд свидетельств расположения орудий труда (нож, шило) и предметов быта (зеркало, сумочка, гребень) в районе пояса. Особое место занимали головные уборы (например, в кургане №8 — в ногах).

Следует указать на отсутствие свидетельств погребальной пищи в самой погребальной камере или рядом с ней. Только в кургане №11 в заполнении могильной ямы были найдены кости крупного рогатого скота и овцы (определения П.А. Косинцева: к.р.с. — целая левая нижняя челюсть и резцовая часть парной правой челюсти от особи в возрасте около 2,5 лет, а также правое ребро из средней части грудной клетки с отбитой головки; м.р.с. — горизонтальная ветвь левой нижней челюсти взрослой особи и диафиз правой плечевой кости). Однако перечисленный остеологический материал найден в переотложенном состоянии и трудно его соотносить с реальным отражением элемента погребальной практики. По всей видимости, остатки заgrabной пищи и тризны находились при исследовании насыпей курганов.

Выявленные особенности погребальной практики свидетельствуют о наличии как минимум двух составляющих ее компонентов: пришлый центральноазиатский (мужской) и, вероятно, местный сросткинский тюрко-самодийский (женский). Этот вывод основан с привлечением полученных результатов антрополога Д.В. Позднякова (см. приложение I), изучившего остеологический материал памятника Телеутский Взвоз-I, а также этнополитической ситуацией в монгольский период.

В заключение данной главы приведем все выявленные признаки погребального обряда, основываясь на системе В.А. Иванова и В.А. Кригера (1988) и применимой для дальнейшей статистической обработки. Кроме этого, обобщенные показатели сведены и представлены в таблице.

1. Характеристика надмогильных сооружений:

1. Форма (округлая или овальная), структура (земляная), размеры (диаметр(ы), высота) насыпи, следы огня, кости животных (остатки ритуалов и тризны).
2. Наличие свидетельств деревянной рамы (с настилом).
3. Подготовленная площадка (снятый дерн).

Характеристика могильных ям.

1. Количество могил (одна), форма (овальная, подпрямоугольная) и ориентация могильного пятна, размеры (длина, ширина, глубина) могилы.

2. Формы могильной ямы (простая с прямыми стенками (без ступеньки); одна ступенька (вдоль северной стенки); две ступеньки с южной и северной стороны (уступы вдоль длинных стенок); с подбоем и ступенькой).

3. Наличие или отсутствие поперечного или продольного перекрытия.

Характеристика обряда погребения:

1. Индивидуальное.
2. Пол (мужчина, женщина) и возраст.
3. Ориентировка (запад, юго-запад, запад-северо-запад).
4. Поза погребенного (вытянуто на спине).

Характеристика ритуала погребений:

1. Вид гробовища (колода, ящик, ложе).
2. Вид подстилки (камышовая, войлок, не отмечена).
3. Наличие или отсутствие в могиле загробной пищи.

Характеристика инвентаря:

1. Вооружение.
2. Снаряжение верхового коня.

Признаки погребального обряда

ПРИЗНАКИ	Характеристика надмогильных сооружений						Характеристика могильных ям		
	Форма, структура	Размеры (диаметры, высота), м	Следы огня	Кости животных	Ост. рамы (с настлом)	Сте-дерна (площадка)	Количество, форма, размеры (длина, ширина, глубина, м), ориентация	Наличие перекрытия	Особенности могилы
№ к.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Округ., земл.	Ок. 8; 0,2-0,24	-	+	-	-	Одна, подпрямоуг. 2,6x1,1x0,4; ЮВ-ЗСЗ	-	Одна ступенька
2	Округ., земл.	9-9,5; 0,25	-	+	-	-	Одна, подпрямоуг. 2,73x1,2x0,75; ЮЗ-СВ	-	Простая, прямоуг.
8	Округ., земл.	9,5-10; 0,22-0,27	+	?	+	-	Одна, подовальная 2,7x1,35x0,8; ЮЗ-СВ	-	Простая, прямоуг.
9	Округ., земл.	9,5; 0,3	+	+	+	+	Одна, овальная, 2,58x1,27x0,78; 3-В	+ пр.	Простая, прямоуг.
7	Овал., земл.	10,5x12; 0,12-0,37	-	?	+	-	Одна, овальная, 2,45x1,2x0,75; ЮВ-ЗСЗ	-	Простая, прямоуг.
6	Овал., земл.	18-20; 0,26-0,57	-	+	+	-	Одна, подпрямоуг. 3,0x1,9x0,9; 3-В	+	Одна ступенька
10	Овал., земл.	12x14; 0,38	-	+	+	+	Одна, овальная 2,1x1,4x0,92; ЮЗ-СВ	+	Подбой, одна ступ.
11	Округ., земл.	11,9; 0,25	-	+	+	+	Одна, овальная 2,47x1,61x0,82; ЮЗ-СВ	+	Две ступеньки
12	Овал., земл.	7,75x10,36; 0,28	+	+	-	+	Одна, подпрямоуг. 2,62x1,1x0,84; 3-В	+	Две ступеньки
14	Округ., земл.	9,25x10,8; 0,5	+	+	-	+	Одна, подпрямоуг. 2,96x1,5x0,89; ЮЗ-СВ	+	Две ступеньки
48	Округ., земл.	7,5; 0,2	-	?	-	-	Одна, подпрямоуг. 2,1x1,0x0,4; 3-В	?	Простая, прямоуг.
49	Округ., земл.	7,5; 0,25	-	?	-	-	Одна, подпрямоуг. 2,2x1,0x0,4; ЮЗ-СВ	?	Простая, прямоуг.

№ к.	Характеристика обряда погребения			Характеристика ритуала погребения			Характеристика инвентаря					
	Тип	Пол, возраст	Ориентация	Поза	Вид гробовища, размеры (длина, ширина, высота)	Подстилка	Загробная пища	Вооружение	Снаряжение	Предметы быта и одежды	Орудия труда	Украшения
1	Инд.	Женщ. (взросл.)	ЗСЗ	Вытянуто на спине	Ложь 2,23x0,6x0,25	Стебли камыша	-	-	-	+	+	+
2	Инд.	Женщ. 55-60 лет	ЮЗ	Вытянуто на спине	Колода 2,4x0,54x0,25	Не отмечена	-	-	-	+	+	+
8	Инд.	Женщ. 18-20 лет	ЮЗ	Вытянуто на спине	Колода 2,16x0,7x0,2	Не отмечена	-	-	-	+	+	+
9	Инд.	Женщ. 30-35 лет	З	Вытянуто на спине	Колода 2,08x0,5-0,54x0,26	Не отмечена	-	-	-	+	-	+
7	Инд.	Мужч. 50-55 лет	З	Вытянуто на спине	Ящик 2,02x0,58x0,16	Не отмечена	-	-	+	+	+	-
6	Инд.	Мужч. 35-40 лет	З	Вытянуто на спине	Ящик 2,0x0,78x0,18	Не отмечена	+	+	+	+	+	-
10	Инд.	Мужч. 25-30 лет	ЮЗ	Вытянуто на спине	Ящик 1,8x0,64x0,12	Войлок	-	+	+	+	-	-
11	Инд.	Мужч. 45-50 лет	ЮЗ	Вытянуто на спине	Ящик 1,87x0,52x0,15	Не отмечена	+	+	+	+	+	-
12	Инд.	Мужч. 30-35 лет	З	Вытянуто на спине	Ящик 2,1x0,56x0,2	Не отмечена	-	+	+	+	+	-
14	Инд.	Мужч. 30-35 лет	ЮЗ	Вытянуто на спине	Ящик 2,2x0,54x0,16	Не отмечена	-	+	+	+	+	-
48	Инд.	?	З	Вытянуто на спине	?	Не отмечена	-	-	-	-	-	-
49	Инд.	?	ЮЗ	Вытянуто на спине	?	Не отмечена	-	-	-	-	-	-

3. Предметы быта и детали одежды.

4. Орудия труда.

5. Украшения.

Имеющееся количество данных не дает возможность провести эффективный статистический анализ, но позволяет использовать эти материалы для дальнейшей обобщающей работы.

Глава V

МЕСТО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В настоящее время на территории Лесостепного Алтая выявлено 15 объектов монгольского времени, на которых исследовано более 60 погребений. Из них самым большим памятником по числу раскопанных захоронений является могильник Осинки — больше 20 могил. Следующие идут в таком порядке: Телеутский Взвоз-I — 12; Усть-Алейка-Клуб — 5; Ближние Елбаны-VI — 4; Ближние Елбаны-XIV, Ильинка, Сухие Гривы — по 3 могилы; АБ, Рубцовский — по две; Ближние Елбаны-II, Кармацкий, Усть-Алейка-5, Раздумье-I, Островное-3, Крестьянское-3 — по одной. С вводом в научный оборот материалов Телеутского Взвоза-I число опубликованных погребений достигнет сорока. Эта небольшая, но уже представительная группа синхронных (в рамках монгольского периода) объектов позволяет провести сравнительный анализ памятников между собой и определить степень их культурной близости.

Памятники монгольского времени, обнаруженные в Лесостепном Алтае, локализуются в различных физико-ландшафтных зонах. На левобережье Оби — это Приобское плато, где находятся могильники Телеутский Взвоз-I, Ильинка, Раздумье-I, Островное-3, Крестьянское-3, Усть-Алейка-Клуб, Усть-Алейка-5 и Предалтайская равнина, где обнаружен могильник Рубцовский. На правобережье Оби — это Бийско-Барнаульская впадина и Обь-Чумышское плато, где находятся могильники Ближние Елбаны-II, VI, XIV, Осинки, Сухие Гривы, АБ и Кармацкий. Все эти указанные памятники устраивались вблизи

водоемов (реки, старицы, озера). Часть из них расположена на коренном берегу Оби или на террасах — (Телеутский Взвоз-1, Раздумье-1, Усть-Алейка-Клуб, Усть-Алейка-5, Рубцовский, АБ, Кармацкий), а другая часть в пойме на останцах (дюны, елбаны, гривы) — Ильинка, Островное-3, Крестьянское-3, Ближние Елбаны-II, VI, XIV, Осинки, Сухие Гривы.

По характеру сооружения могильники монгольского времени Лесостепного Алтая делятся на курганные (Телеутский Взвоз-1, Кармацкий, Усть-Алейка-5, АБ) и грунтовые (Ближние Елбаны-II, VI, XIV, Осинки, Сухие Гривы, Ильинка, Островное-3, Крестьянское-3, Усть-Алейка-Клуб, Раздумье-1, Рубцовский). Не исключено, что часть памятников грунтовой группы являлась курганными могильниками, насыпи которых со временем полностью сnivelировались. Особенно это вероятно для памятников, расположенных на береговых террасах.

Как уже было сказано, для сравнения планиграфии могильников данных пока мало. На Телеутском Взвозе-1 курганы располагались неровной цепочкой, вытянутой по линии Ю—С. На Кармацком земляные насыпи разных конфигураций (округлые, овальные, вытянутые, аморфные) образуют несколько неровных цепочек, вытянутых в общем направлении ЮЗ—СВ. В обоих могильниках есть «большие» курганы, выделяющиеся своими размерами среди остальных. На Телеутском Взвозе-1 — это объект №6, а на Кармацком — №9. На некоторых грунтовых могильниках зафиксировано рядное расположение могил по линии ЮВ—СЗ (Усть-Алейка-Клуб).

Важным общим моментом погребальной обрядности для памятников монгольского времени Лесостепного Алтая является положение умерших и их ориентация. Во всех могилах (нетронутых и нарушенных, там где это удастся проследить) погребенные располагались вытянуто на спине (изредка с немного согнутыми в коленях ногами), головой в западном направлении, с небольшими

отклонениями к северу или югу. Данные показатели абсолютно противоположны ориентировкам умерших в памятниках сrostкин-ской археологической культуры, предшествующей по времени относительно рассматриваемого периода. Для погребенных в сrostкинских объектах характерно такое положение: головой в восточном направлении, с отклонениями к северу или югу. Данное различие на территории Лесостепного Алтая можно признать хронологическим и диагностирующим показателем, маркирующим смену культурных традиций в начале XIII в. н.э.

В памятниках монгольского времени Лесостепного Алтая значительно преобладают захоронения по обряду одиночной ингумации — 59 могил. Редко встречаются парные погребения: взрослый и ребенок (Сухие Гривы, Осинки), два ребенка (Осинки). Также мало объектов, в которых был реализован обряд труположения человека в сопровождении «шкур коня» (Сухие Гривы, Рубцовский (?)) или собаки (Осинки). Все эти способы захоронений известны в сrostкинское время, но как уже отмечалось, с противоположной ориентацией погребенного. Следует указать на одно важное отличие между двумя сравниваемыми культурными традициями. В памятниках культуры монгольского времени на территории Лесостепного Алтая пока не найдено ни одного погребения человека по обряду ингумации в сопровождении целой туши лошади, которые составляли «элиту» на сrostкинских некрополях (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с.178).

Сравнивая погребальный обряд курганного могильника Телеутский Взвоз-I с другими синхронными памятниками, можно отметить, помимо способа захоронения, положения и ориентации умерших, целый ряд общих и особенных деталей:

1. Надмогильное перекрытие из рамы с продольным настилом, зафиксированное в ряде курганов (табл. 6; 8). Точных аналогов в других памятниках не имеет, но в двух случаях фиксируется наличие надмогильных перекрытий из продольных жердей (Кармац-

кий) и продольных жердей, застланных берестой (Раздумье-I). В предшествующее время надмогильные перекрытия (без рам) характерны для большинства сросткинских погребений (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177). В то же время отмечается наличие деревянных оград в земляных насыпях. В памятниках развитого средневековья других регионов зафиксированы поперечные перекрытия из досок или жердей, например в Горном Алтае на памятнике Усть-Бийке-III (раскопки А.А. Тишкина).

2. Внутримогильное перекрытие из поперечных бревен, жердей или досок — курганы №1, 6, 10, 11, 12, 14 (табл. 5.-2; 6; 7.-2) и продольных горбылей — курган №9. Характерно для большинства других памятников (Осинки, Ближние Елбаны-VI, XIV, Сухие Гривы, Усть-Алейка-Клуб, Кармацкий, Рубцовский, Усть-Алейка-5) и редко встречается в предшествующее время.

3. Колода с крышкой (курганы №2, 8, 9 (табл.5.-1)) и колода без крышки (ложе) (курганы №1 и №6 (табл.6)) редко встречаются на других памятниках (Осинки). Также редко применялись они в предшествующее время (Алехин Ю.П., 1998, с. 202; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, с. 285). Данный вид погребальной камеры зафиксирован в Горном Алтае в могиле №17 монгольского времени на памятнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965).

4. Ящик с крышкой из продольных или поперечных досок — курганы №7, 14 (табл. 7) и ящик без крышки — курганы №10, 11, 12 (табл. 5.-2). Редко встречаются в других памятниках (Осинки). Ящики без крышек достаточно часто использовались в «элитных» погребениях сросткинской культуры, но всегда с надмогильными перекрытиями (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000, с. 407, 409; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, с. 286). Традиция погребения умерших в ящике с крышкой (собственно ящик) для эпохи развитого средневековья отмечается у монгольской знати и известна по могильникам XIII — начала XIV вв. н.э. с р. Онон, Казахстана и Среднего Дона (Баяр Д., 2000, рис. 2; Максимова А.Г., 1965,

с. 87; Ефимов К.Ю., 2000, рис. 1). Именно эти погребения можно считать собственно монгольскими.

5. Поперечные жерди (доски) — подставки под колодой — №1, 2, 8, 9 (табл. 5.-1) или ящиком — №7, 11, 12 (табл. 7.-1) имеют аналоги в некоторых памятниках, где применялись как подставки под раму в берестяном конверте (Раздумье-1) и просто под скелеты людей (Осинки).

На Телеутском Взвозе-1 нет таких элементов погребальных конструкций как внутримогильные рамы, берестяные подстилки, покрытия и конверты, которые часто встречаются в погребениях других памятников. Использование этих элементов погребального обряда на территории Лесостепного Алтая фиксируется с эпохи раннего средневековья и характерно для погребений одинцовской (2-я половина IV — 1-я половина VIII вв. н.э.) и сrostкинской культур (вторая половина VIII—XII вв. н.э.) и связано прежде всего с их самодийским компонентом (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177).

Изучение антропологических материалов Телеутского Взвоза-1 позволило Д.В. Позднякову выявить различия в мужской и женской сериях (см. приложение I). На их основе можно говорить о двух этнически различных компонентах оставивших могильник. Один из них представлен местным тюрко-самодийским населением — женщины, проживавшие на территории Лесостепного Алтая в предшествующее время. Другой — мужчины, является пришлым монгольским населением, мигрировавшим в Лесостепной Алтай из Центральной Азии. Определенные отличия этих групп выявляются и в устройстве могил. Так, захоронения всех женщин на Телеутском Взвозе-1 совершены в колодах (курганы №1, 2, 8, 9), а мужчин — в ящиках (курганы №7, 10, 11, 12, 14), за исключением одного (курган №6), который выделяется еще по целому ряду показателей.

Основываясь на отличительных чертах погребальной обрядности, Телеутского Взвоза-1 от других памятников монгольского

времени, можно предполагать, что большинство из них также оставлено местным самодийским населением, для которого характерен обряд одиночной ингумации. Это население ранее составляло один из основных компонентов сrostкинской культуры, а затем в ходе монгольских завоеваний было включено в состав новой культурной общности, сохранив в ней численное большинство. Еще один компонент в культуре монгольского времени Лесостепного Алтая, выделяется по обряду ингумации со шкурой коня и может быть отождествлен с кыпчаками. Он также известен в предыдущее время и сохраняется в новом образовании.

Инвентарь Телеутского Взвоза-I, по своим отдельным видам, находит соответствия во всех синхронных памятниках Лесостепного Алтая и составляет с ними единый материальный комплекс. Между тем его сравнительный анализ с инвентарем других памятников позволяет выявить степень подобного соответствия. Наиболее сильные связи вещевого комплекса Телеутского Взвоза-I (учитывались только прямые аналогии) наблюдаются с памятниками Ближние Елбаны-VI (15 типов изделий) и Ильинка (13 типов изделий). Связи средней степени — с памятниками Сухие Гривы (7 типов изделий), Усть-Алейка-Клуб (5 типов изделий), АБ (4 типа изделий). Слабые связи — с памятниками Островное-3, Ближние Елбаны-XIV — по 2 типа изделий, Усть-Алейка-5, Раздумье-I, Рубцовский — по 1 типу изделий. Не прослеживаются связи с памятниками Ближние Елбаны-II, Крестьянское-3, Кармацкий. Не могут быть в полной мере использованы данные по могильнику Осинки, из материалов которого опубликованы только накладки лука. Наблюдаются определенные внутренние связи между памятниками Ближние Елбаны-VI, Ильинка, Осинки, Крестьянское-3. Все они располагаются на местах поздних (2-я половина XI—XII вв. н.э.) сrostкинских могильников, не перекрывая последних, и не содержат предметов, ограничивающих их нижнюю дату серединой XIII в. н.э. Остальные памятники отличает самостоя-

тельность кладбищ. На части из них найдены предметы с нижней границей во 2-й половине XIII в. н.э. (Телеутский Взвоз-1, Островное-3), что позволяет рассматривать их как относительно более поздние.

Периодизация памятников монгольского времени до сих пор остается неразработанной. Рассматривая археологические памятники кочевников Восточной Европы, Г.А. Федоров-Давыдов (1966) предложил своеобразную периодизацию, основываясь на анализе типов погребений и территорий их распространения: первый период датируется X—XI вв. и связан с господством печегенов и торков («печенежско-торчская эпоха»); второй период определяется XII в. и характеризуется преимуществом кыпчаков (половцы — по русским, команы — по западным, кыпчаки — по восточным арабо-персидским источникам) (Там же, с. 143) (половецкая эпоха. — *Авт.*). Третий период датируется концом XII — началом XIII вв. и обозначен как предмонгольский (он отражает сложные процессы локализации половецких традиций и трансформации погребальной обрядовости); четвертый период демонстрирует существенные изменения в топографии типов погребений, он назван золотоордынским, связан с монгольским господством, характеризуется перемещением и смещением больших групп населения, а также целым рядом специфических черт, датируется XIII—XIV вв. Эта периодизация является отражением анализа археологических и письменных источников в довольно большом районе Евразии. Опыт подобного исследования может быть реализован в других регионах при наличии соответствующих материалов.

В монографии В.А. Иванова и В.А. Кригера (1988) для территории Южного Урала были выделены три последовательные хронологические группы курганов кыпчакского круга, которые соответствуют следующим периодам: 1 — домонгольский (XII — 1-я половина XIII вв.); 2 — золотоордынский языческий (конец XIII — первая треть XIV вв. или по монетам: 90-е гг. XIII в. — 30-е гг.

XIV в.); 3 — золотоордынский мусульманский (середина XIV — начало XV вв.). Существуют и другие точки зрения на проблемы локальной периодизации отдельных территорий.

В то же время необходим и общий подход для монгольской эпохи. Определенная периодизация развития культуры Золотой Орды дана М.Г. Крамаровским (2000, с. 145), но она мало применима к восточной части этого монгольского государства. Представленный анализ материалов могильника Телеутский Взвоз-I в сравнении с другими однокультурными памятниками дает возможность наметить такую периодизацию. Предварительно в развитии культуры монгольского времени на территории Лесостепного Алтая можно выделить три последовательных этапа:

1 этап — джучидский, 1-я половина XIII в. н.э. (1207—1243 гг.). К нему могут быть отнесены могильники Ближние Елбаны-VI, Ильинка, Осинки, Крестьянское-3. Начало этого этапа соотносится с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением Улуса Джучи в 1209 г., а окончание — с образованием в составе Монгольской империи государства Золотая Орда в 1243 г. Территория Лесостепного Алтая вошла в состав Улуса Джучи сразу после его выделения и осталась за ним после раздела 1227 г., когда земли Южной Сибири отошли к Улусу Великого Хана. Вероятно, присоединение Лесостепного Алтая, в отличие от Саяно-Алтайского нагорья, проходило относительно мирным путем. Об этом говорят сохранение значительной части местного населения и многие черты преемственности со сротскинской культурой. Нет на этом этапе и собственно монгольских погребений. Однако происходят значительные изменения в мировоззрении (смена ориентации при захоронении, новые элементы погребальной обрядности) и полное восприятие материальной культуры основанной на монгольских традициях.

2 этап — раннезолотоордынский, 2-я половина XIII — начало XIV вв. н.э. (1243—1312 гг.). К нему относятся могиль-

ники Телеутский Взвоз-1, Сухие Гривы, АБ, Усть-Алейка-Клуб, Островное-3, Кармацкий. Данный этап соотносится с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243—1256 гг.) до Токты (1291—1312 гг.). В это время происходит постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государство на фоне общего размежевания крупных монгольских улусов. Характерная черта второго этапа — преобладание монгольских традиций в материальной культуре, задающих своеобразную моду среди покоренных народов. Лесостепной Алтай становится отдаленной периферией Золотой Орды, пограничной с Улусом Великого Хана (Империей Юань). На данном этапе, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских, появляются собственно монгольские погребальные памятники (Телеутский Взвоз-1), что было, очевидно, связано с необходимостью более прочного закрепления восточных рубежей нового государства. Монголы, пришедшие в Лесостепной Алтай, скорее всего, попали сюда не из Центральной Азии, а из центральных земель Золотой Орды. Они представляли собой небольшой военный отряд (только мужчины), который возглавил объединение местного населения, к тому времени уже полностью ассимилированного монгольской культурной средой.

3 этап — позднезолотоордынский, XIV в. н.э. (1312—1396 гг.). Сюда могут быть отнесены могильники Ближние Елбаны-II, XIV, Усть-Алейка-5, Рубцовский, Раздумье-1. Этот этап соотносится с правлением золотоордынских ханов от Узбека (1312—1341 гг.) до Токтамыша (1380—1396 гг.). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание — с распадом единого государства. Характерные черты третьего этапа — преобладание исламских культурных традиций, усиление диспропорции в развитии центра и периферии. Могильники Лесостепного Алтая этого времени содержат значительно меньше инвента-

ря. По-прежнему можно выделить самодийский и кыпчакский способы погребений. Монгольский компонент в погребальном обряде уже не прослеживается, что, возможно, связано с ассимиляцией монголов местным населением.

Таковы, в общем виде представленные, основные этапы развития культуры монгольского времени на территории Лесостепного Алтая. Предложенная периодизация отражает лишь начальную стадию осмысления имеющихся материалов и в дальнейшем может быть существенным образом подкорректирована. Основной задачей для будущего изучения обозначенной эпохи должно стать получение массового материала, которое позволит более полно осветить историю населения Лесостепного Алтая в развитом средневековье. Наиболее перспективными в этом плане представляются исследования курганного могильника Кармацкий, начатые в 2002 г. Данный памятник содержит более 70 погребальных объектов, сохранившихся длительное время, возможно, на протяжении большей части монгольской эпохи, что делает его базовым источником при ее изучении. Сейчас уже ясно, что в XIII–XIV вв. н.э. на территории Лесостепного Алтая существовала общность с единой материальной культурой из взаимно интегрированных компонентов — монгольского, кыпчакского, тюрко-самодийского, которая входила в состав государства Улус Джучи-Золотая Орда. Нами было предложено ее археологическое наименование, как **кармацкая** культура, рассчитанное на определенную перспективу (Тишкин А.А., 2000, с. 172; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 84–85).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов курганного могильника Телеутский Взвоз-I показал, что средневековые объекты этого памятника в общем датируются серединой XIII — началом XIV вв., а время их основного сооружения можно отнести ко 2-й половине XIII в. Элементы погребального обряда и данные антропологии позволяют выделить два этнических компонента у населения, оставившего могильник Телеутский Взвоз-I. Первый из них трактуется как монгольский — это мужские погребения, преимущественно в деревянных ящиках. Второй определяется как тюрко-самодийский — женские погребения в колодах. Монгольское население в Лесостепном Алтае являлось пришлым и, вероятно, недолго, в силу малочисленности, сохраняло свои этнографические особенности. Самодийское население проживало на территории Лесостепного Алтая с конца I тыс. до н.э. и составляло наиболее многочисленный этнический массив, адаптировавшийся в своей среде иноэтничные вливания на протяжении 1500 лет. Наиболее существенным компонентом в этом субстрате был тюркский, отмеченный у носителей сrostкинской культуры.

Сравнение Телеутского Взвоза-I с другими памятниками монгольского времени показывает единство их материальной культуры, сложившейся в ходе становления имперской государственности. В то же время погребальный обряд Телеутского Взвоза-I демонстрирует его особое положение среди остальных могильников, на которых пока не зафиксировано собственно монгольских погребений.

Типология инвентаря, погребальный обряд и планиграфия могильников монгольского времени с территории Лесостепного Алтая позволили авторам наметить их рабочую периодизацию, выделив в развитии культуры три последовательных этапа: джучидский (1-я половина XIII в.); раннезолотоордынский (2-я половина XIII — начало XIV вв.); позднезолотоордынский (XIV в.).

Все памятники XIII–XIV вв. объединены в кармацкую археологическую культуру (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б).

Подводя итог нашему исследованию, следует указать, что оно не исчерпывает спектр всевозможных проблем эпохи развитого средневековья на Алтае, а, наоборот, требует дальнейшего продолжения и более пристального изучения целого ряда аспектов, касающихся как рассмотрения отдельных категорий находок и признаков погребального обряда, так и реконструкции социальной, хозяйственной и мировоззренческой стороны средневекового общества. В определенной мере этому будут способствовать письменные источники, знания этнополитической истории и возможности многих других наук, в том числе и естественных.

Необходимо увеличение количества археологического материала. Наиболее перспективными в этом плане являются полевые исследования памятника Кармацкий на правом берегу Оби. Этот крупный средневековый курганный могильник может стать опорным объектом для доработки представленной культурно-хронологической концепции. Следует активизировать поисковые мероприятия для обнаружения новых памятников, а также осуществлять проведение дополнительных изысканий на уже известных объектах для получения данных различного уровня: от картографирования и планиграфических наблюдений до мониторинга и возможной музеефикации. Пристальное внимание нужно уделить поиску поселенческих комплексов, которые расширят источниковую базу несколько иного уровня.

Не менее важным, на наш взгляд, является представление истории изучения памятников монгольского времени на Алтае, а также дальнейшее введение в научный оборот материалов уже исследованных объектов.

Выполнению намеченных перспективных направлений могут способствовать не только добрая воля авторов и их коллег, но и понимание имеющихся проблем среди широкого круга современников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 172–175.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Алексеева Т.И., Бужилова А.П., Винников А.З., Волков И.В., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б., Цыбин М.В. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2002. 200 с.

Апполон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. М., 1997. 736 с.

Армарчук Е.А., Мальшев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир; М., 1997. Вып. 3. С. 92–114.

Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. 182 с.

Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1948. 217 с., прил.

Беликова О.Б. Курган 53 Змеинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 116–135.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.

Белобрыкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000. С. 128–149.

Белобрыкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 198 с.

Бобров С.В., Пурдик Л.Н. Рельеф // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 12–16.

Бородаев В. Усть-Алейские находки // Алт. правда. 1982. 18 июня.

Бородаев В.Б. Разведочные работы на северном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1987. С. 45–48.

Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронение первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 124–135.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа: Гилем, 2001. 212 с.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XIV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.

Глушкова Т.Н. Традиции ткачества и шелкового импорта на Алтае в древности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 72–73.

Горбунов В.В. Отчет об аварийных археологических раскопках памятника Телеутский Взвоз-I (Павловский район Алтайского края) в 1998 году. Барнаул, 1999. 33 с., илл. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, б/н).

Горбунов В.В., Исупов С.Ю. Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 135–143.

Горбунов В.В., Клюкин Г.А. Коллекция железных предметов эпохи средневековья с юго-западных районов Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 184–188.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть I: Древний Алтай: Пособие для учителей. Барнаул: Позитив, 1997а. 160 с.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Часть I: Древний Алтай: Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений (10 кл.). Барнаул: Позитив, 1997б. 240 с.: ил.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. Вып. IX. С. 190–194.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998б. С. 262–266.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Результаты раскопок на памятнике Телеутский Взвоз-I // Археологические открытия 1998 года. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 286–288.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 160–165.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск: Изд-во «Советская Сибирь», Общество изучения Сибири, 1930. Вып. 2. 12 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения ГЭ. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.

Грязнов М.П. Краткие сообщения о работах 1946–1947 гг. // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края: По работам Алтайской археологической экспедиции Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ле-

нинградского Государственного Эрмитажа 1946–1949 гг. Барнаул, 1950. 20 с., 8 табл.

Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. М., 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. М.; Л., 1952. Вып. XLVIII. С. 93–102.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. №48. 160 с.

Гумилев Л.Н. Древнемонгольская религия // Доклады ВГО. Л., 1968. Вып. 5.

Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Ритмы Евразии. М., 1993. С. 285–298.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.

Демин М.А. 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Барнаульского государственного педагогического университета А.П. Уманского // А.П. Уманский: Три четверти века. Сборник материалов к 75-летию со дня рождения. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 3–7.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМа. М., 1941. Вып. 6. С. 75–117.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. С. 77–80.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.: ГИМ, МГУ, 1997. С. 286–316.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Оленьколодезь» // Российская археология. 2000. №1. С. 167–182.

Ефремов С.А. Классификация и типология наконечников стрел предмонгольского и монгольского времени Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 87–88.

Ефремов С.А. К палеодемографии Верхнего Приобья в монгольское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 165–166.

Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 159–169.

Ефремов С.А. Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука: Сибирское предприятие РАН, 2002. Т. 5. С. 99–109.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V). СПб.: АО «Эллипс. Лтд», 1994. 224 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 94 с.

Иванов Г.Е. К археологической карте верховьев рек Касмалы и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 24–52.

Иванов Г.Е. Погребение золотоордынского времени с поселения Островное-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. X. С. 148–151.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Изд-во ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 160 с. ил.

Иванов Г.Е. Средневековые наконечники копий из Мамонтовского музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 165–168.

Иванов Г.Е., Исаев Н.Н. Археологические находки из с. Крестьянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 106–109.

История монгалов / Дж. дель Пано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.: ил. (Путешествие и путешественники).

Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 42–53.

Казаков А.А. Методика поиска поселений I тыс. н.э. на Алтае // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 151–153.

Казаков А.А. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 182–188.

Казаков А.А. Отчет об аварийных археологических исследованиях курганного могильника Телеутский Взвоз-I в Алтайском крае летом 1996 года. Барнаул, 1997. 62 с., илл. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, б/н).

Казаков А.А., Ведянин С.Д. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Вып. IV. Ч. I. С. 174–182.

Казаков А.А., Тишкин А.А. Результаты раскопок в Барнаульском Приобье // Археологические открытия 1996 года. М.: Фонд археологии, 1997. С. 327–329. Рис. 41.

Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические исследования на памятнике Телеутский Взвоз-I в 1996 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №6. С. 116–119.

Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. VI. С. 78–83.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Л.: Наука, 1973. Вып. 31–36. 140 с.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Погребение сrostкинской культуры на могильнике Восход-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 198–200.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи ранней бронзы на территории Алтайского края и перспекти-

вы их исследования // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. С. 116–119.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: Катунь, 1992. С. 7–47.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца I тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. Вып. II. С. 137–141.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. С. 224–242.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: Материалы регион. науч.-практ. конф. (24–15 апреля 2000 г.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8–12.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 250–252.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 391–396.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-I // Актуальные вопросы

истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 40–47.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Некоторые планиграфические наблюдения на погребально-поминальных комплексах Верхней Приобья эпохи ранней бронзы // Проблема изучения древней и средневековой истории: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 40–49.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая: Сб. науч. тр. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 110–136.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с. (Orientalia).

Книга Марко Поло // История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: Джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб.: АО Славия, 2000. С. 132–207.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 153–162.

Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Охранные раскопки могильника Межелик // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 150–153.

Кубарев Г.В. Новый серебряный сосуд из Талдуайра // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», ГАГУ, 1995. №1. С. 164–180.

Кубарев Г.В. Средневековое погребение с р. Барбургазы // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 69–71.

Кунгуров А.Л. Отчет о работах Среднекатунской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета летом 1987 г. в с. Усть-Сема Шебалинского района Горно-Алтайской а.о. и в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края. Барнаул, 1988. 23 с., прил. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №107).

Кунгуров А.Л. Реконструкция погребального обряда и предметов материальной культуры грунтового могильника монгольского времени у с. Усть-Алейка // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1991. С. 161–168.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М.: Наука, 1983. Вып. ЕЗ–18. 128 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1975. 155 с., с ил. («Культура народов Востока»).

Лысенкова Э.В., Пурдик Л.Н. Физико-географическое положение и районирование // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 7–12.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Максимова А.Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1965. №5. С. 85–91.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 132–174.

Малолетко А.М. Палеогеография Предалтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 228 с.

Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 7: Археология. Алма-Ата, 1959. С. 248–261.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навешенные // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 92–100.

Мерц В.К., Тишкин А.А. Погребение монгольского времени на берегу р. Шидерты в Казахстане // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. XI. С. 238–242.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 194–200.

Могильников В.А. Ранний железный век лесостепи Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992а. С. 274–283.

Могильников В.А. Исследование Кармацких курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992б. С. 92–94.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992в. С. 254–273.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002. 362 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-20. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1994. С. 127, 152–156.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Погребение позднеюрского воина в Барабе // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 65–101.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 191–202.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 18 с.

Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 100–121.

Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и

Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. С. 141–155, 234–238.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // *Археология, антропология, этнография Сибири*. Барнаул, 1996. С. 163–191.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 176–178.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 224 с.: ил.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Окладников А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Уула // *Монгольский археологический сборник*. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 68–74.

Папин Д.В., Тишкин А.А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз-I // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН*. Декабрь 1998 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 330–332.

Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов // *История монгалов / Дж. дель Плано Карпини*. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с. (МИА №142).

Плетнева С.А. Древности черных клобуков // *САИ*. М.: Наука, 1973. Вып. E1–19. 96 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы». Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 154–268.

Ревякин В.С., Пушкарев К.М., Ревякина Н.В. География Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 128 с.

Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // История монголов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 488 с.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Вып. III, 2. С. 37–52.

Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1991. Вып. II. С. 44–47.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. МИА, №117. М., 1963. С. 200–268.

Савинов Д.Г. Отчет о полевых исследованиях Алтайского палеоэтнографического отряда в 1970 г. Раскопки Осинкинского могильника. Л., 1971а. 31 с. (Архив Института археологии РАН. Р–1 4114).

Савинов Д.Г. Осинкинский могильник на Северном Алтае // Археологические открытия 1970 года. М., 1971б. С. 219–220.

Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X–XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 21 с.

Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 53–72.

Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело

древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1981. С. 146–162.

Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1987. 52 с.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 215 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.

Сокровища Золотой Орды: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 494 с.

Табалдиев К.Ш. Погребение из Кичи-Ача (Центральный Тянь-Шань) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 165–189.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.: ил.

Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск: Издательский центр НГУ, 1999. С. 78–81.

Тишкин А.А. Курганный могильник Белый Камень — новый памятник эпохи средневековья северо-западных предгорий Алтая // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993а. С. 232–247.

Тишкин А.А. Аварийные археологические раскопки курганного могильника Щепчиха-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. С. 90–99.

Тишкин А.А. Разработка методики поиска на Алтае погребальных комплексов монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1998а. Ч. II. С. 101–103.

Тишкин А.А. Отчет об аварийных раскопках на памятниках Телеутский Взвоз-I (Павловский район) и Березовая Лука (Алейский район) в Алтайском крае. Барнаул, 1998б. 46 с., прил. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АГУ, 6/н).

Тишкин А.А. Проблемы изучения культуры населения монгольского времени лесостепной зоны Алтая // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. I: Археология. Этнология: Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000а. С. 169–173.

Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всерос. науч. конф. (Омск, 19–20 октября 2000 г.). Омск, 2000б. С. 108–110.

Тишкин А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 127–133.

Тишкин А.А. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 2001б. С. 82–84.

Тишкин А.А. Сухие Гривы – памятник монгольского времени на правобережье Оби // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001в. С. 139–146.

Тишкин А.А. Особенности погребальной практики у населения Лесостепного Алтая в монгольское время (по материалам памятника

Телеутский Взвоз-1) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002а. С. 240–242.

Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. С. 143–149.

Тишкин А.А. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае и Республике Алтай. Барнаул, 2002в. 237 с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, б/н).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сросткинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. М.: Эдиториал УРСС, 1999а. С. 316–318.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Материалы исследования памятника Усть-Бийке-III в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999б. Т. V. С. 520–526.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Археологические памятники эпохи средневековья в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 54–63.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002а. №9. С. 71–78.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002б. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Завершение раскопок курганов монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1998. Новосибирск:

Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 365–368.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. Т. III. С. 53–60.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В. Исследование курганов монгольского времени на могильнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Итоговой сессии ИАиЭ СО РАН, посвященные 40-летию СО РАН и 30-летию ИИФиФ СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 301–305.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Деятельность Н.С. Гуляева в обществе любителей исследования Алтая (1891–1902 гг.) // Гуляевские чтения. Вып. 1: Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, ЛИК БГПУ, 1998. С. 124–130.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Уманский А.П. Андроновский кинжал из с. Ильинка // Советская археология. 1964. №2. С. 191–193.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках: Автореф. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1983. 62 с.

Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 81–99.

Уманский А.П. Об археологических раскопках в окрестностях с. Ильинка Шелаболихинского района Алтайского края, проведенные летом 1972 года. Барнаул, 1992. 7 с., прил. (Архив Историко-краеведческого музея БГПУ, 6/н).

Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993. С. 5–12.

Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1995. Ч. 1. 172 с. Ч. 2. 222 с.

Уманский А.П., Караваев А.В. Аварийные раскопки у села Ильинка в 1972 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 84—85.

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146—161.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевнический курган XIV века из Нижнего Поволжья (некоторые особенности погребального обряда средневековых кочевников) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1984. С. 98—108.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры. Ползуновские чтения. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 6—29.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 г. // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 160—206.

Худяков Ю.С. Памятники эпохи позднего средневековья в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые науч-

ные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 54–60.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Изучение археологических памятников Алтая (II тыс. н.э.) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 227–236.

Черноусов С.И., Арефьев В.С., Осьмушкин В.С., Бобров Э.А., Михайлов В.Е., Арефьева В.И., Швецов А.Я. Географические и инженерно-геологические условия Степного Алтая. Новосибирск: Наука, 1988. 97 с.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 200–201.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 247–254.

Шамшин А.Б. К истории археологического изучения Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993а. С. 12–17.

Шамшин А.Б. Новые археологические находки из Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993б. С. 19–21.

Шиготарова Т.Г. Типология наносных султанчиков (по материалам средневековых памятников Алтая) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. III. С. 98–104.

Шиготарова Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001а. С. 164–172.

Шиготарова Т.Г. Распределители ремней конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001б. С. 112–115.

Ширин Ю.В. Новые исследования многослойного памятника Степной Чумыш-2 // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 122–129.

Юрченко А. Империя и космос. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингисхана // *Ab Imperio*. 2002. №1. С. 107–184.

Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S. Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Suttu-Bulak, Raj. Kockorka, Kyrgystan // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. Band 3. Berlin, 1997. S. 513–570.

Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. Улаанбаатар хот, 2000. 33-р тал, 31 зураг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ — Алтайский государственный университет (ныне — АлтГУ, Барнаул)

АККМ — Алтайский краевой краеведческий музей (ныне — Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), Барнаул)

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик (ныне РАН)

АО — Археологические открытия (Москва)

БГПУ — Барнаульский государственный педагогический университет (ранее БГПИ — Барнаульский государственный педагогический институт)

БЕ — Ближние Елбаны

БКМ — Бийский краеведческий музей

БНЦ — Бурятский научный центр (Улан-Удэ)

В — восток

ГАГПИ — Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне ГАГУ)

ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет

ГАНИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

З — запад

ИА РАН — Институт археологии РАН (Москва)

ИАЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

ИФ — исторический факультет

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полезных исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР

МАЭА АлтГУ — Музей археологии и этнографии Алтая
Алтайского государственного университета

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИОН — Межрегиональный институт общественных наук

НГУ — Новосибирский государственный университет

НИИ ГИ — Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований при АГУ

НПЦ — Научно-производственный центр

ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет

РА — Российская археология

РАН — Российская академия наук

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований

С — север

СА — Советская археология (ныне РА)

САИ — Свод археологических источников

СО — Сибирское отделение

СЗ — северо-запад

ТГУ — Томский государственный университет

УрО — Уральское отделение РАН

ХаКНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Абакан)

Ю — юг

ЮВ — юго-восток

ЮЗ — юго-запад